

ISSN 0131-6656

СМЕНА

№ 9 МАЙ 1983

МАГИСТРАЛИ СИБИРИ

ИЩУ КЛАСС 41-го

Екатерина ПРАСОЛОВА

Мы отворили дверь в кабинет географии. Все парты были уже вынесены в ожидании летнего ремонта. На месте классной доски остался светлый прямоугольник. Наверху гремела музыка—это шел наш выпускной вечер. Юлька пристроилась на подоконнике с гитарой. Открыли окно—светало. Через два часа мы перестанем быть 10 «А».

— Спрятались? От меня вам не спрятаться.—Игорь рывком распахнул дверь и гулко прошагал через пустой класс.—Небольшое интервью: пожалуйста, несколько слов о том, как вы представляете себе свое будущее.

В руках у Игоря была тетрадь. Такие тетрадки оставляет после себя почти каждый выпускной класс.

Маленький альбомчик в коричневом переплете лежал в потертом кожаном портфеле, перевязанном крест-накрест веревкой, вместе с выпускной фотографией, папкой пожелтевших воинских треугольников и отличным аттестатом, выданным в 1941 году на имя моего дяди, Алексея Михайловича Прасолова, выпускника 10 «А» школы № 2 Юго-Западной железной дороги (раньше были ведомственные школы).

В альбомчике были стихи—очень немного и совсем непримечательные с литературной точки зрения, но они впервые заставили меня провести параллель между ним, моим дядей, в 41-м почти ровесником мне, чуть старше, и мной, между тем поколением и нашим—выпускниками 81-го.

На двух тетрадных листах под заголовком «Наше будущее» мой дядя изложил предполагаемую судьбу своих одноклассников. Кое-чьи планы он знал, кое-что вывел логически, сообразуясь с привычками и чертами характера, а больше фантазировал наугад.

Про себя он знал: сразу после школы—армия. А потом непременно учиться дальше. И конечно, в области точных наук. Недаром он сам, не заглядывая в учебник, доказывал в классе теоремы и замещал заболевшего учителя.

Он будет первым в семье, кто получит высшее образование. Вероятно, ему придется одновременно учиться и работать: мать на свою маленькую зарплату тянет их троих, и все ее надежды теперь на него, на старшего сына.

...Дядя Леша, тогда еще просто Леша, два раза обвел дату под стихотворением—«Март 1941 года», потянулся и взял со стола газету.

События пахнут порохом: фашисты во Франции, фашисты в Польше—почти всю Европу уже захватил Гитлер.

Неужели придет и наша очередь? Ведь была уже финская. Что, если она пролог другой, гораздо более страшной и долгой войны?

В это не верилось, потому что верилось в будущее, такое, каким он его только что описал, потому что это не вязалось с неторопливым спокойствием сыроватого московского вечера второй половины марта.

...До начала войны оставалось три месяца. Три месяца до того дня, когда он подаст заявление в военкомат.

12 августа бабушка проводила дядю Лешу в Саратовское танковое училище.

Теперь все, что она знала о старшем сыне, заключалось в маленьких потертых треугольничках, которые время от времени приносил почтальон.

Письмо от 7 сентября начиналось гордой фразой: «Мама! Я сейчас зачислен курсантом танкового училища». В одной из ноябрьских открыток как бы между делом проскользнуло: «Учусь я неплохо—отличник...» Основное содержание писем он посвя-

щал не себе: «Женик! Напиши мне, чем ты занимаешься и как живешь. Ты тоже скоро будешь большой и приедешь ко мне в училище учиться на танкиста. Мама! Обо мне не беспокойся. Я еще ничего трудного не видел». «Ира, ты пишешь, что учишься, но не знаешь, что из этого получится. Не лучше ли, если ты поступишь работать, т. к. дальше жить на такую сумму, я думаю, невозможно. Насчет учебы можно будет говорить, когда наши дела на фронте пойдут в гору, когда мы освободимся от проклятых фашистов. Тебе ведь осталось учиться один год. Подумай об этом».

Может быть, потому, что у меня самой нет ни сестры, ни брата, я сразу отметила именно эти слова—слова старшего в семье мужчины, обеспокоенного тем, что домашние неожиданно и надолго остались без него, да еще в такое время. Вообще-то именно таким—старшим, главным, почти наравне с матерью, его и запомнили и тетя Ира и младший брат Женик—теперь давно уже не Женик, а Евгений Михайлович, мой папа.

В начале 43-го года стало ясно, что учеба в Саратове заканчивается. 26.1.43: «Учиться будем, видимо, недолго. Скоро выпустят, но не техником, а лейтенантом. Это значит—командир экипажа танка». 17.2.43: «По новому приказу нам выдали погоны». И, наконец, после долгого молчания: «Едем на фронт!» (7.6.43)

С фронта не было ни одного письма. 5 июля 1943 года началась Курская битва. На равнине под Прохоровкой развернулось грандиозное танковое сражение.

В начале августа на имя бабушки пришло извещение: «Уважаемая Екатерина Матвеевна! Ваш сын, старший лейтенант, командир танка Прасолов Алексей Михайлович пропал без вести в боях на курско-орловском направлении».

Спустя много лет через общественные организации и военные архивы уда-

лось установить: танк, которым командовал старший лейтенант А. М. Прасолов, был подбит 10 июля на окраине поселка Каменный Лог Прохоровского района. Когда экипаж покидал машину, по нему дали очередь из люка немецкого «тигра». Стрелок и заряжающий были убиты, командир тяжело ранен. Водитель вынес его из боя и погрузил в санитарную машину. Но ранение оказалось смертельным, и дядя Леша скончался по пути в госпиталь...

...До конца своей жизни, несмотря ни на что, бабушка молилась за старшего сына, как за живого.

...Что заставило меня взяться за поиск одноклассников дяди Леша? Может быть, чувство преемственности и наследственности по отношению к прадеду и вообще родственникам, существующее в нашей семье как фамильная черта, как традиция, в силу которой и меня назвали именем бабушки—Екатерина. Может быть, просто интерес к людям и судьбам, свойственный, как говорят, и дяде Леше тоже. Идея разыскать тех, кто был упомянут в стихотворении «Наше будущее», и выяснить, как сложилась их судьба, возникла во время какого-то родственного «сбора» у нас дома, возникла не у одной меня, а у нескольких человек сразу, и, раз подержав эту идею, я уже не могла от нее отказаться.

Впрочем, была и другая причина. Вопрос о смысле жизни, о том, насколько возможно воплотить в действительность свои планы, о том, способны ли мы—я и мои сверстники—к большому и важному делу, стоял для меня так же, как стоит он и для всякого другого. Понятия «героизм», «подвиг» подчас кажутся абстрактными. Но абстрактного подвига не бывает. И важно видеть в героях просто людей, чтобы оценить величие сделанного ими, чтобы понять, откуда они черпали силу и мужество, и чтобы узнать себя. А для этого нужно хотя бы в воображении, хотя бы ненадолго, «примерить на себя» их судьбу

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 9 (1343) МАЙ 1983

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
картина художника
В. А. ВУКОЛОВА.

- 1 Екатерина ПРАСОЛОВА. «ИЩУ КЛАСС 41-го».
- 3 К 165-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ КАРЛА МАРКСА. Борис РУДЯК, кандидат исторических наук. «РОССИЙСКАЯ ТЕТРАДЬ».
- 4 ЦРУ ПРОТИВ НАС. Николай ЯКОВЛЕВ. «ЯДЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА».
- 7 А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».
- 8 Рассказ Эдуарда МЕДВЕДКИНА «ПЕСНЯ».
- 10 ЭНЕРГЕТИКА БУДУЩЕГО. «КУРСКИЙ АТОМ».
- 12 НАВЕКИ В РЯДАХ КОМСОМОЛА. Иван АРСЕНТЬЕВ, Герой Советского Союза. «БЕССМЕРТИЕ».
- 14 ЗРА БИОЛОГИИ. Генрих ИВАНИЦКИЙ. «ГОРИЗОНТЫ БИОФИЗИКИ».
- 16 СПОРТ В НАШЕЙ ЖИЗНИ. «ПОЛЕТ СТРЕЛЫ». Фоторепортаж Игоря МАСЛЕННИКОВА и Евгения ВОЛКОВА.
- 18 ЧИТАТЕЛЬ — «СМЕНА» — ЧИТАТЕЛЬ. «ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОГНОЗ».
- 19 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.
- 20 ОТЕЧЕСТВО. «ТРАКАЙ». Фотоочерк Яковаса ШАДЯВИЧУСА и Сергея ВЕТРОВА.
- 22 Стихи Шарафа РАШИДОВА.
- 24 ГЕРОЙ ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ. Документальная повесть Евгения РЯБЧИКОВА «ЮНОСТЬ КУРЧАТОВА».
- 27 Стихи Михаила АНДРОНОВА «ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ».
- 28 Политический детектив Леонида МЛЕЧИНА «ПРОЕКТ «ВАЛЬХАЛЛА».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор А. В. Исаева.

Издательство «Правда». «Смена». 1983 г.

чертежного стола. Эта работа пока лучшее, что она может и, стало быть, должна делать. Лишь с появлением этого чувства она вновь обрела себя—уже другую, с новым пониманием жизни и долга перед Родиной.

В сентябре 42-го Мария держала экзамен на строительный факультет инженерно-экономического института имени Серго Орджоникидзе (ныне институт управления) и была принята. Распорядок дня ее стал похож на распорядок Наташи Товбиной да и многих других студенток военной Москвы: днем—занятия, ночью—тушение пожаров.

Когда я встретилась с Марией Илларионовной, она была уже кандидатом экономических наук, доцентом в Московском ордена Трудового Красного Знамени институте управления имени Серго Орджоникидзе, автором научных трудов в области организации управления строительством. Школьница Муся Савченкова стала отличником высшей школы, трижды избиралась депутатом Моссовета.

Миша—Михаил Тимофеевич Скворцов (на снимке он крайний справа в первом ряду). В тот день перед фотографированием он в первый раз повязал галстук, но, увидев, что другие этого не сделали, спрятал в карман...

Сразу после начала войны Миша был направлен учиться в военную академию. Вскоре академия эвакуировалась в Фергану.

Поезд шел на восток, а на западе гремели тяжелые бои. И чем дальше в тыл уходил эшелон, тем более настойчиво овладевала мысль: учиться не время. Нужно с оружием в руках быть ТАМ.

«На фронт»—эти слова были на устах у всех курсантов. Встал вопрос о расформировании факультета в связи с массовой подачей заявлений с просьбой о направлении в действующую армию.

В первых числах сентября Рита Крушинина получила из Ферганы письмо, датированное 21 августа 42-го года. Михаил писал:

«Я уже не слушатель военной академии, который за один год изучил английский и китайский языки, а курсант-радиотехник, который через несколько дней отправляется на фронт, наверное, начальником радиостанции. На днях должным присвоить звание сержанта... 15 мая был получен приказ расформировать наш институт... Я попал в первую партию отчисленных и был направлен в распоряжение горвоенкомата Ферганы, а затем в Алма-Ату, в запасную часть. Здесь меня послали курсантом-радиотехником в роту связи. С 25 мая по сей день я изучаю радиодело. Учеба идет хорошо. Отличник боевой и политической подготовки. Сейчас старший радист на боевой радиостанции.

Алма-Ата—замечательный город, весь утопает в садах, а с юга его окаймляют величественные снежные горы. Садов очень много. А потому яблоки и груши не выводятся. Часто бывает кино, встречи с киноактерами, но все это не то. Съедает меня тоска по Москве, по родным и знакомым. Ведь уже год, как я уехал из Москвы. Буду ли я еще когда-нибудь в Москве? Встретимся ли и все ли увидимся? Эти вопросы часто приходят в голову...»

В конце августа 42-го года Михаил действительно был направлен на фронт командиром боевой радиостанции.

Он не любил и не умел писать письма, и, хотя со свойственной ему исполнительностью подолгу просиживал, взвешивая каждую строчку, все равно домашние знали о нем очень мало—лишь самое основное: осенью был ранен, после госпиталя попал радистом в стрелковую часть. Зимой 43-го снова ранение, госпиталь в Воронеже, ампутация обмороженных пальцев ноги.

После госпиталя был зачислен на специальные краткосрочные курсы офицерского состава (видимо, сыграло роль знание трех иностранных языков: английского, немецкого, китайского). Кончил курсы в конце 43-го, получил звание младшего лейтенанта и снова был направлен на фронт.

Его последнее, очень короткое письмо пришло из Молдавии. Там были слова: «Мы наступаем».

В похоронной, которую мама Михаила получила в мае 44-го, было сказано, только: «Погиб смертью храбрых». Где и когда, сестре Михаила Тимофеевича, Наталье Тимофеевне, удалось установить много лет спустя: 11 апреля 1944 года в селе Выгнанка Тернопольского района. Там он похоронен в братской могиле.

Лелей одноклассники звали Леонида Николаевича Белецкого (на фотографии третий слева во втором ряду).

Главной из десяти своих боевых наград он считает медаль «За оборону Заполярья».

После окончания авиатехнической школы он три года прослужил в истребительном полку. Радиомеханик эскадрильи—наземная служба. Но от нее тоже зависит успех воздушного боя: залог победы—слаженность действий, а она достигается надежной связью с землей и между машинами. Боевые вылеты в условиях Заполярья совмещали в себе предельный риск воздушного боя вообще с опасностью полетов в северных широтах. Поэтому напряженные схватки в небе связисты в не меньшей степени ощущали на земле.

Гитлеровцы были отброшены от полярных границ осенью 44-го года. Летом начались бои за Прибалтику. Истребительный полк, где служил Белецкий, перелетел в Литву. Там Леонид встретил День Победы и там же прослужил до 48-го года—до демобилизации.

Радиодело и авиация определили его дальнейшую судьбу: проучившись три года в Московском автодорожном институте, был переведен в Военно-воздушную академию имени Жуковского, окончил ее в 55-м, потом служил на Дальнем Востоке. Место его сегодняшней работы—исполком Тимирязевского райсовета Москвы.

Рита Баркова смотрит с фотографии весело и уверенно. Нарядная «матроска», красивые, вьющиеся волосы—вот она, в центре первого ряда, рядом с дядей Лешей и учителем русского языка и литературы Иваном Игнатьевичем Горлиным.

Ей, круглой отличнице, порадовавшей учителей обширностью своих внепрограммных знаний, все, как один, пророчили незаурядное будущее.

В первые же дни войны она сразу оказалась загруженной до предела. РК ВЛКСМ Советского района назначил ее бригадиром по эвакуации детей работников Западной железной дороги, и она вывезла несколько партий в Рязанскую область. Решила, что мысль о высшем образовании придется пока оставить. В октябре она начала работать кочегаром—начала на Западной железной дороге, потом, с февраля 42-го, на Карагандинской. Яростно кидала уголь в топку—лопату за лопатой. «Черная работа? Пусть самая черная! Привыкай!» Казалось почему-то, что чем тяжелее будет труд, тем больше будет ее вклад в победу, а без этого она не мыслила жизни.

Летом Риту сделали помощником машиниста.

Шли эшелоны—с запада на восток, из Москвы в Караганду. Железнодорожники не знали передышки: на них

лежала ответственность за скорейшую доставку эвакуированных предприятий в тыл. Потом на запад пошли составы с первой тыловой продукцией.

В начале 43-го года произошел взрыв железнодорожного полотна. Диверсия. Основной груз уцелел — главный удар принял на себя паровоз, который первым вступил на заминированную территорию, паровоз и кабина машиниста.

Госпиталь. Больница. Инвалидность второй группы. Рите было 19 лет.

«Теперь ты должна учиться» — заставила она себя сказать самой себе.

Приехала в декабре 43-го в Москву и поступила в химико-технологический институт имени Менделеева. Окончила в 48-м. В 53-м году — аспирантура. Потом работа: старший научный сотрудник, начальник отделения, заместитель начальника конструкторского бюро... Специализацией Маргариты Васильевны стала химическая техника. За разработки в этой области ей в 1973 году вручили Государственную премию СССР. Заместитель генерального директора крупного научно-производственного объединения, кавалер ордена Октябрьской Революции, обладательница медалей «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие»...

Рита Баркова смотрит с фотографии весело и уверенно. Маргарита Васильевна сохранила этот взгляд. Так же, как сохранила умение все успевать: работать, заниматься с внуком и помочь мне в поиске — делом и своей энергией, которая по-прежнему неиссякаема.

Стихотворение «Наше будущее» я привела отрывками, не целиком. Там были еще строки о Викторе Минине, Надежде и Вере Сазоновых, Стехновском.

Обо всех этих людях мне так и не удалось ничего узнать, несмотря на все мои старания. Конечно же, я была бы очень благодарна тем, кто сообщил бы мне сведения о них, — и здесь я говорю не только от своего имени, но также от имени тех, кого сумела найти.

— Ты веришь, что все снова станет на свои места, снова наступит мир, и все будет так, как мы хотели? — спрашивал дядю Лешу Борис Белопольский в Саратове в 41-м году.

— Верю.

В биографиях одноклассников дяди Леша стоят названия решающих сражений. Все они — живые и мертвые — с честью выдержали главное испытание своего времени.

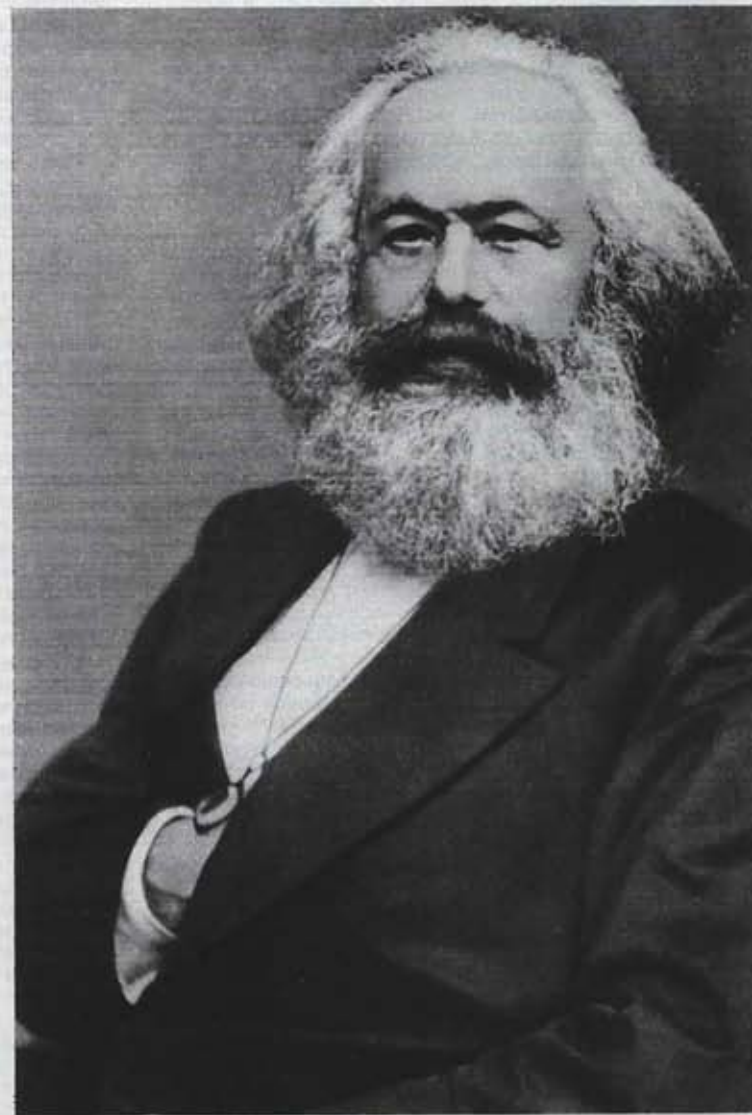
Ведя поиск, я много передумала о тех, кого разыскивала, и, может быть, не столько о них — сегодняшних, сколько о них, какими они были тогда, 40 лет назад, — и даже удивилась сама: среди собственных одноклассников я увидела характеры, во многом напоминающие характеры тех, чьи имена попали в стихотворение «Наше будущее».

...Вероятно, я так никогда и не узнаю, кто подписал дяде Леше на память тот самый кожаный альбомчик: «Леше Правослову от В. Черкасовой. (Для собственных произведений)». Мне было очень неловко, когда его одноклассники, не сразу поняв, в чем дело, при первом знакомстве по телефону называли меня Екатериной Алексеевной. «Нет, что вы, не дочь — племянница. У него ведь не было семьи». «Да-да, конечно же, он не успел...»

О том, что можно вот так же не успеть, почти ничего не успеть в жизни, погибнуть, едва начав жить, об этом должен задумываться каждый. Да, велика наша уверенность в оборонном могуществе страны. Да, за годы, прошедшие без войны, сделано чрезвычайно много для того, чтобы больше не допустить ее. Мы верим в свое будущее. Но не менее важная и нужная вера — вера в то, что каждый из нас сумеет послужить цели, которую выдвигает время не перед одним человеком, а перед целым поколением, перед всей страной.

РОССИЙСКАЯ ТЕТРАДЬ

Борис РУДЯК,
кандидат исторических наук

**К 165-летию
со дня
рождения
и 100-летию
со дня
смерти
Карла
Маркса**

О жизни вождя и учителя международного пролетариата — Карла Маркса, о его совместной с Фридрихом Энгельсом работе над созданием теории научного коммунизма, об их революционной деятельности написаны тысячи страниц прозаических и поэтических книг, исследований, монографий. И каждый из писателей, поэтов или ученых непременно задавался вопросом: какие силы направляли гениальный ум ученого, как возводил он величественное здание теории научного социализма? Ответ на этот вопрос интересен и важен и для миллионов молодых людей в нашей стране, для которых жизнь Маркса является подлинной школой коммунистического воспитания.

В многочисленных воспоминаниях современников Карл Маркс предстает перед нами как богато одаренный человек с разносторонними интересами, с неистощимым запасом знаний. Всех, кто встречался с ним, поражали его огромная энергия, устремленность, целенаправленность и сосредоточенность мысли и действий.

Известно, что Карл Маркс проявлял неизменный интерес к России. Чтобы читать русские источники на языке оригинала, надо было, естественно, изучить русский язык. Маркс начал читать по-русски в 1869 году. Через восемь лет он писал: «Чтобы иметь возможность со знанием дела судить об экономическом развитии России, я изучил русский язык и

затем в течение долгих лет изучал официальные и другие издания, имеющие отношение к этому предмету».

В дошедшем до нас рукописном наследстве Карла Маркса сохранилась толстая тетрадь с выписками из русской грамматики. В ней 93 страницы и несколько отдельных листов с грамматическими упражнениями в русском языке. Эти записи и упражнения относятся к ноябрю 1869 — февралю 1870 года и датируются на основании первого упоминания Маркса об изучении русского языка в письме Людвигу Кугельману от 29 ноября 1869 года, а также в письме к Фридриху Энгельсу от 22 января 1870 года.

В письме Кугельману Маркс сообщал: «Начал изучать русский язык ввиду того, что мне прислали из Петербурга книгу о положении рабочего класса (конечно, включая сюда и крестьян) в России». За месяц до этого, 23 октября 1869 года, Маркс сообщает Энгельсу в Манчестер о получении книги Н. Флеровского «Положение рабочего класса в России», указав, что она содержит 500 страниц. К 10 февраля 1870 года, как видно из его письма Энгельсу, Маркс уже прочел первые 150 страниц книги, которые посвящены Сибири, Северной России и Астрахани. Некоторые наиболее понравившиеся ему места Маркс выписывает по-русски и цитирует их в письме к Энгельсу, который, как известно, стал заниматься русским языком еще в 1851 году.

Книга эта хранится в Москве, и на ней совершенно отчетливо видны многочисленные рукописные пометки Маркса. Характерно, что в первой половине книги это в значительной степени словарные записи, связанные с недостаточным еще знанием русского языка. В целом же замечания, отчеркивания и подчеркивания Маркса отражают его интерес к конкретным фактам положения крестьян и ремесленников, экономическим и семейным отношениям в России, содержат ряд критических высказываний Маркса.

Параллельно с работой над книгой Н. Флеровского Маркс с целью совершенствования своих знаний в русском языке читает книгу русского революционного демократа А. И. Герцена «Тюрьма и ссылка», являющуюся в дальнейшем составной частью большого автобиографического цикла под названием «Былое и думы».

Известно, что Энгельс использовал в качестве пособия книги классиков русской литературы А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова и других. Для Маркса же первой русской книгой, прочитанной им от начала до конца, была «Тюрьма и ссылка». На первых пяти страницах книги сохранились также пометки Энгельса. Пометки Маркса имеются на всех страницах книги, а на последней, 196-й странице рукой Маркса сделана запись по-английски: «Finished 9 January 1870» («Закончено 9 января 1870 г.»). Сохранившиеся маргиналии (пометки на полях книги) Маркса и Энгельса представляют большой интерес, так как, помимо факта чтения произведения Герцена, они раскрывают методику изучения Марксом и Энгельсом такого сложного языка, как русский, отражают процесс овладения языком и степень владения им по мере чтения книги. Вероятнее всего, начальные страницы книги были прочитаны и размечены Энгельсом специально для Маркса, когда ему стало известно о его усилиях по овладению русским языком.

При чтении русских книг Энгельс, а затем Маркс применяли следующий метод: над каждым незнакомым словом (или рядом с ним) они ставили порядковый номер, а затем записывали здесь же, на полях, перевод этого слова на немецкий или другой язык под соответствующим номером. Во многих случаях над словом ставилось ударение. Маркс часто подчеркивал, а затем выписывал отдельные слова печатными русскими буквами, отражая ряд особенностей склонения, спряжения или образования этого слова. По характеру и количеству выписанных Марксом слов можно шаг за шагом

проследить, как он при чтении одной из первых русских книг стремился практически освоить и закрепить то, что узнал теоретически при изучении грамматики русского языка. Поразительно, как глубоко Маркс с самого начала умел вникать в смысл русского текста, обращая внимание на самые существенные моменты, выписывая корни слов, различные словосочетания и словообразования. В ряде случаев Маркс даже исправляет неправильно набранные русские слова. По мере чтения книги количество выписанных Марксом слов становится все меньше. Если на первых страницах видно от 20 до 30 слов, то к концу книги — всего 2—5 слов на странице.

Маргиналии Маркса свидетельствуют о самом внимательном чтении мемуаров Герцена, сочетавшего в своем творчестве глубокие философские обобщения и мастерское владение словом. Работая над книгой, Маркс, с одной стороны, имел возможность ознакомиться с богатством и своеобразием русского языка, усвоить значительный словарный фонд, необходимый для последующего чтения русских книг. С другой стороны, видно, как тщательно Маркс изучал фактические данные, характеристики лиц и событий. Он как бы из первых рук получал ясную картину о жизни молодого Герцена, об обстоятельствах его ареста, ссылки в Пермь и Вятку. Видно, что Маркс не пропустил ни одного из обобщений Герцена, относящихся к важнейшим явлениям социальной и политической жизни России 30—40-х годов XIX века.

Основательно проштудировав русскую грамматику и получив хорошие практические навыки после прочтения книг А. И. Герцена и Н. Флеровского, Маркс все чаще обращается к литературе на русском языке.

Интерес Маркса и Энгельса к России особенно усилился в 60-е и 70-е годы в связи с отменой крепостного права в 1861 году и развитием капиталистических отношений. Последние неизбежно должны были привести к возникновению рабочего движения в России. Маркс намеревался прежде всего собрать необходимый материал для второго и особенно третьего тома «Капитала», имея в виду разработать раздел о земельной ренте преимущественно на основе русских источников. По мере того как русские друзья и знакомые узнавали об интересах Маркса к русским источникам, они стали снабжать его литературой на русском языке. Таким образом Марксу удалось собрать исключительную по ценности коллекцию книг и периодических изданий на русском языке. Ознакомившись с этой частью библиотеки уже после смерти Маркса, известный деятель революционного народничества, писатель и публицист С. М. Кравчинский (Степняк) писал, что ряда земских изданий, достаточно полно представленных в библиотеке Маркса, не было даже в Британском музее.

Русские книги, входившие в состав библиотек Маркса, а затем и Энгельса, охватывали чрезвычайно широкий круг проблем. Многие из них относятся к истории крестьянской реформы 1861 года, среди которых видное место занимают официальные источники и статистические сборники. Большое внимание Маркса привлекали книги о тенденциях капиталистического развития России. Интерес этот не ограничивался только современностью, и в библиотеке Маркса было немало книг, относящихся к истории России, к важнейшим вехам ее исторического развития.

Исключительно важное значение Маркс и Энгельс придавали произведениям, выходящим из-под пера представителей передовых революционных кругов России. В библиотеках Маркса и Энгельса мы видим произведения А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, важнейшие материалы, публиковавшиеся в журналах «Современник» и «Отечественные записки», революционные издания зарубежных групп и подпольные издания, появившиеся в России. Удалось определить более 140 запрещенных в России изданий, входивших в состав библиотек Маркса и Энгельса.

Изучение русского языка и русских источников не было самоцелью для Маркса и Энгельса. Оно помогло им сделать важнейшие выводы о всемирно-исторической роли революционного движения в России, о его неизбежной победе. Глубоко изучив труды, отражающие отношение основоположников марксизма к России, В. И. Ленин писал: «Маркс и Энгельс были полны самой радужной веры в русскую революцию и в ее могучее всемирное значение».

За исторически короткий срок, начало которому положила Великая Октябрьская социалистическая революция, Советское государство прошло огромный путь. Революция, как и предвидели Маркс и Энгельс, произвела коренной переворот в судьбах народов нашей страны и оказала решающее влияние на все последующее развитие человечества.

Николай ЯКОВЛЕВ

И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЯДЕРНАЯ С

Уже в 1943 году, рассуждая о послевоенных проблемах, заместитель военноморского министра США Д. Форрестол публично учил: «Понятие «безопасность» больше не существует, и вычеркнем это слово из нашего лексикона. Запишем в школьные учебники аксиому — мощь подобна богатству: либо ее используют, либо утрачивают». Тем временем исследовалось соотношение сил между США и СССР. Перед лицом побед Советских Вооруженных Сил комитет начальников штабов США пришел к реалистическим выводам относительно последствий вооруженного конфликта между нашими странами. Они были сформулированы в серии рекомендаций, представленных комитетом правительству, начиная со второй половины 1943 года, то есть после Сталинграда и Курска. Вероятно, самыми поучительными среди них были рекомендации, направленные 3 августа 1944 года государственному секретарю К. Хэллу, недвусмысленно предупреждавшие правительство против взлетов в политическую стратосферу без учета реальных возможностей США:

«Успешное завершение войны против наших нынешних врагов приведет к глубоким изменениям соответственной военной мощи в мире, которые можно сравнить за последние 1500 лет только с падением Рима. Это имеет кардинальное значение для последующих международных урегулирований и всех обсуждений, касающихся их. Помимо устранения Германии и Японии как военных держав, изменения соответственной экономической мощи главных государств, технические и материальные факторы значительно способствовали этим изменениям. Среди них развитие авиации, общая механизация вооруженной борьбы и заметный сдвиг в военном потенциале великих держав».

После поражения Японии первоклассными военными державами останутся только Соединенные Штаты и Советский Союз. В каждом случае это объясняется сочетанием их географического положения, размеров и громадного военного потенциала. Хотя США могут переборщить свою военную мощь во многие отдаленные районы мира, тем не менее относительная мощь и географическое положение этих двух держав исключают возможность нанесения военного поражения одной из них другой, даже если на одной из сторон выступит Британская империя».

Американские высшие штабы своевременно поняли и оценили происходившее тогда: исполненные победы Советского Союза привели к созданию военного равновесия между СССР и США, а в широком плане между социализмом и капитализмом. Здесь коренятся истоки всего послевоенного развития международных отношений. Если Великий Октябрь был прорывом в цепи капитализма, то победа СССР в Великой Отечественной войне создала равновесие в силах между социализмом и капитализмом. Обратив вспять, опрокинув сложившееся в результате советских побед соотношение сил — в этом усматривал свою генеральную задачу Вашингтон.

Американские военные, мыслившие привычными категориями голы силы, стали прискивать надлежачее средства для удара по «врагу», то есть Советскому Союзу. «Философским камнем» при решении проблемы, представлявшейся неразрешимой в рекомендациях, относящихся к 1943—1944 годам, явилось атомное оружие. Еще до его испытания и использования в высших советах Вашингтона обозначилось согласие, что угроза атомной бомбы, зашифрованной под кодовым названиемем С-1, заставит СССР «либерализовать» свой строй и отказаться от плодов победы в Европе. Военный министр Г. Стимсон по крайней мере вынес такое впечатление от бесед с Ф. Рузвельтом. В одной из записей Стимсона после встречи с Рузвельтом значится: «Необходимость ввести Россию органически в лоно христианской цивилизации... Возможное использование С-1 для достижения этого...» Учитывая крайнюю секретность всего связанного с атомной бомбой, Стимсон по необходимости был краток в записях.

После сожжения атомными бомбами Хиросимы и Нагасаки и еще до капитуляции Японии комитет начальников штабов США приступил к разработке планов новой войны. Они были зафиксированы в директивах 1496/2 «Основа формулирования военной политики» и 1518 «Стратегическая концепция и план использования вооруженных сил США», утвержденных комитетом начальников штабов соответственно 18 сентября и 9 октября 1945 года.

В работе М. Шерри «Подготовка к следующей войне», увидевшей свет в 1977 году, сказано: «Мы не нанесем первого удара», — заверил конгресс Эйзенхауэра поздней осенью (1945 год), однако секретные планы свидетельствовали об обратном. Комитет начальников штабов в октябре (1945 год) рекомендовал ускорить атомные исследования и производство атомных бомб, а в секретном докладе взвесил желательность нанесения атомных ударов по Советскому Союзу как в виде возмездия, так и первым. Объединенный разведывательный комитет наметил двадцать советских городов, подходивших для атомной бомбардировки... Этот комитет рекомендовал атомное нападение и в том случае, если успехи врага в области экономики и науки указывали на создание возможностей «в конечном итоге напасть на США или создать оборону против нашего нападения». Комитет советовал «предоставить приоритет стратегической авиации». Комитет добавил, что атомные бомбардировки относительно малоэффективны против обычных вооруженных сил и транспортной системы, то есть признал: атомная бомба будет пригодна только для массового истребления (населения) городов».

Эти оголтелые, плечи которых густо усыпали генеральские и офицерские звезды, сочинявшие каннибальские планы и разгонявшие маховик гонки атомных вооружений, что, они верили в советскую «угрозу»? Конечно, нет! М. Шерри с надлежащими отсылками к архивным досье констатирует: «Советский Союз не представляет собой непосредственной угрозы, признало командование вооруженных сил. Его экономика и людские ресурсы были источниками войны... Следовательно, в ближайшие несколько лет СССР сосредоточит свои усилия на восстановлении. Советские возможности, независимо от того, что думали о намерениях русских, представлялись достаточным основанием считать СССР потенциальным врагом».

Директива комитета начальников штабов 1496/2 содержала устрашающее положение:

«Мы не можем допустить, чтобы возобладали ложная и опасная идея — дабы избежать занятия агрессивной позиции, мы позволили первому удару обрушиться на нас. В таких обстоятельствах наше правительство должно добиваться быстрого политического решения, одновременно проведя все приготовления, чтобы в случае необходимости самому нанести первый удар».

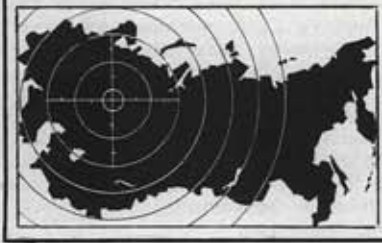
Чем? Прежде всего атомными бомбами! Вплоть до последнего времени в американской историографии безраздельно господствовало представление о том, что Трумэн поторопился с сожжением Хиросимы и Нагасаки, ибо США располагали-де двумя атомными бомбами. Их нельзя было израсходовать для демонстрации мощи атомного оружия где-нибудь не в населенном месте, поэтому был необходим предметный урок ценой гибели сотен тысяч мирных жителей. В изданной в 1978 году, например, примечательной во многих отношениях книге У. Манчестера «Слава и мечта» сказано: «Генерал Гровс считал, что предварительные испытания будут не нужны. Он считал, что первая бомба будет готова примерно к 1 августа 1945 года, вторая к 1 января 1946 года, а третья позднее, в точно не установленный срок». Так он считал на рубеже 1944—1945 годов. На начало лета 1945 года, по словам У. Манчестера, «американцы не имели бомб, чтобы растрчивать их без дела. Помимо статичного устройства, которое подлежало взрыву, у них было всего две бомбы — «Худой» и «Толстяк».

Итак, для Японии США располагали двумя атомными бомбами, но к исходу 1945 года, как теперь выясняется, в американских арсеналах было по крайней мере 196 атомных бомб и... для русских! В директиве Объединенного комитета военного планирования № 432/д от 14 декабря 1945 года, принятой в связи с описанными директивами комитета начальни-

Продолжение. Начало в № 8.

ТРАТЕВЕРНАЯ КАЯ ВОЙНА

ЦРУ против нас

ков штабов об атомной бомбардировке 20 советских городов, было сказано: «На карте к приложению «А» (к документу Объединенного разведывательного комитета от 3 ноября 1945 года.— Н. Я.)... указаны 20 основных промышленных центров Советского Союза и трасса Транссибирской магистрали—главной советской линии коммуникаций. Карта также показывает базы, с которых сверхтяжелые бомбардировщики могут достичь 17 из двадцати указанных городов и Транссибирскую магистраль. Согласно нашей оценке, действуя с указанных баз и используя все 196 атомных бомб (куда входят 100 процентов резерва), Соединенные Штаты смогли бы нанести такой разрушительный удар по промышленным источникам военной силы СССР, что он в конечном счете может стать решающим».

Всего в 20 городах, избранных на первый случай объектами атомной бомбардировки, в то время проживало 13 миллионов человек, среди них, естественно, женщины, дети, старики. Мартиролог, открытый Хиросимой и Нагасаки, должны были пополнить 20 советских городов (в очередности, установленной американскими штабными планировщиками): Москва, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Ленинград, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль.

Итак, в сентябре—ноябре 1945 года Соединенные Штаты приняли на вооружение доктрину «первого удара», внезапной атомной агрессии против Советского Союза.

Повод к открытию военных действий был ясен: чем быстрее становился на ноги Советский Союз после тяжелейшей войны, тем громче звучал военный набат в Вашингтоне. Мы безмерно радовались тому, что год 1947-й стал годом великого успеха—Советский Союз после четырех лет войны и двух лет восстановления снова вышел на позиции, завоеванные в ходе социалистического строительства к 1941 году.

А в Вашингтоне как раз в это время готовили против нас атомную агрессию!

На исходе 1947 года проводится реорганизация высшего государственного руководства в США. Учреждается Совет национальной безопасности во главе с президентом, орган чрезвычайного руководства, который отныне в глубокой тайне решает вопросы войны и мира для Соединенных Штатов. В прямом подчинении Совета национальной безопасности учреждается Центральное разведывательное управление. Одновременно основывается министерство обороны для руководства и координации военных усилий. Эта структура государственного правления была создана для войны и имела в виду скорейшее развязывание войны против СССР. То, что инициативу возьмут на себя Соединенные Штаты, в Вашингтоне сомнений не вызывало.

Совет планирования политики государственного департамента, который возглавил Кеннан, 7 ноября 1947 года представил «Резюме международной обстановки»: «Советское правительство не желает и не ожидает войны с нами в обозримом будущем... Крайние опасения по поводу опасности войны исходят из неверной оценки советских намерений. Кремль не желает новой большой войны и не ожидает ее... В целом нет оснований полагать, что мы внезапно будем вовлечены в вооруженный конфликт с СССР».

Получив и ознакомившись с выводами совета планирования политики, те в Вашингтоне, кто готовил нападение на Советский Союз, надо думать, испытали немалое удовлетворение: подготавливаемый удар будет внезапным.

18 августа 1948 года принимается совершенно секретная директива Совета национальной безопасности СНБ 20/1 «Цели США в отношении России». Документ, рассекреченный в 1978 году, занял 33 страницы убористого текста.

Во вступительной части директивы СНБ 20/1 объяснялось: «Наши основные цели в отношении России, в сущности, сводятся всего к двум:

- а) Свести до минимума мощь и влияние Москвы...
- б) Провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которых придерживается правительство, стоящее у власти в России».

По уже сложившейся практике высшего государственного руководства намечались действия в условиях мира и в условиях войны. Для мирного периода директива СНБ 20/1 предусматривала капитуляцию СССР под давлением извне. Последствия такой политики в директиве СНБ 20/1, конечно, предвиделись:

«Мы обоснованно не должны испытывать решительно никакого чувства вины, добиваясь уничтожения концепций, несовместимых с международным миром и стабильностью, и замены их концепциями терпимости и международного сотрудничества (так именуются социализм и капитализм.—Н. Я.). Не наше дело раздумывать над внутренними последствиями, к каким может привести принятие такого рода концепций в другой стране, равным образом мы не должны думать, что несем хоть какую-нибудь ответственность за эти события... Если советские лидеры сочтут, что растущее значение более просвещенных концепций международных отношений несовместимо с сохранением их власти в России, то это их, а не наше дело. Наше дело—работать и добиться того, чтобы там свершились внутренние события...»

...Речь идет прежде всего о том, чтобы сделать и держать Советский Союз слабым в политическом, военном и психологическом отношениях по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля».

В сумме все эти соображения сводились к одному: различными подрывными действиями и разными методами свергнуть социалистический строй в нашей стране. Такова конечная цель директивы СНБ 20/1 для «мирного» времени.

На случай войны дело много упрощалось, предусматривался самый разудалый образ действий. Составители документа не вдавались в детали, как именно будет нанесено военное поражение Советскому Союзу, то дело генералов, а занялись дележом шкуры неубитого медведя, то есть политикой в отношении нашей страны после ее разгрома.

«Мы должны принять в качестве безусловной предпосылки, что не заключим мирного договора и не возобновим обычных дипломатических отношений с любым режимом в России, в котором будут доминировать кто-нибудь из нынешних советских лидеров или лица, разделяющие их образ мышления. Мы слишком натерпелись в минувшие пятнадцать лет, действуя, как будто нормальные отношения с таким режимом были возможны».

Но упомянутые 15 лет, то есть с 1933 года,—это восстановление дипломатических отношений между США и СССР, сотрудничество наших двух стран в войне против держав фашистской «оси». Не только мы, но все человечество видело, что Советский Союз защищал дело Объединенных Наций, включая США, а теперь, в 1948 году, выяснилось, что Америка «натерпелась». «Натерпелась» тогда, когда советский солдат спас и Соединенные Штаты!

Но бесполезно говорить о морали и элементарной порядочности, вернемся к директиве СНБ 20/1. Кто же, по мысли Совета национальной безопасности, будет править на территориях, некогда составлявших Советский Союз?

«В настоящее время,—заявлялось в директиве СНБ 20/1,—есть ряд интересных и сильных русских эмигрантских группировок... любая из них... подходит, с нашей точки зрения, в качестве правителя России».

Все они, конечно, подкармливались американскими спецслужбами, назойливо выпрашивая новые подачки. Надо думать, что в Вашингтоне немало намучились с ними, а посему включили в директиву СНБ 20/1 план, который должен был избавить американских политиков от многих хлопот:

«Мы должны ожидать, что различные группы предпримут энергичные усилия с тем, чтобы побудить нас пойти на такие меры во внутренних делах России, которые свяжут нас и явятся поводом для политических групп в России продолжать выпрашивать нашу помощь. Следовательно, нам нужно принять решительные меры, дабы избежать ответственности за решение, кто именно будет править Россией после распада советского режима. Наилучший выход для нас — разрешить всем эмигрантским элементам

вернуться в Россию максимально быстро и позаботиться о том, в какой мере это зависит от нас, чтобы они получили примерно равные возможности в заявках на власть... Вероятно, между различными группами вспыхнет вооруженная борьба. Даже в этом случае мы не должны вмешиваться, если только эта борьба не затронет наши военные интересы».

Оставалось решить вопрос о политике в отношении Коммунистической партии Советского Союза:

«Как быть с силой Коммунистической партии Советского Союза—это в высшей степени сложный вопрос, на который нет простого ответа».

После разного рода рассуждений составители директивы СНБ 20/1 постановили верить его в духе тех самых «правителей» для нашей страны, которых США доставят из-за границы. Что даст возможность физически истребить коммунистов, а США умоют руки:

«На любой территории, освобожденной от управления Советов, перед нами встанет проблема человеческих остатков (язык-то какой.—Н. Я.) советского аппарата власти. В случае упорядоченного отхода советских войск с нынешней советской территории местный аппарат Коммунистической партии, вероятно, уйдет в подполье, как случилось в областях, занятых немцами в недавнюю войну. Затем он вновь заявит о себе в форме партизанских банд».

В этом отношении проблема, как справиться с ним, относительно проста: нам окажется достаточным раздать оружие и оказать военную поддержку любой некоммунистической власти, контролирующей данный район, и разрешить расправиться с коммунистическими бандами до конца традиционными методами русской гражданской войны. Куда более трудную проблему создадут рядовые члены Коммунистической партии или работники (советского аппарата), которых обнаружат или арестуют, или которые отдадутся на милость наших войск или любой русской власти. И в этом случае мы не должны брать на себя ответственность за расправу с этими людьми или отдавать прямые приказы местным властям, как поступить с ними. Это—дело любой русской власти, которая придет на смену коммунистическому режиму. Мы можем быть уверены, что такая власть сможет много лучше судить об опасности бывших коммунистов для безопасности нового режима и расправиться с ними так, чтобы они в будущем не наносили вреда... Мы должны неизменно помнить: репрессии руками иностранцев неизбежно создают местных мучеников... Итак, мы не должны ставить своей целью проведение нашими войсками на территории, освобожденной от коммунизма, широкой программы декommунизации и в целом должны оставить это на долю любых местных властей, которые придут на смену Советской власти».

На этом заканчивалась директива СНБ 20/1, которая вызвала неистовый восторг Белого дома и легла в основу американской политики в отношении Советского Союза. Во многом и очень многом, даже в нумерации, она сходилась с директивой № 21, отданной примерно за восемь лет до этого Гитлером о плане «Барбаросса»...

Впрочем, вопрос о приоритете геноцида в отношении тех, кто считается противником, не так прост. Директива СНБ 20/1 полностью соответствовала американской традиции ведения войны, которой восхищался не кто иной, как Гитлер. В его новейшей биографии, написанной американским историком Дж. Толандом, сказано:

«Гитлер утверждал, что свои идеи создания концентрационных лагерей и целесообразности геноцида он почерпнул из изучения истории... США. Он восхищался, что... в свое время на Диком Западе были созданы лагеря для индейцев, перед своими приближенными он часто восхвалял эффективность американской техники физического истребления—голодом и навязыванием борьбы в условиях неравенства сил».

Журнал «Ньюсуик» восхвалил эту книгу как «первую работу, которую должен прочитать каждый интересующийся Гитлером... в ней сообщается много нового», а автор был удостоен в США премии Пулитцера. Вот и учтем это «новое»!

Соединенные Штаты в 1948 году брали курс на развязывание агрессивной войны против Советского Союза в самом ближайшем будущем.

К 1948 году в сейфах американских штабов скопилось немало оперативных разработок нападения на Советский Союз. Как комитет начальников штабов, так и командующие на местах приложили к этому руку. Например, командующий американскими войсками в Европе Д. Эйзенхауэр оставил в наследство своему преемнику на этом посту план «Тоталити», составленный еще в конце 1945 года. Планы, естественно, обновлялись, однако всеобъемлющая подготовка к скорому нападению на СССР последовала за принятием описанных директив Совета национальной безопасности.

По приказанию комитета начальников штабов к

середине 1948 года был составлен план «Чариотир». Война должна была начаться «с концентрированных налетов с использованием атомных бомб против правительственных, политических и административных центров, промышленных городов и избранных предприятий нефтеочистительной промышленности с баз в западном полушарии и Англии».

В первый период войны — тридцать дней — намечалось сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов. Из них 8 атомных бомб на Москву с разрушением примерно 40 квадратных миль города и 7 атомных бомб на Ленинград с соответственным разрушением 35 квадратных миль. В последующие за этим два года войны предполагалось сбросить еще 200 атомных бомб и 250 тысяч тонн обычных бомб. Командование стратегической авиации предполагало, что где-то в ходе этих бомбардировок или после них Советский Союз капитулирует.

К 1 сентября 1948 года по штабам соединений вооруженных сил США был разослан план «Флитвуд» — руководство к составлению соответствующих оперативных планов. Как в наметках «Чариотира», так и в плане «Флитвуд» признавалось, что с началом войны Советский Союз сможет занять Европу. Как было, например, отмечено в плане «Флитвуд» применительно к Средиземноморью:

«К исходу шестого месяца боевых действий Советские смогут оккупировать и укрепиться на всем северном побережье Средиземного моря, от Гиренеи до Сирии, и подвергнуть линии коммуникаций в море сосредоточенным ударам с воздуха. Кроме того, СССР через шесть месяцев после начала войны сможет оккупировать Испанию и подвергнуть артиллерийскому обстрелу коммуникации (через Гибралтарский пролив)».

Объединенный разведывательный комитет в приложении к плану «Флитвуд» заключил:

«СССР в борьбе с вероятными противниками — США, Англией и союзными с ними странами — сможет овладеть ключевыми районами Европы и Азии».

Перспективы для американских агрессоров выглядели мрачноватыми, тогда зачем открывать войну, в первый период которой по планам только и думали об эвакуации из Западной Европы? Командование американской стратегической авиации предлагало временно закрыть на это глаза, ибо пока Красная Армия будет продвигаться по Европе и Азии, атомные бомбардировки Советского Союза-де подорвут основной элемент советской мощи — политический, каковой, по заключению объединенного разведывательного комитета в приложении к плану «Флитвуд» состоял в следующем:

«1) прирожденное мужество, выдержка и патриотизм русского населения; 2) отлаженный и четкий механизм централизованного контроля Кремля в советской орбите... 3) идеологическая привлекательность теоретического коммунизма; 4) доказанная способность советского режима мобилизовать прирожденный русский патриотизм в поддержку советских военных усилий; 5) способность русского народа и правительства вести войну в условиях дезорганизации, как случилось в первые годы второй мировой войны».

Атомные бомбы, заверяли генералы американских ВВС, сильнее. Вот по этому поводу — могут ли стратегические ВВС сломить волю русских к борьбе — и завязался спор в высшем командовании вооруженных сил, спор, проходивший на фоне завершения подготовки к атомным ударам. 21 декабря 1948 года главнокомандующий ВВС доложил комитету начальников штабов составленный по исполнению указанных директив оперативный план САК ЕВП 1-49:

«2. Война начнется до 1 апреля 1949 года».

3. Атомные бомбы будут использоваться в масштабах, которые будут сочтены целесообразными...»

32а. С учетом количества имеющихся атомных бомб, радиуса действия союзных бомбардировщиков, точности бомбометания, мощности бомбардировок первоочередными объектами для ударов с воздуха являются главные города Советского Союза. Уничтожение их настолько подорвет центры промышленности и управления СССР, что наступательная и оборонительная мощь Советских Вооруженных Сил резко снизится».

в. Планы объектов и навигационные карты для операции против первых 70 городов будут розданы по частям к 1 февраля 1949 года. Имеющиеся навигационные карты в масштабе 1:1000000 достаточно точны, чтобы обеспечить полет к любому нужному пункту на территории СССР».

Командующий ВВС США в Европе генерал К. Лимей был лаконичен. США-де имеют средства просто «очистить от людей громадные пространства поверхности планеты, оставив только следы материальной деятельности человека». Эти, типа Лимей, были уверены, что у них есть время. На Западе думали, что пройдет немало лет, пока СССР создаст атомное оружие. Но...

3 сентября 1949 года американский бомбардировщик В-29, совершавший плановый патрульный полет в

северной части Тихого океана, при очередном заборе пробы воздуха обнаружил повышенную радиоактивность. Лихорадочная проверка данных, и примерно через неделю сомнений не осталось: в Советском Союзе испытана атомная бомба. Комиссия по атомной энергии США, введшая примерно за год до этого «программу дальнего обнаружения» — круглосуточное дозиметрическое наблюдение за атмосферой, — торжествовала: не военные, особенно ВВС, а ученые оказались правы в оценке советской науки. То был исторический подвиг советских ученых и инженеров, положивший конец американской монополии на атомное оружие. Наши материальные жертвы оказались не напрасными, страну отныне прикрывал и атомный щит.

25 сентября 1949 года ТАСС сообщило: «Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 году. Что касается тревоги, распространяемой по этому поводу некоторыми иностранными кругами, то для тревоги нет никаких оснований. Следует сказать, что Советское правительство, несмотря на наличие у него атомного оружия, стоит и намерено стоять в будущем на своей старой позиции безусловного запрещения применения атомного оружия».

Ответ Вашингтона: немедленное рассмотрение возможности развязать превентивную войну.

«Однако, — замечает американский исследователь А. Браун в своей изданной в 1978 году книге «Дропшот. Американский план атомной войны против СССР в 1957 году», — превентивная война не была развязана. Помимо всего прочего, Соединенные Штаты не могли выиграть такую войну в 1949—1950 годах. Стратегическая авиация не могла в то время нанести России один непоправимый удар».

Продумав воздушное наступление против СССР, в американских штабах подвели итог: вероятность достижения целей 70 процентов, что повлечет потерю 55 процентов наличного состава бомбардировщиков. Но сумеют ли экипажи продолжать выполнение заданий при таких потерях? Во время второй мировой войны самые тяжкие потери понесла группа из 97 бомбардировщиков, бомбившая в ночь с 30 на 31 марта 1944 года Нюрнберг. Не вернулось 20 (или 20,6 процента) самолетов, участвовавших в налете. После этого среди летного состава на базах в Англии возникло брожение, граничившее с мятежом. А здесь потери в 55 процентов! По ряду технических причин воздушное наступление против СССР не могло быть проведено молниеносно, атомные бомбардировки Москвы и Ленинграда планировались только на девятый день с открытия боевых действий. А самые оптимистические подсчеты указывали: базы на Британских островах, например, будут полностью выведены из строя действиями ВВС СССР — теперь уже с применением атомного оружия — максимум через два месяца. Это наверняка, а быть может, скорее, но когда? Вскрылось, что стратегическая авиация США, нанеся ужасающий урон городам СССР, выбывала из игры — она оказывалась без достаточного количества самолетов, баз, система обеспечения и обслуживания приходила в крайнее расстройство. А советские армии к этому времени уже вышли бы на берега Атлантического и Индийского океанов. Аксиомой американского планирования войны против СССР была утрата в первые месяцы Европы, Ближнего и Дальнего Востока.

Вопрос о превентивной войне против Советского Союза в 1950 году ввиду ее военной невозможности был снят. Коль скоро выяснилось, что Соединенные Штаты не располагают достаточными силами, чтобы нанести поражение Советскому Союзу, агрессия была перенесена в плоскость подготовки коалиционной войны, на что требовалось время. Датой открытия боевых действий было принято 1 января 1957 года.

По указанию правительства комитет начальников штабов с 1949 года разработал план войны под кодовым названием «Дропшот», в интересах сохранения тайны название умышленно бессмысленное. Предполагалось, что совместно с США выступят все страны НАТО. Ирландия, Испания, Швейцария, Швеция, Египет, Сирия, Ливия, Ирак, Саудовская Аравия, Йемен, Израиль, Индия и Пакистан «постараются остаться нейтральными, но присоединятся к союзникам, если подвергнутся нападению или серьезной угрозе». Разумеется, многие страны, не входящие в НАТО, едва ли предполагали, что их уже вписали в план «Дропшот».

В первый период войны планировалось сбросить на Советский Союз свыше 300 атомных и 250 тысяч тонн обычных бомб, уничтожив до 85 процентов советской промышленности. Были детально расписаны задачи по подавлению советской ПВО, против советских наземных, морских и воздушных сил. Во втором периоде продолжается наступление с воздуха и изготавливаются к действию наземные силы НАТО — 164 дивизии, из них 69 американских. Устанавливается контроль над морскими и океанскими коммуникациями и т. д. На третьем этапе с запада переходят в наступление 114 дивизий НАТО, с юга (с высадкой на северо-западном побережье Черного

моря) 50 дивизий, которые уничтожают Советские Вооруженные Силы в Центральной Европе. Эти действия и продолжающиеся массированные бомбардировки советских городов принуждают СССР и его союзников к капитуляции. В войне против СССР всего задействуются до 250 дивизий — 6 миллионов 250 тысяч человек. В авиации, флоте, противовоздушной обороне, частях усиления и пр. еще 8 миллионов человек. В общей сложности для выполнения плана «Дропшот» предусматривалось использовать вооруженные силы общей численностью в 20 миллионов человек.

В последний, четвертый период, буквально любовно выписанный в плане «Дропшот», «дабы обеспечить выполнение наших национальных целей, союзники должны оккупировать» Советский Союз и другие социалистические страны Европы. Общие потребности оккупационных войск определялись в 38 дивизий, то есть примерно 1 миллион человек в наземных войсках. Из них 23 дивизии несут оккупационные функции на территории Советского Союза. Территория нашей страны делится на 4 «района ответственности», или оккупационные зоны: западная часть СССР, Кавказ — Украина, Урал — Западная Сибирь — Туркестан, Восточная Сибирь — Забайкалье — Приморье. Зоны подразделялись на 22 «подрайона ответственности». Оккупационные войска распределялись по следующим городам: в Москве — две дивизии и по одной дивизии в Ленинграде, Минске, Мурманске, Горьком, Куйбышеве, Киеве, Харькове, Одессе, Севастополе, Ростове, Новороссийске, Батуми, Баку, Свердловске, Челябинске, Ташкенте, Омске, Новосибирске, Хабаровске, Владивостоке.

Из пяти воздушных армий, предназначенных для оккупации всех стран социализма, четыре дислоцировались на территории СССР. В каждую армию должны были входить 5—6 боевых групп, одна группа транспортных самолетов и одна штурмовая группа. В Балтийское и Черное моря вводилось по оперативному авианосному соединению. Особо подчеркивалось, что сильное насыщение оккупационных сил авиацией «должно дать зримое доказательство мощи союзников» советским людям. Памятуя о том, что оккупантам придется выполнять карательные функции, план «Дропшот» предусматривал дополнительное обеспечение войск транспортом всех видов для придания им высокой мобильности.

Как в предшествующих планах агрессии, так и в плане «Дропшот», война против Советского Союза и оккупация носила ярко выраженный классовый характер. Необходимость войны определялась *«серьезной угрозой безопасности США, которую... представляет характер советской системы...»*

«Никогда еще в истории намерение и стратегические цели агрессора не определялись так ясно. На протяжении веков победа в классовой борьбе пролетариата против буржуазии определяется как средство, при помощи которого коммунизм будет господствовать над миром».

«Дропшот» был переломным в американском военном планировании в том отношении, что в отличие от прежних планов, имевших в виду агрессию чисто военных средствами, в этой войне против СССР обращалось внимание на использование классовых союзников по ту сторону фронта, то есть диссидентов. Термин становится принятым в военных планах. Конечно, штабные планировщики не строили никаких иллюзий насчет силы диссидентов самих по себе:

«Будет труднее применять методы психологической войны к народу СССР, чем к народу Соединенных Штатов... Но психологическая война — чрезвычайно важное оружие для содействия диссидентству и предательству среди советского народа; подорвет его мораль, будет сеять смутнение и создавать дезорганизацию в стране...»

«Широкая психологическая война — одна из важнейших задач Соединенных Штатов. Основная ее цель — уничтожение поддержки народами СССР и его сателлитов их нынешней системы правления и распространение среди народов СССР осознания, что свержение Политбюро в пределах реальности... Эффективного сопротивления или восстаний можно ожидать только тогда, когда западные союзники смогут предоставить материальную помощь и руководство и заверить диссидентов, что освобождение близко...»

Эти рассуждения, в сущности, являлись перифразом специальных американских исследований того времени о причинах провала похода гитлеровской Германии против нашей страны. Американские теоретики сочли, что Берлин в 1941—1945 годах упустил из виду политические аспекты, которые сформулировал еще К. Клаузевиц, а именно:

«Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, то есть оккупировать... Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием внутренних раздоров».

Теперь американские стратеги возманились исправить ошибки руководителей рейха.

Продолжение следует.

ШЕСНЯ

Я

тогда был инженером, но уже начинал прорываться в журналистику. Помню, у меня по основной службе предвиделась командировка в Семипалатинск, и я зашел в молодежную редакцию взять задание и магнитофон «Репортер». Редактором там работала очень хорошая женщина, опытный журналист с большим стажем. «Есть тема,— сказала она.— Я отложила где-то письмо из Семипалатинска». Она порылась в ящиках и вытащила конверт с прихваченным скрепкой листком. «Почитай. Чует мое сердце— что-то есть».

Я прочел письмо, всего три строчки, и, по-честному, ничего для разгона не нашел. Некто Федоров с Плесовой улицы, дом номер пять, просил исполнить песню, которую пел на войне. Правда, всех слов он не помнил, только: «...а конница, а конница проходит, и звезды на буденовках горят». Я было хотел от задания отказаться, но, поразмыслив, решил на всякий случай письмо прихватить. Если нечего будет делать в субботу и воскресенье— займусь.

Добрался до места ночью. Аэропорт, хилое строение в степи, был пуст. Автобусов не оказалось. Такси тоже. Можно было ждать утра, а можно через железнодорожные пути идти на далекие огни в Жана-Семей левобережного района города. Местные решили идти, и я присоединился к ним. Ветер, как всегда здесь, выл, метался и, недовольный отсутствием напарника по игре— снега, падающего с неба, тормошил его на земле, поднимая белесую пыль выше наших голов. На этот бесноватый напор укоризненно смотрели спокойные огромные звезды. Дорожка была хоть не близкая, но ровная и ориентиры надежные. По такой дорожке хорошо идти в теплой одежде, молчать, думать...

В гостинице было тихо. Я разбудил дежурную и без особых хлопот получил комнату. Спал до обеда. Потом привел себя в порядок и пошел на объект. Там дела обстояли не так аврально, как меня информировало начальство на службе. Так что у меня оказались довольно свободные пять дней.

Прилетел я в среду, а в четверг решил искать Плесовую улицу. Нашел на правом берегу, черт знает в каком закоулке. Улицы не было: пара бревенчатых домов, старых, но еще мощных, крепко на земле стоящих. По моим представлениям, в таких домах жили раньше купцы или попы. Через высокий густой штакетник угадывались сады и огороды. Я потолкался возле добротной калитки рядом с еще более добротными воротами и не нашел достойных средств известить о своем приходе. Звонка не было, ручки какой-нибудь— тоже, бить кулаком в доски бесполезно, а ногой— как-то несолидно. Выгнул огромный волкодав, который почуял за штакетником мою нерешительность и взорвался воем и громоподобным лаем; он бросался к воротам, тремел цепью и был, видно, рад до смерти, что ему наконец-то нашлось дело. На лай в доме звякнула цецеколда. Калитка открылась, и, пригнувшись, вышла женщина в меховой безрукавке и платке до бровей. «Мне Федоров нужен,— стал объяснять я,— вот адрес есть, Плесовая, пять». Она молча пропустила меня во двор, прикрыла спиной от бушевавшего кобеля и провела по высоким ступеням крыльца в дом. «К тебе»,— глухо сказала она куда-то в сторону, где косяком света предполагалась полурастворенная дверь. Я, не раздеваясь, в тулупе, протиснулся в боковушку.

Первое, что я заметил, была большая ножная швейная машинка, стол, заваленный материалом— полуготовыми брюками. Над ними висели две журнальные фотографии, на которых в профиль и анфас красовались представители лошадиной элиты. Только потом я обратил внимание на человека в очках, сидевшего на узкой кровати, заправленной серым грубым одеялом. Он смотрел на меня, словно угадывал или старался признать. И, не отказавшись от этого намерения, спросил: «Вы у меня когда заказывали? Я вот чуток приболел, наверное, не сделал». «Здравствуйте, Тарас Осипович,— солидно произнес я, пристраивая меховую шапку на спинку стула.— Я из Алма-Аты. К вам».

В этой маленькой бедной комнатке с лоскутами, разбросанными по полу, рядом с маленьким, больным, плохо одетым безвестным портным я ощущал себя вестником кипучего, значительного мира. Я снял с плеча магнитофон, расстегнул тулуп.

— Вешалка в коридоре,— подсказал он.

— Я с радио,— продолжил я, освободившись от тяжелой шубы.— Мы получили ваше письмо и рады не просто исполнить вашу просьбу, но сделать очерк, записать ваш рассказ о тех героических днях, когда вы пели вашу любимую песню.

— Какой рассказ? Очерк? Зачем?— Он приподнялся, хромая, подошел к столу, стал сгребать в одну кучу и раскрой, и новый материал, и чьи-то готовые брюки.— Да, я писал. Я песню хотел послушать. Я же имею право, сам слышал по радио, для многих исполняли. Если есть— исполните. Нет— не взыщу. Очерк...

Он качал головой, садился, вскакивал, опять разложил на столе брюки и бормотал:

— Я не просил. Я не герой. Я так...

— Не скромничайте, вам есть что вспомнить.— Ничего, поманерничает и расскажет. Куда денется? У меня был соответствующий опыт, как заставить человека разговариваться. Кому неохота поведать миру о своих подвигах? Когда я разложил магнитофон и микрофон, он вдруг перестал суетиться. Сел на кровать подальше к стене.

— Голова разболелась,— сказал он устало.— Спасибо за беспокойство. Не по адресу вы. Голова разболелась Петровна, Петровна.— позвал он.— Проводи.

Я был ошарашен таким поворотом, собрал вещички и, чтобы хоть как-то сгладить ситуацию, сказал на прощание:

— Выздоровляйте, Тарас Осипович. Я зайду через денек.

После такого приема я, конечно, заходить вовсе не собирался.

Петровна подождала, пока я надену шубу, провела, защищая от собаки, во двор и без раздражения проворчала:

— Проведи, заведи. Нашел девочку. Али прислуга я ему...

В пятницу я активно занимался самокритикой. «Тоже, журналист выискался,

простейший материал выбить не может,— укорял я себя.— Неумеха и неудачник. Мало ли кто не хочет рассказывать— тем хуже для него. И вообще, тебя гонят в дверь— лезь в окно. Азбука репортерского ремесла».

В субботу утром я решительно бил ногой, не забывая о солидности, знакомые ворота. Был яростно облаян волкодавом и снова проведен Петровной в дом. В маленькой комнате стало вроде светлее. Хозяин тукал на машинке, искоса взглянул и опять уперся взглядом в строчку на брюках. Я не сомневался, что он меня узнал сразу.

— Здравствуйте, Тарас Осипович,— вежливо поздоровался я, без приглашения снял шубу, повесил в прихожей и подсел к столу.— В прошлый раз я не уточнил слова песни, а без этого нам будет трудно ее найти.

Он перестал стучать на машинке, повернулся ко мне, снял очки, как будто они мешали ему что-то видеть, задумался и вдруг... улыбнулся. Не мне предназначалась эта улыбка, а кому-то или чему-то далекому.

— Ну, хоть еще разок услышать. Я-то и пел ее со всеми один или два раза.

— Где?— невинно спросил я.

— В Слепневке.

— Когда?

— В сорок третьем.

— А почему всего два раза пели?..

А потом еще вопрос, еще— и разговор мало-помалу затеялся.

Он отвечал на мои вопросы охотно, не осторожничал в словах и, запутавшись в каких-то датах, для уточнения залез в чемодан и вытащил мятую кипу приказов, справок о ранении, других военных документов. Многие бумаги были порваны на гнибах и обтрепались по краям, вид имели неопрятный. Это меня удивило. Старые солдаты обычно относились к этим свидетелям своих былых страданий и подвигов чрезвычайно аккуратно.

— Вы не любите вспоминать о войне?— вдруг спросил я: весь наш разговор меня не покидало такое ощущение— вот я и спросил.

— Не люблю,— прямо ответил он.— Эти воспоминания при мне... и во мне. Металлические— во мне, понимаете?

Я сидел немного расслабленный, чувствовал себя гостем, даже соседом этого человека, но не журналистом, пришедшим по заданию. Я знал, что материал не состоялся— Тарас Осипович в армии служил, ранения имел, но числился в хоззвезде и непосредственно в боях не участвовал. Мне просто нравилось вести неторопливую беседу, нравилась его точная речь, умение заглянуть в глубину факта и оценить себя как бы со стороны, нравились его доверие и открытость. Перебирая в который раз его воинские бумаги, я не удержался и спросил:

— А почему у вас на войне была фамилия Надлях, а не Федоров?

Я сразу же, как увидел справки, хотел спросить его об этом, но решил дожидаться подходящего момента.

— Так Федоров— от нее,— он показал на стенку, за которой суежилась по хозяйству Петровна.— Это ее фамилия. А я Надлях, коренной Надлях.

Мы пили чай на столе под лошадиными фотографиями, и разговор незаметно перескочил на эту тему. Ничего путного о лошадях я сказать не мог, так как знал о них (городской мальчишка) только то, что они бегают на четырех ногах. Зато он весь загорелся, засветился, стал стройнее и моложе вроде. Он съездил терминками, лошадиными кличками, на память называл великих наездников и их призы.

— Обратите внимание,— он показал на фотографию.— Какие глаза! Помните, у Лермонтова: «Ворона, как смоль, ноги струнки, а глаза не хуже, чем у Балы».

А вы этот альбом видели?

Он достал из кипы журналов роскошный том. Я раскрыл. Каких там лошадей только не было! Он перехватил альбом, листал странички, тыкал пальцем, подсаживая:

— Ахалтекинец. Русский рысак. Орловская, верховая растопчинская...

Он оценивал породы, статью, дополнял сведения почти о каждой лошади ворохом подробностей, для которых в этом томе не нашлось места.

— Вот такой у меня был,— вырвалось у него, когда мы разглядывали страницу с рослым кабардинцем.— Мечта!

И сразу как-то испугавшись, потух. Закрыв книгу.

— Когда был? Дома? На войне?— без всякого подвоха поинтересовался я.

— На войне.

Помолчал. Пошевелил губами. И жестко сказал:

— Трус я. Конь ни при чем.

Сказал не мне. Себе.

— Наговариваете,— не поверил я.— И смелый может однажды струсить, но трус виден сразу.

За несколько часов я где-то проник в этого человека, что-то уже разглядел.

— Нет, я не струсил, не струсил, но факт? Вся жизнь кувырком... Вот слушайте.

Родился я на Украине, в большом, дворов на восемьсот, селе. За речкой, на севере, Черкасская область. В давние времена там жили поляки, или, как их тогда прозывали, ляхи. Поэтому у многих, которые жили над рекой, фамилия была Надлях. Село наше четко делилось на три части. А может, и нет— нечетко. Скорее это мы, враждующие мальчишеские оравы, положили начало такому делению. Мы были береговые; площадники— те, которые жили вокруг обширной площади, где стояли церковь, школа, сельсовет. С площадниками дружили пацаны с базарной улицы— всего-то домов двадцать, совмещавших жилые помещения с торговыми. Степняки занимали южную окраину. Схватки между ними были горячие и порой ежедневные, но всегда затихали в одно и то же время— весеннее половодье, в которое сады и огороды наших, прибрежной, части полностью затоплялись и вода вплотную подступала к надворным постройкам усадеб.

Наводнение продолжалось дней десять, и наша улица все это время была совершенно изолирована от всего света. Поэтому нам ничего не оставалось, как

Рисунок Марины ПИНКИСЭВИЧ

смирно любоваться полонившей нас стихией. После этого еще долго приходилось общаться с селом исключительно верхом на лошадях. Это был наш звездный час. Мы приезжали на площадь верхом, в буденовках, картинно изгибаясь, покупали у бабок семечки, устраивали гонки с гиканьем, часами топтались в пыли степной окраины, куда пешком нам ход был заказан.

Конь для нас был гораздо больше, чем сейчас автомобиль. Это не просто средство передвижения—друг, товарищ игр, и, главное, на нем можно было совершить подвиг.

А о подвиге мечтал каждый из нас. Причем он, подвиг, имел вполне конкретную форму: мы на горячем коне врываемся в стан врага, рубим, рубим их поганые головы за народ и свободу.

Конница для нашего поколения была самая реальная романтика, самая желанная судьба. Вот вы возьмите известных маршалов—все из кавалерии вышли. И Жуков, и Рокоссовский, Мерецков, Гречко, Москаленко. И даже боевой устав гляньте предвоенный—там везде конница, конница. С правого фланга—конница, с левого—конница, а про танки—ничего. И коней для армии не только совхозы, колхозы, заводы готовили, но даже и отдельные любители. А сколько кавалерийских бригад было: Белова, Доватора, Плиева, Осликовского и еще десятков, и конномеханизированные соединения.

Мы все хотели служить в кавалерии. Но по-иному вышло. Батько у меня был не земледелец—не имел он склонности к земле. Он был и шорник, и портной, и железках разбирался, починить, наладить чего хочешь мог, все село к нам ходило. Ну, я за ним тянулся. Буденовки нашим ребятам строчил. Может, они не такие ладные, как в кино мы видели, но, в общем, ничего получились. В шестнадцать лет перенес я тяжелую легочную болезнь, долго лечился и, хоть инвалидом себя не считал, в свой срок в армию не попал. Дали отсрочку. Потом еще дали. Я хоть вида не подавал, но как-то ущербно себя чувствовал перед другими хлопцами. Больше дома сидел. На гулянки не ходил. Несправедливо, обидно повернулась жизнь. Ведь я мог, еще как мог скакать, под пузом коня на ходу пролазил, не боялся ничего, а оказалось—это не нужно никому. Однако потихоньку выправился, на ноги встал, закончил новоукраинскую агрокооперативную школу, женился. Жили мы с родителями. Они совсем старики стали, болели. И тут война. Мне повестку не принесли, пошел в военкомат сам. Комиссия медицинская была в этот раз не строгая. И вот надел я на себя форму и будто заново на свет народился. Сплю и вижу: скачу на коне, и рублю, и рублю фашистскую нечисть, и все кричат «ура» и скажут за мной. И еще снилось, словно на том скаку подстерегла меня вражья пуля, и несут меня на плащ-палатке, и конь мой идет грустный следом, а на подушечке алой несут большой орден. И мне нисколько себя не жаль...

В резервном батальоне, где мы военную науку познавали, не было старательней солдата, чем я: успевал везде. И ждал с момента на момент вызова в кавалерийскую часть: я сразу же подал прошение о зачислении меня в конницу, где изложил мотивы, на мой взгляд, весьма резонные. Но как-то нас построили на плацу, и бравый старшина стал выкрикивать: парикмахеры—шаг вперед, сапожники—шаг вперед! Портные есть? Шаг вперед. Повара... Короче, я сделал шаг вперед. И сразу на всю войну отступил на много шагов от передовой.

Зачислили меня в хозяйственный взвод. Стал я таскаться с обозами по тылам, шить, латать да подгонять форму. Я там с ума сходил, я сто рапортов подавал и к какому только начальству не обращался! Безрезультатно. От ребят из соседнего села узнал, что старики мои умерли. Настю, жену мою, в Германию угнали и состав их разбомбили, а дома нет—сожгли, всю улицу нашу немцы сожгли. Рвался я в бой отомстить, да все латал, да шил, да по госпиталям валялся—хоть второй мы эшелон, а снаряды нас не обходили.

Однажды поехал я в очередной раз из очередного тылового госпиталя после выписки догонять свою часть. Мы тогда освобождали Украину, и я блуждал по опаленным местечкам и селам, точно таким же, как мое. Заночевал в Слепенке, хуторе зеленом и чистом, который как бы война обошла. На зорьке меня разбудило ржание лошадей. Я поспешил в сад: кони, люди, суета. Обрадовался. Наверное, думаю, кавалерийская бригада. Оказалось, просто разведрзвод получил передышку. Он почему-то назывался кавалерийский взвод разезда. Я глянул на одного коня, другого, и сердце сжалось—охромевшие, грязные, сбруя трет. Напрямик пошел к командиру, он дал команду, и мы с ребятами всех лошадей осмотрели. Больным промыли копыта, замазали трещины, ликвидировали заковки, у некоторых вообще сняли временные подковы. Я научил ребят, как делать круглые подковы—они получше, работал скребком, обработал мелкие ранки. Сбруи тоже перешил. Неделю я с лошадьми возился с утра до вечера. И стал своим в части. Они и слушать не хотели, чтоб я ушел. Дали справку на задержку.

— Буду в полку, лично подам рапорт на тебя, считай себя к нам зачисленным,—убеждал командир.—И возьми Грома. Хороший боец Санька Рыжов с начала войны на нем, да нынче осиротел конь. Бери!

Это был царский подарок. Я того кабардинца сразу заметил. Отменный конь. Гордая осанка, стать, рост. Рост был даже необычный—метра за полтора. Он по сравнению с другими был лучше ухожен, видно, холил своего друга Санька Рыжов. Скажу честно, именно такого коня я всегда видел в своих мечтах и снах. Именно на таком красавце я мчался вперед на врага, рубил его на скаку, и за мной мчались с криком «ура» красные воины. И этот же конь грустно шел за мной в снах, когда несли меня на плащ-палатке и горел на маленькой подушечке орден. Я от Грома не отходил. Скреб. Выгребывал, расчесывал, раздобыл ему ячменя. Я еще на улице, а он уже чует, тянет голову ко мне. Спал рядом, в саду. И каждую ночь видел свои дорогие сны. Я знал—это судьба. Все так будет. Иначе зачем? Видно, за мои страдания получил я шанс.

Я жил в ожидании этого момента. И все у меня было к нему готово: душа, оружие, конь.

Пока мы отдыхали, наш хуторок вдруг из тылового выдвинулся чуть ли не на острие передовой. Передислокация: кто-то отступил, кто-то ушел вперед, немцы просочились, усилились десантом, короче, не успели мы глазом моргнуть, как приняли бой. Пехоту отбили—пошли танки. Танки остановили—артиллерия поработала, спасибо ей. Тогда они стали нас обтекать, окружать. Хутор находился на небольшой высоте и немцам мешал, поэтому они предприняли такой массивный артиллерийский обстрел, что от хутора только головешки остались.

Но мы держались. И когда они опять пошли цепью, понял: мой час! Пора. Я вскочил на Грома, гикнул. И тут снаряд шархнул прямо в яблоню, под которой мы стояли. Полетели шепки, комья земли, меня обожгло, как огнем, конь крикнул от боли, хотя устоял, но, обезумев, помчался... И понес меня не на цепь врагов, а в другую сторону. Словно бежали мы с поля брани. Позорно бежали. И все это видели. Я рвал поводья, бил его и летел, летел вдаль от хутора, и проклинал его, себя, жизнь и звал смерть, чтоб не пережить своего позора, и пуля сжалась надо мной. Очнулся в госпитале. Через три месяца пришел в себя. На мне живого места не было. Кто спас, как—до сих пор не знаю. Контузией мне память отшибло, а когда вернулась она—страшно было вспоминать.

Имя и фамилию мою в госпитале не знали, я попал к ним в одном исподнем, местные жители форму с меня сняли, наверное, чтоб фашисты не добились. Войки из меня уже бы не получилось, жить или не жить, тоже вопрос не был решен, и врачи меня распросами не обременяли. Правда, когда выписывали через полтора года, я правильно указал имя и фамилию, даже часть свою прежнюю вспомнил (он подвинул ко мне потертую справку, где стоял номер войсковой части, полевой почты и сообщалось, что «в боях за Советскую Родину Надлях Т. О. получил»... и шло перечисление: сквозное пулевое ранение, поражение осколком темени и так далее...)

Выписался. На костылях встал в воротах больницы—куда идти? Туда, где был мой дом раньше,—никогда! Умер я для них. Не только для них. У меня вообще было такое ощущение, что я умер, а это так, маленькая задержка. Судьба дала мне шанс. Я его растоптал. Ничей вины нет.

Был у меня кiset, знаете, во время войны нам подарки на фронт посылали, там был этот адрес. Я и подался сюда. Петровна тогда еще молодая была, замуж я ей не предлагал, права такого морального, калека невзрачный, за собой не чувствовал. Хотел только пристегнуться где-то, спрятаться от себя, от людей, дожить положенное. Она поняла, приняла. Я ничего не просил—только фамилию. Не мог я свою фамилию произносить. В военкомат не ходил, льгот военных не просил, орденов и медалей не имел. Я все думал, и Петровна, наверное, думала, и родня ее: скоро на тот свет уйду. А нет—зажился. Шью понемногу. Только иногда снится мне мой кабардинец и песню, что мы там, в Слепневке, пели, слышу. Во сне все слова помню. Проснусь—одну строчку.

— И не писали на родину ни разу?
— Не писал. Никому я не нужен...

В этот раз он сам провел меня до калитки. И стоял, скрюченный, маленький, опустив голову, пока я говорил никчемные, успокаивающие слова.

Я шел в гостиницу по заснеженным переулкам и улицам, шел мимо торосов вздыбившегося, замерзшего Иртыша, я летел в самолете, я ходил по своим и чужим делам и все разговаривал, разговаривал с ним. Мне отчаянно хотелось ему помочь. Но как? Чем? У нас в отделе кадров работал отставной военком, и я рассказал ему эту историю. Он принял участие, и мы написали запросы в Москву, в разные военкоматы, на родину Тараса Осиповича. И когда уже эта история несколько смягчилась от времени и не стояла в горле комом, мы стали получать ответы. Оказывается, Надлях помнили и знали. Им интересовались следопыты районной школы, разыскивали родственники, фронтовые друзья. Были у него награды. Пять медалей и орден Красной Звезды. Тот, о котором он мечтал. Получил он его... за бой на хуторе Слепневка. Это совершенно точно подтвердилось документами. А немного спустя нам сообщили номер фронтовой газеты «За Родину», где был о Надляхе очерк.

Я держал в руках долгожданную копию заметки, читал ее бесхитростный текст и чувствовал, как напрягаются мои мышцы от простых ее слов, как рушится внутри меня глыба обиды и светлеет, проясняется мое будущее. Именно мое. «Положение стало критическим. Немцы плотно захлопнули дверь капкана. Хутор оказался в кольце. Верно оценив обстановку, солдат Тарас Надлях нашел единственный выход. Вскочив на своего коня, не пригибаясь, во весь рост он поспежал навстречу спрятанному в логе взводу гитлеровцев. Его увидели все. А он, увлекая их своим примером, скакал, не кланяясь пулям, и боевой песней звал за собой. Они пошли за ним с криком «ура»—и конные и пешие, все, оставшиеся в живых. Немцы не ожидали, что наш удар сконцентрируется в одной точке, не выдержали яростной атаки и открыли дорогу. Подвиг Тараса Надляха навечно занесен в полковую книгу боевой славы».

Теплым летним днем я стоял у знакомой ограды и слушал бесноватый лай. Петровна захлопнула калитку за собой и только тогда спросила:

— Кого ищете?

— Мне вашего мужа, Тараса Осиповича,—нетерпеливо ответил я, понимая, конечно, что она меня не помнит. Но что мне от лая собаки и ее не улыбкающего лица? У меня такая новость! И я сказал ей:

— У меня такая новость! Он мне очень нужен.

— Тарас Осипович умер,—как-то безразлично сообщила она.—Почитай, месяц прошел. Если чего он вам не дошил, я вам не ответчица.

Она повернулась уйти.

— Подождите, подождите,—отчаянно дернулся я за ней.—Ведь он герой, ваш муж. Он орденом награжден. Красной Звездой. Он так мечтал об этом. Ждал.

— Чего ж—новость? Тарас знал, что есть орден. Лет пять назад его следопыты с родных мест разыскали.

— Знал? —открыл я рот.

— Да, они писали, не тот ли он Надлях, который совершил подвиг. И он ответил: не тот.

— Тот, тот,—заторопился я.—Теперь точно известно—тот. Вот статья есть. Просто Тарас Осипович ее не читал. Он не знал, что статья есть.

— Знал он про статью. Ее тоже присылали. Все равно, сказал, не мой орден. В крайнем случае—кабардинца.

— Лошадям ордена не дают,—горько сказал я.—Лошадям дают оves. Орденами награждают людей.

— Ему уже все равно,—сказала она, захлопывая калитку.

Я стоял у забора и не мог уйти. «Не все равно, не все равно,—твердил я.— Не все равно. Слышите!»

Собака молча по длинной проволоке подползла к самому штакетнику и смотрела на меня умно, чуть настроженно...

А. БЕЛЯКОВ. Владимир Кузьмич, как вы знаете, наша комсомольская организация уже не первый год шефствует над средней школой № 2. По плану работники атомной станции из нашего педагогического отряда должны проводить встречу с десятиклассниками, посвященную профессии энергетика. Хочу посоветоваться с вами, как лучше ее провести?

В. ГОРЕЛИХИН. А начните с самого начала. С того, как выросла здесь наша атомная. В 1967 году появился приказ Минэнерго о начале строительства Курской ГРЭС, а потом было принято решение о сооружении вместо нее атомной станции. И обязательно нужно объяснить ребятам, почему было принято именно это решение, в чем преимущества атомных электростанций.

Трудно представить себе, что творилось бы здесь сейчас, если бы станция работала, скажем, на угле. Каждый наш реактор—это один миллион киловатт. Для выработки такого количества энергии на тепловой электростанции потребовалось бы ежедневно подвозить 200 вагонов угля. А если еще учесть, что сегодня у нас работает уже не один реактор...

А. БЕЛЯКОВ. Видимо, надо будет объяснить ребятам, что мы работаем на, так сказать, сверхкалорийном топливе. И если взять эквивалент килограмма урана-235 по отношению к органическому топливу, то это единица к двум с половиной миллионам. Разница!

В. ГОРЕЛИХИН. Расскажите им, сколько электроэнергии дали мы за это время... Курская АЭС позволила сэкономить более 18 миллионов тонн органического топлива. Не надо также забывать следующее: хотя такого топлива у нас в стране и много, но в основном находится оно в Западной и Восточной Сибири, Северном Казахстане. А электроэнергия нужна в первую очередь в Европейской части СССР. Везти топливо сюда просто невыгодно. В нем много золы, воды. Иначе говоря—до 50 процентов истинно пустой породы. А это сотни, тысячи вагонов. И еще: органическое топливо надо перерабатывать. Скажем, если это уголь, то его требуется превратить практически в пыль. Да и на чистой нефти станция тоже работать не будет. И потом, нефть, газ—ценнейшее сырье для промышленности. Недаром еще Дмитрий Иванович Менделеев говорил, что топить нефтью—это все равно, что топить ассигнациями.

А зола, с которой все еще не знают, что делать? Горы ее накапливаются у тепловых станций. Значит, опять же необходим транспорт, чтобы вывезить ее. К тому же, несмотря на все золуловители, до 10 процентов ее все равно вылетает в прямом смысле в трубу.

А. БЕЛЯКОВ. Знаете, мне невольно вспомнился случай с одним из наших работников. Пошел он в выходной день на рыбалку. Сидит, рыбу удит. А тут подходит к нему старик и спрашивает: «А ты, сынок, случайно не на станции работаешь?» Рыбак ответил, что на станции. «Так слушай, труба-то у вас что, просто для красоты стоит? Или же вы и вовсе не работаете?» «Почему вы так решили?»—не понял рыбак.—«Вовсю работаем». «Так почему же это дыма тогда из нее никогда не бывает?» Пришло объяснение, что «не работает» труба у нас в общепринятом представлении. Ни дыма, ни пара. Выходит из нее лишь практически почти чистый воздух с радиоактивными газами, содержание которых во много раз меньше, чем допускают санитарные нормы. Да и все другие радиоактивные отходы остаются на территории станции—и твердые и жидкие. Для их специальной обработки и хранения все предусмотрено.

С территории станции и обычные гру-

зы без специальной проверки на дозиметрическом контроле не выпускаются. Поэтому какая бы то ни было утечка радиоактивной грязи исключена. А я слышал, что вблизи от тепловых электростанций даже бабочки чернеют. Причем не потому, что прямо на них зола попадает. Просто им так легче в окружающей природе маскироваться...

В. ГОРЕЛИХИН. При нормальной эксплуатации АЭС в тысячу раз чище тепловых. И вообще преимуществ у атомных электростанций хоть отбавляй. И технология у нас практически безотходная, и топливо сверхкалорийное и компактное, и за те 28 лет, что прошли со дня пуска первой в мире Обнинской АЭС, ни на одной из подобных станций

аварийных ситуаций, насколько мне известно, не было. Предусмотрена не только целая система защит и конструктивных и технологических. Многие системы дублируются на все 100 процентов.

Что и говорить, производство у нас одно из самых современных и совершенных. И скорее всего именно поэтому и стремится молодежь на станции, подобные нашей. Средний возраст работающих на нашей атомной, можно сказать, комсомольский.

А. БЕЛЯКОВ. О том, как относятся к работе наши ребята, рассказывать надо особо. Взять хотя бы тот случай с клапанами для насосов. Помните, наверное, Владимир Кузьмич?

В. ГОРЕЛИХИН. Как же не помнить? Сам пришел тогда в комитет комсомола и попросил помочь...

А ведь случилось все просто из-за чьей-то непредусмотрительности. Часть насосов береговой насосной станции будет нужна нам только для четвертого блока, который мы собираемся пускать. Вот и запланировал кто-то поставить нам клапаны к этим насосам только в 1984 году.

Все бы ничего, и теоретически, может быть, даже и правильно это, но не учли, что водоем-то, из которого эти насосы воду качать должны, мы просто обязаны заполнить раньше, он ведь и на третий блок, который мы пускать собирались, работает. Что же нам потом эти самые клапаны под водой устанавливать? Оставалось только заглушки бетонные на эти насосы до поры до времени ставить. Инженеры же считали, что надо сразу полностью укомплектовать все насосы. Вот тогда-то и обратился я к комсомольцам.

А. БЕЛЯКОВ. Мы посоветовались и решили послать на завод в Сысерть Свердловской области, где эти клапаны изготовляют, Валеру Изварина, начальника смены цеха тепловой автоматики и измерений. Валера рассказывал потом, что в дирекции уральского завода на него посмотрели с нескрываемым удивлением. Они понимали, что нам необходимы эти клапаны, но вне плана, вне фондов выпускать то, что должно быть изготовлено лишь через два года?..

Изварин продолжал настаивать, убеждать. Скрепля сердце, там согласились, чтобы литейный цех сделал лишь заготовки. Согласился и Валера на это, но лишь как на первую меру. Пока суть да дело, показал он чертежи комсогужа, старшему мастеру Николаю Бондаренко. А работы предстояло немало: двадцать две позиции, 110 деталей.

Дело нешуточное. Но Изварин объяснил ребятам с уральского завода, что день, когда станция не работает, обходится государству в 200 тысяч рублей.

Поняли это молодые рабочие, пообещали, что выручат, только вот токарей у них не хватает. На самолете примчался Изварин в Харьков, оттуда — к нам на станцию. Объяснил, в чем дело, и не уходил со станции, пока не подобрали мы своего токаря Георгия Кострова. Так появился на уральском заводе еще один наш «комсомольский представитель». Две недели в комитете комсомола объединения работал временный штаб. Две недели молодые рабочие «Уралгидромаша» после своей смены трудились над выполнением комсомольского заказа и не успокоились, пока не изготовили все, до последней детали.

В. ГОРЕЛИХИН. Похожий случай был у нас и с грузоподъемными механизмами. Но мы всегда помним, что и на других предприятиях работают комсо-

ли монтажных управлений Н. М. Ковалев, В. А. Михин, начальник СУ «Промстрой» И. М. Коник за серьезные упущения в работе, безответственное отношение к порученному делу...

А. БЕЛЯКОВ. И мы пытались по душам поговорить с комсомольцами — монтажниками и строителями, объяснить...

Вы сами знаете, что после приемки каждого из участков мы комсомольцы станции, обязательно собираемся и в свое свободное время начинаем заниматься уборкой. Нет, конечно же, монтажники и строители крупный мусор, скажем, обрезки труб, обломки бетона, за собой убирают, но именно крупный. А на все остальное им вроде бы и наплевать. Как будто не знают, что строят атомную электростанцию, а не какой-нибудь сарай. У нас особые требования даже к чистоте, и любое отступление от этого правила может привести к малоприятным последствиям. Вот и беремся

пив порог нашей станции, сами видят, на что они уже способны, а на что — нет. Пока они досконально не изучили ситуацию, у них нет никакого морального права руководить людьми со среднетехническим образованием, знающими свое дело до тонкостей. В этом нет ничего обидного.

Но зато те, кто добросовестно относятся к своей работе, растут на станции очень быстро. Скажем, приезжает к нам молодой, неопытный специалист, становится на рабочую должность, а смотришь, через два-три года он уже руководитель маленького коллектива, начальник смены, мастер. А лет через пять он уже начальник цеха, отдела, руководитель лаборатории. И именно потому, что перспективы, возможности роста у нас большие, и получают молодые ребята удовлетворение от любой работы.

А. БЕЛЯКОВ. Примеров роста молодых людей на нашей Курской я бы мог привести много. Возьмите хотя бы Вла-

димира Васенина и Александра Дмитриева, работающих на третьем блоке. Первый из них окончил Горьковский политехнический институт, второй — Московский энергетический. Они всего за четыре года прошли все необходимые ступени роста и сейчас работают старшими инженерами блока, на них лежит управление всем энергоблоком, всеми технологическими операциями, режимами.

Именно поэтому и считаю я, что надо уметь видеть дела современного молодого человека. Ворчать на молодежь проще. Бывало же у нас на станции, когда нарушался технологический процесс, те же молодые ребята вовремя принимали единственно правильное решение. Предотвращали срыв вакуума на турбине, она не останавливалась, продолжала работать нормально. Уверен, что как раз возможность работать интересно, творчески, а не те льготы, которые есть у нас, атомных энергетиков, и привлекает к нам молодежь.

Знаете, о чем еще стоит рассказать школьникам? О том, как создавался наш поселок Курчатова. Ведь многие из них приехали сюда с родителями не так давно и даже не представляют, что всего полтора десятилетия назад на месте нашего поселка были только поля картошки и ржи. Наш поселок и сейчас уже не маленький, но в ближайшие годы вырастет раза в два.

Мы уже построили и продолжаем строить все, что нужно для нормального физического развития людей: будут построены спортивные залы, Дворец культуры. Уже сооружается большой крытый плавательный бассейн, дорожки в котором будут такие, что хоть международные соревнования по плаванию проводи. Я, честно говоря, уже вижу этот наш будущий Курчатова и люблю его. Мне сейчас даже не верится, что десять лет назад я шел по нашей главной улице в сапогах и, утопая по колено в грязи, никак не мог нащупать под этой жижей уже проложенный асфальт.

Нет, сейчас наш поселок стал совсем другим. Светлым, чистым, зеленым... И в том, что он похорошел, немалую роль сыграли опять же комсомольцы. Да это и неудивительно: они ведь не только жители, но и будущие хозяева Курчатова.

Обо всем, что имеет прямое отношение к нам, атомным энергетикам, должны знать и школьники. Вслед за третьим блоком у нас войдет в строй и четвертый, строительство которого уже идет. Само собой получается, что в каждой пятилетке мы пускаем по два блока. Первый и второй — в десятую, третий и четвертый — в одиннадцатую, а третья очередь — лятый и шестой блоки — войдет в строй уже в двенадцатой пятилетке.

Но на этом, видимо, развитие нашей станции не остановится. Не исключена возможность, что и дальше будут строиться подобные блоки. Кроме того, наверняка будет создана и гидроаккумулирующая станция.

Так что можете смело сказать будущим выпускникам, что перспективы развития нашей АЭС просто труднообразимы. Думаю, работы хватит до конца нашего века. И об этом должны знать сегодняшние школьники. Ведь именно им придется работать на нашей АЭС.

С каждым годом таких станций будет в стране все больше. Ведь к 2000 году около половины электроэнергии должно вырабатываться именно на атомных станциях. Думаю, это составит где-то около двух триллионов киловатт.

А. БЕЛЯКОВ. Мы начали с сегодняшнего дня нашей атомной, а дошли до таких далеких перспектив...

В. ГОРЕЛИХИН. Все правильно. Ведь ваши ребята будут разговаривать с энергетиками будущего, а они должны знать, что перспективы для них на атомных электростанциях весьма обширны. Атомная энергетика, считаю, не только приносит огромную пользу народному хозяйству, но и вообще делает человека иным — человеком новой эпохи. Потому что, я уверен в этом, работа в энергетике будущего совершенствует его самого.

Записал
Геннадий МАКСИМОВИЧ.

РАСЖИМИ АТОМ

Владимир ГОРЕЛИХИН,
директор
Курской атомной
электростанции

Александр БЕЛЯКОВ,
секретарь
комитета комсомола
Курской АЭС

мольцы, если надо — выручат. Такое взаимодействие — очень важное дело. Однако не все это еще понимают. Достаточно взять хотя бы субподрядчиков, строящих очередные блоки нашей станции. Они подводят нас постоянно.

А ведь еще на XIX съезде ВЛКСМ комсомольская организация строительства Курской АЭС критиковалась за медленную и плохую работу, за отсутствие инициативы. Но это, видимо, не очень-то подействовало на них. Кто у нас не помнит, какая тревожная обстановка сложилась на АЭС в конце осени. Сроки выполнения тематических заданий и пусконаладочных операций постоянно срывались. По не раз скорректированным срокам строители уже давно должны были передать блок нам, эксплуатационникам, но из 285 единиц оборудования только 80 было уже зарегистрировано в органах технадзора, а остальные еще только монтировались. Так же непросто медленно велся монтаж механизмов и электроарматуры, без которых мы не могли начать наладку и пуск системы и узлов. Да и помещения под монтажные работы сдавались со значительным опозданием. К сроку, опять же уже несколько раз передвинуту, из 1268 помещений комиссией было принято всего 112. Около 1000 километров электрокабеля уложить тоже не успели... Сейчас уже трудно упомянуть, сколько раз на различных совещаниях критиковались руководите-

мы за метлы, скребки, носилки и тряпки, чтобы избежать в дальнейшем неопределенностей.

В. ГОРЕЛИХИН. Дело в том, что темпы строительных и монтажных работ не отвечают требованиям сегодняшнего дня.

Полностью уверен: основные причины всех опозданий, недоделок и практически срыва сроков строительных и монтажных работ заключаются в низкой исполнительской дисциплине, недостаточной мобилизации коллективов на выполнение заданий и принятых обязательств. Мне даже иногда кажется, что некоторые из руководителей строительного-монтажных подразделений просто совершенно забыли, что создают одно из новейших энергетических предприятий. А это, на мой взгляд, означает, что и отношение к своей работе должно быть соответствующим.

А. БЕЛЯКОВ. Вы верно заметили, что атомные станции — самые совершенные предприятия. И оборудование на них сложное, и работать на АЭС не так-то просто. Наверное, именно поэтому у нас нередко на рабочих должностях трудятся ребята со среднетехническим и даже высшим образованием. И находят в такой работе удовлетворение.

В. ГОРЕЛИХИН. Действительно, я что-то не припомню, чтобы кто-нибудь из них заявил, что не хочет работать на станции, так как труд его морально не удовлетворяет. Все ребята и девушки, имеющие высшее образование, пересту-

димира Васенина и Александра Дмитриева, работающих на третьем блоке. Первый из них окончил Горьковский политехнический институт, второй — Московский энергетический. Они всего за четыре года прошли все необходимые ступени роста и сейчас работают старшими инженерами блока, на них лежит управление всем энергоблоком, всеми технологическими операциями, режимами.

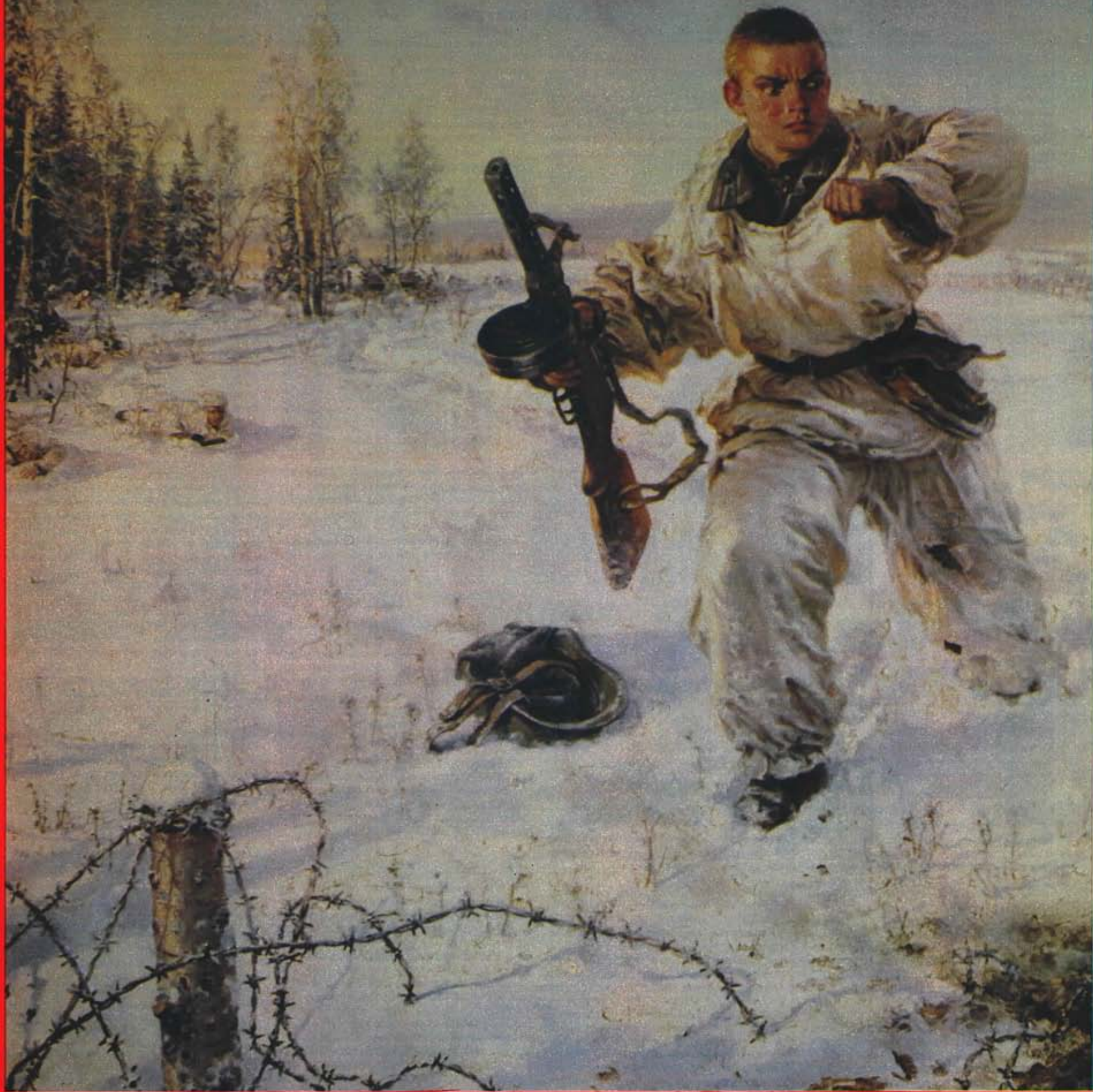
В. ГОРЕЛИХИН. Да, для молодежи у нас на станции дел предостаточно. И надо сказать, большинство любит работать. Посмотрите, как трудятся ребята в самое ответственное время, скажем, когда пускают блоки. Очень многие поступают так: сдадут свою смену и остаются еще на одну, чтобы помочь товарищам. А если и эта смена не успела войти в график, то тогда уже обе смены остаются, чтобы помочь третьей. То есть, хотя их никто не заставляет, практически сутками ребята не уходят. Встретишь такого рабочего, спросишь, чего же он не ушел, а он так спокойно ответит: «Товарищам надо помогать...»

А. БЕЛЯКОВ. Я вспоминаю ремонтную кампанию прошлого года. Остро не хватало квалифицированных людей, хотя мы, как всегда, кроме ремонтников, привлекли к работам и весь освободившийся на это время оперативный персонал. Тогда мы позвали ребят со второй очереди. Но у них ведь опыта не хватало, и квалификация была недостаточна. Однако с ребятами занялись опытные мастера, придумали для обучения тренажеры, и в результате к концу ремонтной кампании они выполнили по две нормы. Когда ремонтировали пароводяные коммуникации, а работа эта довольно сложная, трудоемкая, Сергей Солoduхин предложил применять для обрезки труб не сварку, как раньше, а специально сконструированную им пилу. Это его изобретение намного облегчило и ускорило работу.

В. ГОРЕЛИХИН. Сроки ремонта были сокращены в целом по каждому блоку на 5 суток. 280 миллионов киловатт получили мы дополнительно таким образом. А о качестве ремонта говорит хотя бы такой факт, что после него номинальная нагрузка стала на 20 мегаватт выше. Мы и сейчас так работаем. Сегодня, скажем, номинальная нагрузка у нас была 2 миллиона 77 мегаватт вместо двух.

Так что на счету у наших комсомольцев хороших дел немало. Вспомним хотя бы, как ребята из турбинного цеха № 2 выступили с инициативой «Курируемым

Навеки в рядах комсомола

БЕССМЕРТНЫЕ

12 СМЕНА

АЛЕКСАНДР МАТРОСОВ.
ХУДОЖНИК ВЛАДИМИР ПАМФИЛОВ.
МУЗЕЙ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР.

Иван АРСЕНТЬЕВ,
Герой Советского Союза,
писатель

В самый решительный миг запечатлел художник Владимир Памфилов молодого, полного жизни бойца, сурово глядящего на злобный оскал фашистского дзота. В глазах воина нет страха—только решимость и ненависть. Еще шаг—и он бросится на огненное жало пулемета, закроет его своим крепким, сильным телом. Шаг будет последним для молодого солдата, который мог бы жить и жить—ведь за несколько дней до этого боя ему исполнилось всего девятнадцать лет. Но свой выбор он уже сделал. Другого выбора для него нет. Оборвется его жизнь, но он своей грудью заслонит от смертоносного огня товарищей.

Поднимутся прикипшие к земле пехотинцы в белых масках, лавиной двинутся в атаку, освобождая от ненавистного врага деревню Чернушки, Родину, которая для него, воспитанника детского дома, была и отцом и матерью.

Еще миг—и гвардии рядовой Александр Матросов шагнет в бессмертие, станет нашей гордостью, нашей памятью, славой Ленинского комсомола. Навек останутся в его пробитом пулей комсомольском билете слова: «Лег на огневую точку противника и заглушил ее, проявил героизм».

Где истоки подвига Александра Матросова, его доблести и отваги? Что заставило его, молодого человека, пойти на самопожертвование? Вечные это вопросы. Природа подвига волновала людей всегда: «Смелый человек тот, кто знает, что впереди опасность, и все-таки идет на нее»,—сказал мудрый грек Ксенофонт почти за четыреста лет до нашей эры.

Еще в юности заломил я это изречение и пытался следовать ему буквально. До войны, учась в Одесском мореходном училище и в аэроклубе, а потом и в первых воздушных боях частенько, что называется, лез на рожон, шел на риск ради того, чтобы доказать себе и другим, что я не трус. К счастью, это лихачество скоро прошло, стал действовать хладнокровнее, осмотрительнее. И сейчас, видя, например, несущегося сломя голову мотоциклиста, не спешу назвать его смельчаком. Ведь смелость—не просто преодоление страха. Это качество мужества, имеющее прочную нравственную, духовную основу.

Вспоминаю тяжелые бои под Керчью. Тысячи наших моряков и пехотинцев были зажаты между Соленым и Чурубашским озерами. На своих штурмовиках мы летали отбивать танковые атаки гитлеровцев, делали по пять-шесть вылетов—адская нагрузка.

Однажды ранним утром взлетели в тумане, словно белое молоко, прорвались через бешеный огонь фашистских батарей. Свой полыхающий «Ил-2» я чудом посадил на галечную косу. Обгоревшего, меня вытащили из кабины наши десантники.

Но подлинным героем того боя был мой воздушный стрелок Валентин Уманец. Тяжело раненный, с оторванной кистью правой руки, он сумел отразить несколько атак «мессершмитта», который хотел не просто нас уничтожить, но и унижить—посадить на своем аэродроме. Потерей Валентин самообладания—не быть бы нам живыми.

Как назвать запас прочности, который позволил этому с виду не очень-то крепкому, стеснительному в общении парню выдержать нечеловеческую нагрузку, вытерпеть такую боль? Ответу: чувство долга, которое накаливается в нас исподволь, от колыбели и до того страшного мига, когда умереть неизмеримо легче, чем жить.

В бою нет времени для гамлетовских раздумий: «Быть или не быть?» Решение нужно принимать в считанные секунды. Когда говорят, что в такие мгновения перед мысленным взором пронесится вся жизнь,—это, мне кажется, все же литературное преувеличение. Однако верно то, что вся прежняя жизнь, главные жизненные устремления, как в фокусе, сходятся в одном решающем миге. И тогда человеку действительно легче пожертвовать собой, чем не исполнить свой долг.

В такие решающие моменты люди, как гвардии рядовой Александр Матросов, бросаются на вражеские дзоты, а сколько было после него таких героев! Или, как мой однопольчанин Василий Шамшурин, направляют подбитый, но не израсходовавший бомбовый запас самолет на врага. «Прыгай!»—кричал я Василию по радио, обратная связь с ним не работала... До сих пор помню его спокойный, сосредоточенный взгляд, прощальный жест рукой, показывающий, на что он пошел...

Чувство долга—источник героизма и в мирные дни. Можно назвать десятки, сотни имен людей, чьи поступки сродни подвигу воинов Великой Отечественной.

«Вынес с поля боевой снаряд, отвел от людей беду ценой собственной жизни»—такая запись сделана в комсомольском билете Михаила Мороза. Как созвучны эти слова тем, что записаны в комсомольском билете Матросова!

Вместе с однокурсниками, студентами Оршанского педагогического училища, Миша убирал картошку на колхозном поле. Занятие самое мирное. Вдруг на транспортере комбайна он увидел ржавый снаряд. Раздумывать было некогда—Миша поднял снаряд и побежал через поле, к ближайшему рву, унося смерть от товарищей. Взрыв раздался, когда до рва оставалось всего несколько шагов...

На дальневосточной заставе мне рассказали про молодого пограничника, которого зовут Август. Он задержал нарушителя, и ему был предоставлен краткосрочный отпуск. В небольшом городке, там же, на Дальнем Востоке, его ждали мать и сестра. Он приехал туда, когда во всю бушевал муссонный ливень. Вода рекой разлилась по улицам. На пути к материнскому крыльцу солдат услышал зов о помощи: заливало родильный дом, роженицы, некоторые с младенцами на руках, стояли на койках по колени в воде. Пограничник вынес женщин в безопасное место. Все женщины назвали своих малышей—и мальчиков и девочек—именем спасителя.

Я вспомнил про Августа, когда прочитал недавно, как неоднократный чемпион и рекордсмен мира по подводному плаванию Шаварш Карапетян спас пассажира троллейбуса, сорвавшегося с высокой плотины Ереванского водохранилища. Подвиги Шаварша—да, я не оговорился, именно подвиги, ибо Шаварш совершил столько подвигов, сколько раз нырял на глубину и возвращался со спасенным им человеком,—не могут не восхищать.

Не всем, конечно, быть чемпионами, полярниками, космонавтами, но мечтать о подвиге надо каждому. Мечтать и готовить себя к нему духовно и физически. Чтобы в решающую минуту не дрогнуть.

Не растеряться.

Не отступить.

Чтобы с честью выполнить свой долг.

Генрих ИВАНЦКИЙ,
член-корреспондент АН СССР,
лауреат Ленинской
и Государственной премий,
директор
Научного центра
биологических исследований
АН СССР,
директор Института
биологической физики
АН СССР

— Наверное, самый простой способ «познакомиться» с какой-либо наукой — узнать, как определяли ее предмет крупнейшие специалисты.

Предметом биофизики, по словам академика П. Лазарева, является изучение физических и физико-химических явлений, протекающих в тканях и органах человека, животных и растений, и построение количественных физико-математических теорий в тех областях учения о жизни, где возможно сведение явлений на чисто физические причины.

Академик Г. Франк считал, что биофизика не имеет присущего только ей объекта или предмета исследования, как, например, микробиология или энтомология. Эта наука скорее характерна только ей присущим физическим подходом к изучению широкого класса жизненных явлений...

Профессору Л. Блюменфельду, возглавляющему кафедру на физическом факультете МГУ, принадлежит еще одно определение: «Биофизика есть часть биологии, имеющая дело с физическими принципами построения и функционирования некоторых сравнительно простых биологических систем...»

Какое же из них «более правильно», Генрих Романович, и что же такое «биофизика»?

— Каждое из приведенных вами определений — а существует еще и множество других — правильно как отражение различных этапов развития нашей науки. По традиционной международной классификации биофизику сегодня принято делить на три больших раздела: молекулярную биофизику, биофизику клетки и биофизику сложных систем. По «набору» изучаемых явлений и используемых методов она тяготеет к физике, а по объектам и целям исследований — к биологии. Следовательно, правы и те, кто относит эту науку к физике, и те, кто считает ее разделом биологии. Ныне биофизика превращается в теоретическую основу современной биологии — науку, изучающую физические механизмы и явления на различных уровнях структурной организации живых систем.

Хотя биофизика в нашем современном понимании начала складываться на грани прошлого и нынешнего веков, отдельные попытки применить методы физики и математики для изучения живого предпринимались много раньше. Еще в XVIII веке великий математик Л. Эйлер, живший и работавший в России, объяснял движение крови по сосудам кровеносной системы с помощью гидродинамических законов течения жидкостей по трубам. А Д. Бернулли, открывший эти законы, писал: «Я желал бы, чтобы в Петербурге были медики, знающие начала математики, в особенности же — механику и гидравлику».

Мне хотелось бы отметить одно обстоятельство, неизменно сопровождавшее развитие биофизики. Успех той или иной области физики рождал желание использовать новые знания, новые подходы, новую аппаратуру для изучения процессов, происходящих в живых организмах. Так, период расцвета классической оптики был одновременно и временем, когда Г. Гельмгольц изучал работу глаза как оптической системы. Открытие пьезоэлектрического эффекта, то есть способности кристаллов изменять свой объем под действием электрического поля, привело к попыткам таким же образом объяснить механизм сокращения поперечно-полосатых мышц. Была даже создана «физическая модель» мышцы.

Блестательные успехи молекулярной биологии, широко использовавшей физические методы исследования, заставили биофизиков даже сменить свой «строй мышления». Они, как и молекулярные биологи, от изучения сложных природных объектов перешли к исследованию веществ выделенных — в самом чистом виде — из организма. Одновременно настало время для создания моделей самых разнообразных биологических структур и процессов — клеточного движения, проницаемости, проведения нервного возбуждения. Целую эпоху в молекулярной биофизике составило введение квантовых представлений, заимствованных из самых абстрактных областей теоретической физики.

Но физика не была единственным истоком нашей науки. Биофизика очень многим обязана и физиологии, где на нее «работало» целое созвездие блистательных умов. Назову лишь некоторых из них. Это всем известные итальянцы Л. Гальвани и А. Вольта, основатель электрофизиологии француз Д. Дю-Буа-Реймон, русский физиолог И. Сеченов, изучавший процесс дыхания у высших животных, немец Р. Майер, который в 1845 году обнаружил, что зеленые растения превращают физическую энергию света в химическую. Бесспорный биофизический характер носили работы нашего выдающегося соотечественника К. Тимирязева.

Значительный вклад в становление биофизики внесли и специалисты по физической химии. В. Оствальд разработал теорию возникновения биоэлектрических потенциалов. Он предположил, что на поверхности клеток существует полупроницаемая мембрана, способная разделять ионы противоположных зарядов. Замечу, что сегодня теория мембран — одно из важнейших исследовательских направлений в биофизике. Работы В. Вант-Гоффа, установившего зависимость между скоростью химических реакций и температурой, стали основой, на которой аналогичные исследования начали развиваться и в биофизике.

Не остались в стороне от биофизических исследований и медики. Уже в 1910 году была создана первая физико-химическая теория воспалительного процесса.

Из приведенных примеров, думаю, ясен главный вывод: биофизика — синтетическая наука, жадно «впитывающая» в себя идеи и методы многих направлений исследовательского поиска. Преломляясь в мышлении биофизиков, они начинают жить в нашей науке самостоятельно, обеспечивая прогресс в изучении самого удивительного явления на земле — жизни.

— Какие же требования биофизика предъявляет к тем, кто в ней работает?

— Вероятно, откровеннее всех о разносторонности интересов, которыми должен обладать биофизик, сказал известный венгерский биофизик и биохимик А. Сент-Дьерди. «Помнится, — вспоминал он, — мои гистологические исследования продвигались вполне успешно, но на третьем году изучения медицины морфология перестала удовлетворять меня — она мало что говорила мне о живом. Я принялся за физиологию... Я хотел понять, что такое жизнь. Физиология казалась мне неизменно сложной, и я занялся фармакологией; здесь можно было подступиться если не к пациенту, то к лекарству. Вскоре я убедился, что этого мало. И я переметнулся в бактериологию, но бактерии тоже не лыком шиты. Я взялся за физическую химию, то есть за молекулы, которые в то время считались самой малой единицей. Несколько позже я пришел к выводу, что и молекулы слишком сложны, и принялся за электрон... Я решил одолеть эту лестницу — начиная от электронов, через более сложные системы, с надеждой выйти когда-нибудь на клеточный уровень организации».

— А как «организуется любознательность» будущих биофизиков в нашей стране? Когда начинается их подготовка и где «учат на биофизиков» сегодня?

— Курс под названием «Биофизика» был впервые прочитан П. Лазаревым для врачей при клинике Московского университета еще в 1922 году. К концу 30-х годов стали читаться отдельные главы биофизики и в других вузах страны.

Первая же специализированная кафедра биофизики была создана в 1953 году на биолого-почвенном факультете МГУ. Через шесть лет аналогичная кафедра возникла и на физическом факультете университета. Сегодня в СССР подготовкой биофизиков заняты более 25 кафедр различных институтов. Хорошо известный Московский физико-технический институт, например, выпускает инженеров-физиков-исследователей, которые могут работать в медицинской и биологической физике. С 1952 года существует Институт биологической физики в Академии наук СССР. Сегодня в нашей стране более 70 научных учреждений имеют биофизические лаборатории, работу которых в рамках АН СССР координирует Научный совет по биофизике. Советские биофизики были инициаторами создания в 1961 году Международного союза теоретической и прикладной биофизики. Еще через десять лет по инициативе академика Г. Франка был создан координационный центр стран — участниц СЭВ по исследованиям в области биофизики.

В течение последних двадцати лет число научных публикаций по биофизике в нашей стране удваивается каждые пять лет, то есть намного быстрее, чем это происходит в любой другой области фундаментальных исследований. Если в 30—40-х годах работы по биофизике печатались в двух журналах, то сегодня этим делом в СССР занимаются уже 17 журналов. Во всем же мире биофизические работы публикуются более чем в 100 журналах, отражая вклад двадцати

тысяч специалистов в развитие нашей науки.

— Два года назад в Институте биологической физики, который вы возглавляете, был подготовлен «Перечень прикладных задач, сформулированных на основе анализа современного развития фундаментальных биофизических исследований». Не могли бы вы остановиться на некоторых из них?

— Я бы выделил четыре группы проблем, стоящих перед современной наукой.

Прежде всего это создание методов контроля, защиты и восстановления среды, необходимой для жизни человека.

Во-вторых, дальнейшее развитие профилактики, диагностики, поддержания и восстановления здоровья человека.

В-третьих, поиск оптимальных вариантов обеспечения человека пищей, полезной для здоровья.

И, наконец, выяснение путей преодоления трудностей, связанных с уменьшением запасов полезных ископаемых.

Все эти проблемы должны решаться в комплексе, ибо в противном случае возможны серьезные ошибки. Примеров тому уже более чем достаточно. Вот один из типичных.

Хорошо известно, что урожайность сельскохозяйственных культур можно повысить, используя удобрения и пестициды. Но при этом зачастую происходит смыв этих химических веществ в реки и озера — источники питьевой воды. Небезобидны для растений и сами удобрения. Так в моркови, питаемой слишком «щедрыми» дозами фосфорно-кальциевых удобрений, в 3—5 раз повышается содержание калия. Другие сельскохозяйственные культуры меняют свой аминокислотный состав, в третьих — увеличивается содержание соединений фосфора и азота. Как видите, третья в данном случае проблема решалась в ущерб первым двум.

Но ведь, кроме химических методов интенсификации сельского хозяйства, существуют и физические. Предпосевное облучение семян ультрафиолетовыми или гамма-лучами позволяет получить 10—15-процентную прибавку к урожаю. Применение электромагнитных полей и ультразвука помогает успешно бороться с вредителями растений. Съемка поверхности земли из космоса — надежный путь для получения оперативной информации о состоянии почв, сельскохозяйственных культур и водоемов.

Биофизика, разумеется, может внести и уже вносит свой вклад также в решение четвертой глобальной научной проблемы, позволяя создавать принципиально новые технологии. Приведу всего лишь один пример. Мы знаем, как бурно сегодня растет потребность в фотоматериалах, непременно частью которых являются соединения серебра. Не менее хорошо известно и другое — его мировые запасы близки к истощению. Но гораздо менее известно, что в живой природе есть целый ряд фотопигментов, которые самой эволюцией «отработаны» для взаимодействия со светом. Особое место среди них занимает родопсин — чувствительный элемент сетчатки глаза человека и животных. Поглощая квант света, ро-

БИОФИЗИКИ

допсин распадается и меняет свою окраску. И вот в темноте он снова восстанавливается. Родопсин в относительно больших количествах входит и в состав целого ряда фотосинтезирующих бактерий, например, пурпурных бактерий, «живущих» в очень соленой воде.

Примерно десять лет назад в нашей стране началась работа в рамках проекта «Бактериородопсин», объединившего усилия биохимиков, биофизиков и физиологов для исследования структуры и механизмов функционирования родопсина. Сегодня нам уже ясны детали фотохимического цикла, который здесь происходит. Расшифрована структура родопсина, а также известно, что бактериородопсин может обратимо функционировать в растворе и на тонкой пленке. Причем—это существенно важно—пленка может быть как влажной, так и полностью обезвоженной. Оказалось также, что бактериородопсин не утрачивает своих свойств при нагревании до 100 градусов, устойчив к действию многих химических веществ и сильных электрических полей. Обнаружилась еще одна его замечательная особенность: обезвоженный бактериородопсин может «останавливаться» на определенной стадии фотохимического цикла, сохраняя записанное на нем изображение. Именно здесь, на этой стадии изучения бактериородопсина, и появилась идея использовать его как фотоматериал.

Но сказанным замечательные свойства бактериородопсина не исчерпываются. Он легко кристаллизуется, образуя пленку с расстоянием между молекулами в 40 ангстрем (напомню, что 1 ангстрем—это стомиллионная доля сантиметра). При взаимодействии с квантом света каждая (!) молекула родопсина, распавшись, меняет свой цвет. Так что эта пленка обладает гигантской разрешающей способностью. И не надо забывать еще о том, что такие пленки можно использовать многократно, записывая и стирая изображения. В этом случае она, как это понятно, превращается в микроэлемент ЭВМ со световой памятью.

Я глубоко уверен, что пройдет каких-то пять—десять лет, и во многих областях техники появятся новинки, в основе которых будут лежать биологические системы. Мы стоим на пороге эпохи биотехники и биотехнологии.

— В августе прошлого года в Москве проходил I Всесоюзный биофизический съезд. В течение шести дней более тысячи его участников обсуждали состояние и пути дальнейшего развития биофизики. На пленарных заседаниях съезда было прочитано 9 докладов, на секциях—350. Кроме того, было представлено 2650 стендовых докладов—своеобразных «гибридов» журнальной статьи и устного сообщения. Тезисы всех этих выступлений были изданы перед съездом и составили пять увесистых томов. Понятно, что бессмысленно пытаться хотя бы перечислить то, о чем говорили на съезде. Поэтому расскажите о какой-нибудь одной работе, практическое использование результатов которой уже достаточно ясно для специалистов.

— Пусть это будет использование перфорууглеродов в медицине и биологии. Несколько слов в пояснение. Приставка «пер» означает «полностью», и,

таким образом, «перфорууглерод» расшифровывается как «полностью фторированный углерод». Есть, правда, и другое название—ПФОС, то есть «полностью фторированное органическое соединение». Сегодня синтезировано и продолжает синтезироваться огромное множество ПФОСов, которые отличаются друг от друга главным образом группой, содержащей фтор.

Чем же они привлекательны? Прежде всего тем, что при своей химической инертности они являются прекрасными «хранилищами» кислорода и углекислого газа.

Именно эта особенность ПФОСов позволила ученым предложить новые методы «искусственного дыхания» для выращивания клеток вне организма, для поддержания жизнеспособности трансплантируемых органов и, наконец, для создания специальных эмульсий, которые могут выполнять одну из главных функций крови—«обменивать» углекислый газ на кислород. Правда, длительное жидкостное дыхание в ПФОСах невозможно, так как они в два раза тяжелее воды и в 1000 раз—воздуха. И мышцы, осуществляющие движение грудной клетки, не могут выдержать такой нагрузки. Но вот принудительное прокачивание ПФОСа через легкие позволяет животному дышать такой жидкостью довольно долго.

А представьте, какие перспективы откроются, если удастся разработать безвредные методы дыхания жидкостью для человека! Резко расширятся возможности завоевания Мирового океана, так как водолазы смогут опускаться на значительные глубины, не боясь заболеть кессонной болезнью или отравиться азотом.

Применение ПФОСов перспективно и в медицине. Например, при промывании легких (так называемый «лаваж») у больных бронхиальной астмой, при лечении тяжелых форм отеков легкого и некоторых других видов легочных заболеваний.

Еще одна область использования ПФОСов—создание кровезаменителей. Ведь сегодня кровь в капиталистическом мире стала предметом «бизнеса», и за литр донорской крови в Нью-Йорке, например, платят 100 долларов. В развитых капиталистических странах появилась масса фирм, которые скупают кровь в Латинской Америке или в Африке и перепродают ее втридорога фармакологическим учреждениям и клиникам. Так что создание дешевых и надежных кровезаменителей стало сегодня острым вопросом.

Первое переливание человеку кровезаменителя, созданного на основе ПФОСа, было проведено в 1978 году в Японии. Больному, у которого оказалась очень редкая группа крови, влили один литр кровезаменителя, что составляет около 20 процентов крови. Сегодня же во всем мире проведено более 100 таких переливаний.

В нашей стране пока ведутся эксперименты по замене крови у собак, у которых успешно заменяли до 70 процентов крови. Людям переливание ПФОСов не проводилось. И дело здесь не в какой-то нашей «отсталости», а в очень жестких требованиях советских законов, запрещающих использовать в клинике любые препараты до конца их всесторонней проверки на животных, включая знание отдаленных последствий.

Но уже сегодня видно, что «искусственная кровь» будет обладать целым

рядом преимуществ перед донорской. Здесь не будет проблем, связанных с групповой несовместимостью крови больного и донора. Полностью исключается «иммунологический конфликт», так как в организм больного не вводятся чужеродные белки (ПФОСы—неорганические соединения очень простого химического состава). Снимается и возможность передачи вирусного гепатита, а также целого ряда других инфекций. «Искусственная кровь» может длительное время «работать» и сохранять свои высокие качества. И еще три немаловажных обстоятельства. Массовое производство «искусственной крови» достаточно легко наладить, она не теряет своих свойств при долгом хранении и стоит, естественно, значительно дешевле донорской.

Я, как вы и просили, остановился лишь на одном-единственном примере прикладных биофизических исследований. А их многие десятки. И они открывают такие возможности для практики, которые совсем недавно казались чистой научной фантастикой.

— И в заключение вопрос, традиционный для нашего молодежного журнала: что бы вы хотели пожелать будущим биофизикам?

— Если вы знакомы с материалами биофизического съезда, то могли заметить, что основная масса сообщений—это рассказы о решении той или иной частной задачи. Задачи, бесспорно, нужной, важной, но именно частной.

Один из наших современников, известный биохимик Э. Чарграфф, писал в 1975 году: «Излишняя дробность представления о природе, зачастую приводящая к ее полному исчезновению, делает мир похожим на Шалтая-Болтая, которого не удалось собрать; такой мир может стать еще более неуправляемым по мере того, как от природы будут отламываться—«для более тщательного изучения»—кусочки все мельче и мельче... И чудесный, сказочный ковер распускается по ниточкам, одну за другой нити вытаскивают, разрывают, изучают. В конце концов узор забывается, и восстановить его невозможно».

Так вот мне хочется, чтобы молодые исследователи всегда помнили, что в биофизике, как, впрочем, и в любой другой области естествознания, нужен не только анализ, но и синтез, что знания, полученные при изучении частей живой системы,—основа для познания жизни в целом.

Шарль Бодлер, быть может, и несколько старомодно, с точки зрения любителей оверременных поэтических ритмов, писал:

*Природа—некий храм,
где от живых колонн
Обрывки смутных фраз
исходят временами.
Как в чаще символов,
мы бродим в этом храме,
И взглядом родственным
глядит на смертных он.*

Думаю, нет ничего прекраснее, чем, вооружившись всей мощью методов современной биофизики, улавливать эти «обрывки смутных фраз» природы и превращать их в знания, служащие людям. Этому можно посвятить всю свою жизнь.

Беседу вел
Сергей ЧЕРНИКОВ.

После
выступлений
«Смены»

«ЛЕСОРУБЫ»

Министерство лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР признательно журналу «Смена» за очерк «Лесорубы» (№ 3, 1983 г.). В нем объективно отражены большие перемены, происшедшие в организации и условиях труда, а также быта лесозаготовителей, выявлены и серьезные проблемы.

Тяжелый, маломеханизированный труд, непрестижность профессии лесоруба, жилищно-бытовые условия, не отвечающие современным требованиям, недостаток капитальных вложений на реконструкцию действующих предприятий остаются основными причинами текучести кадров не только на предприятиях Карелии, но и во многих других лесных регионах страны.

В последние годы министерство осуществляет программу улучшения жилищно-бытовых условий лесозаготовителей. Наряду с расширением строительства жилищно-гражданских объектов в лесных поселках и значительных объемах проводятся капитальный ремонт и реконструкция жилых домов и общественных зданий. Последнее стало возможным благодаря увеличению в два раза амортизационных отчислений на жилищный фонд лесозаготовительных предприятий.

Проводимая работа заметно влияет на снижение текучести рабочих кадров в лесозаготовительной промышленности. Однако текучесть все еще остается высокой, особенно среди молодежи.

В этой связи министерством проводится определенная работа по стабилизации трудовых коллективов, рациональному использованию трудовых ресурсов. По сравнению с десятилетним пятилетним планом мероприятий на 1981—1985 годы предусмотрены значительный рост подготовки кадров механизаторов, увеличение направления молодежи в техникумы и профтехучилища, расширение сети учебных заведений отрасли. Только за прошлый год на предприятиях министерства принято из подшефных школ, расположенных в лесных поселках, более 18 тысяч юношей и девушек, а также 20 тысяч квалифицированных рабочих из училищ системы Госпрофобра СССР, 7 тысяч демобилизованных военнослужащих.

Намечено дальнейшее внедрение и увеличение на лесозаготовках новых типов агрегатных машин, полуавтоматических лопат, другой техники, обеспечивающей безопасные условия труда, привлекательность лесозаготовительных профессий, а также развитие в лесопромохозах новых производств.

Ю. А. ЯГОДНИКОВ,
заместитель министра лесной,
целлюлозно-бумажной
и деревообрабатывающей
промышленности СССР.

Игорь МАСЛЕННИКОВ.
Фото
Евгения ВОЛКОВА

Есть ли вид спорта, который имел бы такое давнее и богатое поэтическое наследие, как стрельба из лука? Это «Илиада», баллады о Робин Гуде и Вильгельме Телле. Это русские былины. Вот, скажем, какое образное описание из подготовки к стрельбе идет в сказе о Михаиле Потыке:

*Вынимает он, Потык,
Из налушна свой тугой лук,
Из колчана — калену стрелу,
И берет он тугой
лук в руку левую,
Калену стрелу — в правую,
Накладывает
на тетивочку шелковую,
Потянул он тугой лук за ухо...
Заскрипели полосы булатные,
И завыли рога у туга лука.*

Это было страшное оружие. Средневековый лучник пробивал стрелой дубовую доску толщиной 5 сантиметров, и это уже не из мифов и баллад — это факт. Дальность же ее полета равнялась почти километру: кстати сказать, приблизительно на такое расстояние улетает и стрела, выпущенная из современного лука.

В 1772 году в Англии было проведено уникальное состязание: на линию огня вышли лучники и стрелки из ружей. Обе команды сделали по 20 выстрелов. И какой же результат? В мишень попали 16 стрел и только 12 пуль!

Но, конечно, огнестрельное оружие все же вытеснило лук, который с недавних пор начал свою новую жизнь в сфере спорта. Как не пожелать такой же судьбы всякому другому оружию?!

Мне часто доводилось наблюдать за состязаниями по стрельбе из лука, писать о них. С особой гордостью могу

сказать, что на олимпийском турнире 1980 года возглавлял пресс-центр по стрельбе из лука. И мне кажется, что неплохо знаю этот вид спорта, его специфику, дух. Поэтому не меньше тренеров и стрелков огорчаюсь, когда случайный на турнире лучников зритель пожимает плечами: дескать, ну и скущца у вас, неинтересный вид спорта.

Думаю, это от неумения видеть. Истинный ценитель получает неопишное удовольствие от состязания лучников, многое открывает в несуетливых и вроде бы однообразных движениях мастера: и степень его подготовки, и нервное состояние, и причину промаха. Наблюдать это состязание нужно спокойно и терпеливо, на турнирах лучников вообще все так делается — без криков и похлопывания по плечу соседа; тут даже мировые рекорды и красивые победы рождаются в тишине.

Спортивная стрельба из лука далеко ушла от времен, воспетых Гомером, и от времен «Айвенго». Но все же и сегодня можно открыть в стрельбе из лука немало романтических черт. Спортсмены-лучники все без исключения одеты в белоснежные, тщательно отутюженные костюмы, а девушки — и в сапоги, форма которых заставляет модниц пожалеть, что они сидят на трибунах, а не там — на лужайке, около огромного зонта.

А эта гордая поза, когда стрела уже летит в цель, а спортсмен замирает! Какие ясные, четкие линии — невольно вспоминаешь египетские фрески. Левая рука спортсмена вытянута с луком, другая согнута в локте и составляет ее продолжение, и в такой позиции он скульптурно недвижим до мгновения шлепка стрелы в мишень. И делается это не для зрителей, это элемент выстрела. Замирая, стрелок может внести в случае неудачи верную поправку или, напротив, зафиксировать положение, давшее ему возможность попасть точно в цель. Лучники занимаются делом деликатным, ювелирным.

Они и места для своих турниров выбирают в живописных, окутанных поэтическими легендами уголках. Вспоминаю

Компъен, чемпионат Европы 1980 года: лужайку для участников первенства окружала дубрава, чуть подальше — замок домушкетерских времен.

На этом чемпионате советские лучники уже выступали признанными лидерами. Незадолго до этого Кетеван Лосаберидзе выиграла на Олимпиаде в Москве золотую медаль, а в Компъене — бронзовую! Выиграла чемпионат Европы обаятельная Наташа Бутузова. У мужчин дела тоже сложились неплохо: команда завоевала серебряные медали. А еще в 1971 году, тоже на лужайке возле старого замка — только английского в Йорке, москвичка Эмма Галченко первой из советских лучниц стала абсолютной чемпионкой, и королева Великобритании вручила ей свой личный кубок.

Вид спорта быстро прижился у нас. В 1957 году, во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве, спортсмены из Польши, Финляндии и Чехословакии продемонстрировали ис-

**ЕЩЕ МГНОВЕНИЕ,
И ПОЛЕТИТ СТРЕЛА!**

**«ПОЛЕ БОЯ» ЛУЧНИКОВ
НА МОСКОВСКОЙ ОЛИМПИАДЕ.**

кусство меткой стрельбы из лука. В тот день на стадионе «Авангард», разумеется, в качестве зрителя, присутствовал и тренер Борис Больберг; спустя некоторое время он создал первую в нашей стране секцию лучного спорта на этом же стадионе. Никому из его первых учеников не удалось снискать лавров на крупных турнирах, но вклад в развитие стрельбы из лука в стране они сделали замечательный.

...Отголоски давних времен в самых разнообразных и неожиданных формах звучат и ныне. Скажем, отряд шотландских лучников по сей день входит в состав Британской королевской гвардии. В Японии есть красивое, чуть ли не театрализованное представление — называется «Ябусабэ». Всадник в роскошной национальной одежде на бешеном галопе поражает мишени по обе стороны коридора, что, кстати, требует исключительных физических качеств. В некоторых странах, особенно в США, лук популярен как охотничье оружие. Нет, это не индейцы целятся в дичь, в их резервациях она давно уже исчезла. Речь идет об увлечении, ставшем в последнее время модным и престижным. Тут уж и любитель стрельбы из

полет

лука усомнится, доброе ли это дело. В США число энтузиастов такой охоты перевалило за 10 миллионов, и нетрудно вообразить, в каких масштабах выбивается ими фауна: стреляют в рыбу и птицу, стрела поражает и более крупную дичь — зайца, козулю, даже медведя-гризли.

Есть еще одна форма стрельбы из лука. Уникальная, как мне кажется. Потому что это, возможно, единственный случай, когда национальный вид спорта самым тесным образом связан с большим спортом. Я говорю о лучниках Бурятии.

Вообразите ночную степь, костры, освещающие лучников в национальных бурятских костюмах, и, наконец, мишени — шерстяные шары на траве. Стрела сделана таким образом, что при полете свистит. И когда она попадает в цель, слышится тягучая мелодия:

— Барэ-э-э, бара-а,
Эй, ну хурэ Мэргэн...

Это старики в халатах поют хвалебную песню меткому лучнику. Как видите, и тут не обошлось без поэзии. Местные жители рассказывают, что это состязание — «сурхарбан» — имеет давнюю историю, чуть ли не со времен

НЕОБХОДИМО ВНЕСТИ КОРРЕКТИВЫ...

Чингисхана. И хотя сейчас оно носит, понятно, мирный характер, впечатление остается сильным — веет чем-то магическим.

Стрельбы проходят в Агинской области. Соревнуются местные жители, нередко приезжают на «сурхарбан» и лучники из Улан-Удэ, Иркутска, Читы. Едут в степную Агу как в Мекку лучного спорта.

Лет двадцать назад жил тут высокий и красивый старик — Дагба Жалсан. Из бычьих рогов и верблюжьей кожи он создавал своего рода произведения искусства — красивые и удобные луки, и каждый лук чем-то был непохож на остальные, имел свой «характер». Сам Дагба Жалсан уже не стрелял, но был твердо убежден, что лучники Агинской области сильнее любого чемпиона по классической стрельбе.

Вышел у него спор с молодыми стрелками из Читы. Кто сильнее: агинцы со своими национальными, безо всяких механизмов, луками или спортсмены? Старик поглаживал бороду и посмеивался, когда обиженные его уверенностью чи-

Стрелы

КТО МОЖЕТ ЛУЧШЕ РАССКАЗАТЬ О СВОЕМ ЛЮБИМОМ ВИДЕ СПОРТА, НЕЖЕЛИ ЧЕМПИОНЫ МИРА И ЕВРОПЫ НАТАЛЬЯ БУТУЗОВА (КРАЙНЯЯ СЛЕВА) И ВЛАДИМИР ЕШЕЕВ.

тинцы говорили о своих регулярных тренировках, заграничном инвентаре. Решили спор состязанием, и оно принесло успех степным лучникам. Старый Жалсан знал, что специфические условия национальной стрельбы не позволят гостям выиграть, и он не ошибся. Сам Мэлс Дабаев, абсолютный чемпион СССР 1977 года, рассказывал, что и он, приезжая на «сурхарбан», не всегда оказывался сильнее. А ведь он родом из этих мест, работал в Агинске врачом-стоматологом, ну и, конечно, увлекался национальной стрельбой.

Сейчас уже трудно сказать, кому именно пришла счастливая мысль соединить своеобразные приемы бурятской стрельбы с более строгой и целенаправленной — со спортивной. Но это было сделано и принесло со временем блистательные результаты. Сначала лучники Бурятии укрепили ряды сборной РСФСР, затем стали проявлять себя и на всесоюзных аренах. А лучший из них, неоднократный чемпион СССР Владимир Ешеев ныне в ряду сильнейших лучников мира.

Что ж, вот я и немного познакомил читателей с этим видом спорта. Но ведь лучше хоть раз самому увидеть... Так что загляните как-нибудь на состязания лучников. Не спешите с выводами, наберитесь терпения — тут, конечно, не футбольный матч. Но лучники непоколебимо уверены, что занимаются самым увлекательным и красивым видом спорта. И, может быть, они правы?

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРОГНОЗ

В первом январском номере «Смена» опубликовала две фантастические картины Виталия Лукьянца — «Мироздание» и «Иная планета». Одновременно редакция предложила читателям порассуждать о подходе художника к неизведанному и непознанному будущему, оценить, насколько полно и художественно выразительно удалось автору решить поставленную им же задачу.

Судя по почте, тема разговора читателям показалась интересной. С удовлетворением хотим отметить, что откликнулись люди разных профессий, которых объединяет любовь к живописи, к фантастике, к далекому будущему Земли, тревога за мир и его сохранность.

Ниже мы публикуем некоторые отклики из поступившей почты.

СВЕТЛОЕ ПРОЩАНИЕ

Знаете, я не великий дока в живописи, но «Иную планету» почувствовал. Здесь есть какая-то необычная гармония. Картину наполняет мысль о связи поколений и в то же время о нарастающем барьере непознаваемости жизни будущего человека со дня его рождения. Мать остается на своей планете, ребенок уходит на иную. Ребенок, так до конца и не познанный...

Обилие цветов в картине, на мой взгляд, — это перебор. В решении цвета есть какая-то ошибка, излишество, что ли. Может быть, стоило подумать об иной цветовой тональности?

Я сел за письмо в «Смену», потому что люблю фантастику, потому что вижу в творчестве Виталия Лукьянца недюжинное дарование, необычный почерк мысли. И будет обидно, если художник уже знает, куда идет! Мне думается, что в поиске — счастье творчества, ведь давно известно, что красота не возле асфальтовых магистралей, а у глухих троп, порой нехоженых.

Юрий ФРОЛОВ,
Алтайский край

ИНАЯ ЛИ ПЛАНЕТА?

С тем, что художник призывает хранить красоту человеческих отношений и чувств, я согласна. Картины лиричны, человечны, воспевают тему материнства, проникновения в тайны природы. Это тоже, казалось бы, не вызывает сомнений. Герои картин симпатичны внешне. Но возражения есть. Ничего не познанного я в этих картинах не вижу. «Иная планета» по мысли, чувству и настроению, по композиции близка к картине Юрия Ракши «Земляничная поляна». Поймите меня правильно. Не хочу никого обвинить в заимствовании. Просто оба художника в своих произведениях выразили идеи, которые в любое время носятся в воздухе. Естественно, каждый из них показал их в рамках своего видения. Картины В. Лукьянца я воспринимаю двойственно. С одной стороны, в ней запечатлены земные мысли и чувства, а с другой — голубой ребенок, прозрачный космический шлем, аллегорический отвлеченного вида женщина в платье, навеянном то ли европейскими костюмами раннего средневековья, то ли индийскими сарафанами, разбивают идейную целостность произведения и уводят ассоциации неизвестно куда. Реализм изображения в таком случае только сбивает с толку.

То же самое можно сказать и о картине «Мироздание». Изображения астрономических объектов адекватны данным современной науки; женщина, чем-то похожая на мадонну, удаляется от нас, ведя за руку своего ребенка. Увы, о выражении ее глаз можно только догадываться.

Хотелось бы также видеть и больше мастерства в технике рисунка.

Наталья ОЛЕЙНИКОВА,
библиотекарь, Московская обл.

ЗАЩИЩЕННОСТЬ ЛЮБОВЬЮ

Я видел немало цветных репродукций с картин художников-фантастов. Отдавая дань силе мышления этих художников, не всегда готов согласиться с их нравственным толкованием выхода человека в космос для продолжения жизни во Вселенной. Особенно, если меня хотят убедить, что есть лучшие, чем Земля, миры, если мне навязывают мысль, мол, идеалы на Земле устарели, отжили — есть другие, лучшие.

Совсем по-другому трактуется эта тема у В. Лукьянца в «Мироздании».

Вот так, вместе с матерью, защищенный ее любовью, с восторгом бросается, чуть опережая мать, ее малыш в неизведанную даль. Ему не страшно: есть рядом тепло родной руки, опора на нее. На лице матери тревожная озабоченность. Лицо освещено еще светом Земли, в женской фигуре сохраняется земное тепло, а малыш уже там, в неведомом... Что ждет его впереди?! Ведь так хрупко перед лицом Вселенной в нем все человеческое, земное. Ведь так слабы на нем отблески солнечного света, и тень на его теле — от света уже других звезд! Сохранит ли он неизменными дорогие нам земные истины? Испытание впереди!

Какой бы там ни была иная цивилизация, земляне возьмут во Вселенную свои собственные представления о ценностях жизни. По-моему, в этом и хотел убедить нас художник, с чем я вполне согласен и поздравляю его с несомненной удачей.

Другая картина В. Лукьянца, «Иная планета», на мой взгляд, менее удачна. Мать и дитя прибыли на другую планету. Но что-то тут не так! Цветы ли источают не тот аромат, силы ли матери иссякли?.. Что принесет это расставание?.. Неужели человек должен оставить все земное где-то на промежуточном этапе вхождения во Вселенную? Не думаю, чтобы художник желал убедить нас в этом.

Лев СУТЯГИН,
пенсионер,
бывший нефтяник-буровик,
г. Отрадное
Куйбышевской области

ЗАЧЕМ УСЛОЖНЯТЬ?

Картины Виталия Лукьянца выразительны по мысли, но «цветовое решение», на мой взгляд, оставляет желать лучшего. Почему ребенок какого-то безжизненного цвета? Цвет, как известно, язык произведения, а если язык не привлекателен, разваливается замысел. Краски у Лукьянца, мне кажется, усложняют понимание «Мироздания», где и так для зрителя не все ясно.

Юрий ЛУНЕВ,
Новороссийск

ПОЭЗИЯ МЕЧТЫ

«Иная планета»... Мне кажется, все, что изображено на картине, не фантастика, а мечта. Мечта о Прекрасном. В картине все прекрасно: природа, люди, их чувства. Смотришь, и вдруг удивительно ясно понимаешь (хотя вроде бы и до этого было понятно): счастье невозможно без мира, любви, детей, полезной работы, без гармонии с природой.

Мы не знаем названия той планеты. Художник показал только миг из жизни всего лишь двух ее обитателей. Но, глядя на картину, мы можем сказать о неведомой планете все самое главное.

Здесь нет варваров. Такой цветущей природа может быть только тогда, когда люди относятся к ней бережно, с любовью. Свобода, раскованность, уверенность, покой сквозят в каждом движении женщины. Она ЗНАЕТ, что на этой планете ей и ее ребенку ничего не грозит, источников зла нет. Здесь давным-давно МИР, ДОБРО, ЛЮБОВЬ, КРАСОТА. На этой

планете люди поняли: тратить плоды огромного труда на бомбы глупо. Просто глупо. Лучше превратить свою планету в Планету Счастья. И они это сделали.

Если бы нам удалось такое!

Валентина ЛУШНИКОВА,
г. Куйбышев

ГДЕ ПРОСЧИТАЛАСЬ КИСТЬ

Я не вижу связи между героями картин и окружающим их миром. При всех достоинствах эти работы нельзя назвать и творчески совершенными. По-моему, художника подводит техника.

Сейчас многие стремятся подражать модным, современным живописцам всевозможных течений. Я придерживаюсь такой точки зрения: надо быть хорошим мастером рисунка, только потом увлекаться модным течением в живописи.

Юрий КОВАЛЕВ,
г. Лениногорск

МИРЫ ИНЫЕ

Картины Виталия Лукьянца «Мироздание» и «Иная планета» очень добрые. В них гармония красоты человека и природы. Они излучают теплый, ласковый свет. Мать и дитя — символ любви и света — вечны, как сама Вселенная. На мой взгляд, именно это говорит нам художник.

«Иная планета» мне понравилась тем, что я увидела в ней то, о чем сама много думала. Ведь могут же быть во Вселенной миры, подобные нашему? Почему не предположить, что природа на иной планете такая же щедрая и прекрасная, как наша?

Татьяна ПАШИНА,
рабочая, Казань

ВЕЧНОСТЬ ИСТИН

«Иная планета». Мне кажется, кисть художника нашла выразительные краски. Во всяком случае, замысел читается довольно ясно. Нежная улыбка женщины, протянутая к сыну рука с красными ягодами, — это желание передать свою доброту, защитить от всего жестокого. Замечателен фон картины: богатство цветов. Лучшего фона я не представляю. Эта картина — гимн счастливому материнству на мирной планете! Не об этом ли мечтают сегодня миллионы честных людей? «Иная планета» волнует глубиной размышлений, вечностью прекрасных истин, заставляет задуматься о жизни на нашей Земле.

Галина КУДРЯВСКАЯ,
провизор, Анапа

От редакции.

Писем пришло, конечно, больше, чем удалось опубликовать. Показательно, что читатели восприняли картины Виталия Лукьянца не столько как фантастику, они увидели в них заботу о сохранении вечных ценностей человечества, мечту об их утверждении именно во вселенском масштабе.

Тема, затронутая художником, сложна; даже попытка приблизиться к ее решению — уже творческий риск. Но эксперимент обязывает. В почте же часто встречались упреки художнику в стиле, цветовом решении, технике рисунка. Хочется верить, что для автора картин замечания наших корреспондентов окажутся плодотворными. Ибо самый сильный импульс творческому поиску — мнение зрителей.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

НЕ ГУТЕНБЕРГ, А КОСТЕР?

Аквалангисты, исследовавшие дно Ла-Манша, обнаружили остов корабля, затонувшего в середине XVIII века. На поверхность удалось поднять несколько сохранившихся предметов и среди них прожаривший железный сундук, в котором была найдена медаль, выпущенная в 1740 году. Если верить этой медали, то изобретателем современного печатного дела является вовсе не Гутенберг. На лицевой стороне написано: «Гутенберг из Майнца», а на оборотной стороне можно прочитать, что первая типография была создана голландцем Лоренцо Костером в 1440 году. Медаль была учреждена в честь 300-летия этого события.

«СКЫНТЕЙЯ», РУМЫНИЯ

Гендель покинул пьедестал...

Покинул на некоторое время, разумеется! Дело в том, что установленный в городе Галле памятник великому композитору нуждался в реставрации. Бронзовая статуя высотой в три с половиной метра и весом в полторы тонны была бережно снята и отправлена в реставрационные мастерские. После проведения необходимых работ Георг Фридрих Гендель, один из самых знаменитых уроженцев саксонского города, вновь займет свое место на пьедестале.

«ЮНГЕ ВЕЛЬТ», ГДР

Навстречу Белой Олимпиаде

По традиции, страна, проводящая Олимпийские игры, выпускает серию монет, посвященных этому спортивному событию. Организатор XIV зимней Олимпиады — Югославия, естественно, тоже подготовила свою олимпийскую серию. В качестве сюжетов использованы эмблема Белой Олимпиады, достопримечательности Сараева, в котором состоится игры, и, конечно, сценки из наиболее популярных видов зимнего спорта.

«СПОРТСКЕ НОВОСТИ»,
ЮГОСЛАВИЯ

Рецепты на пальмовых листьях

На окраине прежней бирманской столицы Мандалай археологи обнаружили уникальную коллекцию: 160 рукописных рецептов народной медицины, записанных на пальмовых листьях свыше 200 лет тому назад. Коллекция представляет не только историческую ценность, но и практическую: по старым рецептам можно изготовить неизвестные врачам лекарственные препараты. И кто знает, не окажутся ли они более действенными против болезней нашего времени, чем признанные лекарства?

«СКЫНТЕЙЯ», РУМЫНИЯ

«Преступление» Вилли Хельцеля

Молодой график из Маннгейма (ФРГ) Вилли Хельцель приговорен административным судом в Карлсруэ к штрафу в 250 марок. В обосновании приговора говорится: «За введение в заблуждение федеральной почты».

Чем же провинился художник? Да тем, что откликнулся на повышение почтовых тарифов в Западной Германии собственным проектом почтового знака с изображением ракет и надписью «Специальное повышение почтовых тарифов — для вооружения».

Приговор приговором, а пока Вилли Хельцель выпустил плакат с той самой «осужденной» маркой. Плакат призывает к разоружению и включению ФРГ в зону, свободную от атомного оружия.

«ЭЛАН», ФРГ

Знаменитые левши

В Англии издана книга, в которой перечислены имена знаменитостей всех времен, которые писали левой рукой. Список открывает римский император Тибериус, далее следует выдающийся ученый и художник эпохи Возрождения Леонардо да Винчи.

Там же поименованы английский король Генрих II и многие другие, включая «короля» комедийных актеров Чарли Чаплина.

«УИКЭНД»,
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

КОМУ ТРЕБУЮТСЯ ЭСЭСОВЦЫ?

Человек с портфелем «атташе» и зонтиком, прячущий глаза за темными очками, — сотрудник западногерманской секретной службы «Бундеснахрихтендинст» (БНД), а в прошлом оберштурмфюрер СС Эрнст Цубер. Он один из многих эсэсовцев, которые после войны нашли прибежище под крылышком «Организации Гелена», из которой выросла БНД. Выдача Франции «лионского мясника» Клауса Барбье вызвала переполох в ЦРУ и БНД. Опасаются новых разоблачений: ведь вербовка нацистских военных преступников в качестве агентов была постоянной практикой Вашингтона. В числе тех, кто многие годы состоял на службе в БНД и выполнял задания ЦРУ, называют Вилли Кирхбаума, оберфюрера СС и шефа секретной полевой полиции при Гитлере; оберфюрера СС Фридриха Панцингера, возглавлявшего операции отрядов, снабженных «газгагенами» — «душегубками» и действовавших на оккупированных территориях стран Восточной Европы; оберштурмфюрера СС Ганса Зоммера, организовавшего уничтожение парижских синагог; специалиста по «газгагенам» Вальтера Рауфа, которого пригнала чилийская хунта; штурмбанфюрера СС и шефа службы безопасности в Будапеште Адольфа Урбана и других вчерашних нацистов, виновных в тяжких преступлениях.

«ШТЕРН», ФРГ

«Солнечное радио»

Аппарат на шапочке девушки называют «солнечным радио». Солнечным потому, что питание небольшого приемника осуществляется за счет двух солнечных батареек, которые дают ток даже при пасмурной погоде. Радиоприемник работает на средних волнах, а «пуговицы» в ушах — наушники.

«ОРБИТА», БОЛГАРИЯ

ЖЕНЩИНЫ УЖЕ НЕ В ОФСАЙДЕ...

Футбол, до недавних пор игра исключительно мужская, завоевывает все большую популярность и среди женщин. Появились организованные команды и даже национальные сборные. В 1981 году состоялся первый неофициальный чемпионат мира по футболу среди женских команд. Победили спортсменки из города Бергш-Гладбах (ФРГ).

Сейчас в ФРГ играют в футбол уже 70 тысяч женщин, объединенных в 2891 команду. Старшим тренером женской сборной футбольная федерация назначила, естественно, мужчину, а его главным ассистентом стала женщина — Анна Трабант из Бергш-Гладбах. Она говорит: «Большинство из нас играют в футбол из-за радости, получаемой от игры, а вовсе не из-за денег, как многие из мужчин. Быть может, футбол как игра, а не как голый бизнес от участия женщин что-то приобретет».

«ЖИВОТ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Каменный век и лазеры

Обсидиан (вулканическое стекло) находил широкое применение у первобытных людей позднего неолита. Из него изготовляли ножи, наконечники стрел, топоры. В наши дни у многих специалистов возродился интерес к этому природному образованию. Например, группа хирургов Колорадского университета высказалась за использование обсидиана в медицинской практике, особенно при изготовлении хирургических инструментов. Дело в том, что обсидиановое лезвие значительно острее стального. А ведь врачи знают, что от остроты скальпеля во многом зависит качество операции: теряется меньше крови, рана заживает быстрее, шов получается менее заметным.

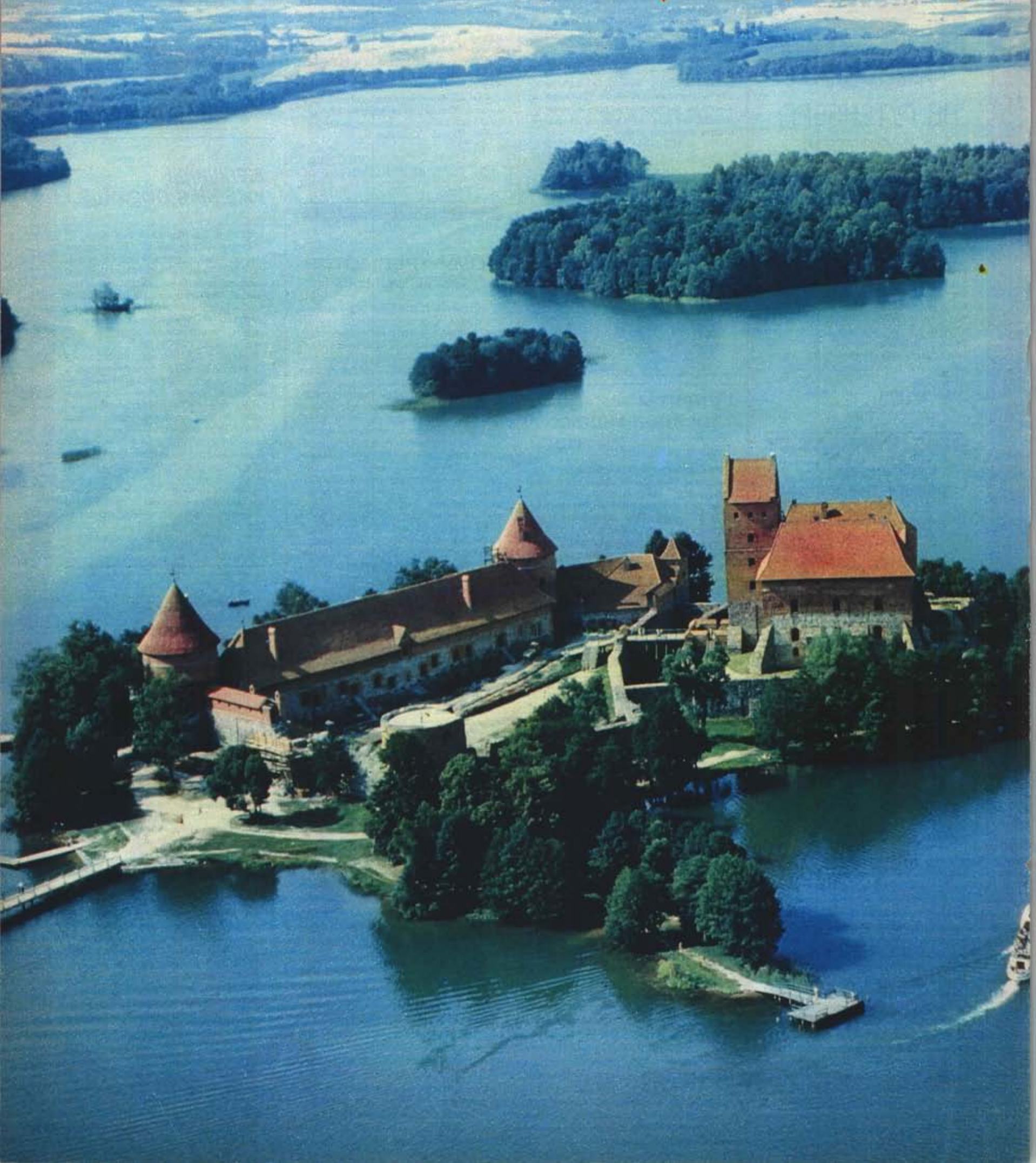
С этой точки зрения инструмент из каменной эпохи превосходит даже ультрасовременные лазерные скальпели. Врачи из Колорадо с помощью изготовленных ими же обсидиановых инструментов успешно провели свыше ста операций, в том числе и операции на сердце.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

Отечество

Яковас ШАДЯВИЧУС.
Фото
Сергея ВЕТРОВА

Тракай

**ЭТА СТАРИННАЯ
ПУШКА
СТРЕЛЯЛА
КАМЕННЫМИ
ЯДРАМИ.**

**НА ТЕРРИТОРИИ ЗАМКА
ВОССТАНОВЛЕН
ДРЕВНИЙ КОЛОДЕЦ.**

СВИДЕТЕЛЬСТВА БЫЛОГО.

**НАД ГЛУБОКИМИ
РВАМИ
ТЕПЕРЬ
ПЕРЕКИНУТЫ
МОСТКИ.**

**ТРАКАЙ ЕЖЕГОДНО
ПОСЕЩАЮТ СОТНИ ТЫСЯЧ
ГОСТЕЙ.**

В

новь проводишь рукой по красным шероховатым кирпичам старинных стен. Вновь, склонив голову, неторопливо ступаешь по спинкам каменных кругляшей замковых двориков. Вновь, осторожно поднимаясь по неширокой деревянной, в черное окрашенной лестнице, поводишь вокруг взглядом.

Глядишь вдаль от замковых стен, на невелички дома, на узкие извилистые улицы, как бы прилепленные к берегам упругих, волнистых озер. Мысли сами собой вытаскивают из потайных закоулков памяти просто необъяснимые ассоциации, далекие воспоминания. Было время, жизнь здесь вперемешку раздавала то громкую славу, то муки на дыбе и бесславную смерть. Здесь бушевали страсти, вдохновившие Адама Мицкевича, Майрониса, Генрика Сенкевича на бессмертные строки. Здесь, в стольном городе Тракай.

Для меня Тракай (ударение здесь, кстати, надо ставить на первой «а», и тогда слышишь, как похоже слово на широкое озеро, обрамленное с одной стороны крутым, а с другой покатым берегом. Вслушайтесь: Трааа—кай!)—город единственный, особый. Как друг, которого ты любишь с самых нежных детских лет.

...Как-то, лет двадцать назад, отец сказал:

— Поедем в Тракай.

Я был совсем маленький, но уже знал строки Майрониса:

*Вот замок Тракайский
В дремоте, во мхах,
Столетнюю славою окутан;
Его именитых властителей прах
Истлел и покоится тут он.*

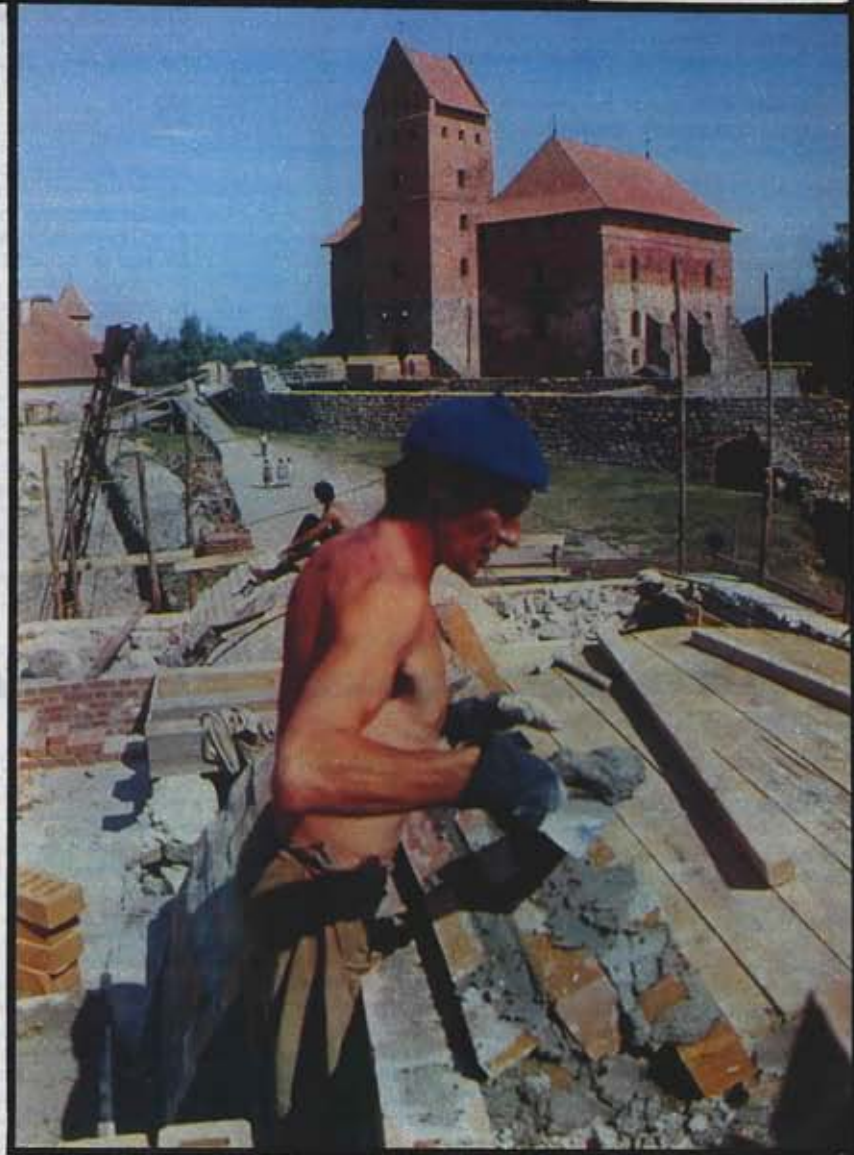
Не знал я только, какое отношение к тракайской истории может иметь отцовская просьба прихватить с собой кобуру его парабеллума да широкий офицерский ремень. И одно и другое было давно уже и полностью на моем попечении, и как-то не приходило в голову поинтересоваться предвоенной судьбой этих армейских аксессуаров.

Зеленый «Москвич» тихо и совсем незаметно довез нас до тракайских озер—по старой дороге, которой сейчас, пожалуй, пользуются только местные колхозники да молодые автогонщики, чтобы еще раз потренироваться на прохождении поворотов. Уж слишком много их там, крутых и сложных, на старой тракайской дороге. А сегодня, если очень торопишься и автомобиль в порядке, из Вильнюса в Тракай можно добраться за каких-нибудь 20 минут—те же 30 километров пути...

Тогда мы остановили «Москвич» у озера Гальве, немного ниже того здания, где сейчас расположена караимская экспозиция Тракайского музея. И, конечно, как и любой человек, приехавший в Тракай, все вместе отправились к деревянному мостику, ведущему в Тракайский замок.

Но вот в самом замке началось что-то необычное.

Порой и сейчас, когда попадаю в крепость, кажется, что вытянешь ру-

ку—и опять в ней ощутишь огромный двуручный меч. Чьи головы он сносил? По чьим шеям плясал, прежде чем и его и его хозяев успокоило время? Быть может, помнит этот меч крепкую хватку русского ратника Смоленских полков, насмерть стоявшего за литовскую и славянскую земли на великом и скорбном поле Грюнвальда? А может быть, и крестоносец—француз, англичанин или немец,—фанатично прижимая к губам крест, волок у бедра этот тяжеленный меч, свято веря, что, предавая огню и смерти польские, литовские, русские села, он честно зарабатывает себе на потустороннюю жизнь?

А вот в тот погожий весенний день могучий двуручный меч оказался в моих мальчишеских руках. Вокруг—стены увешаны всевозможнейшим средневековым оружием и воинской амуницией. Чего там только не было! И турецкие кривые ятаганы, и палицы, и кованые доспехи, и кольчуги, и буздыганы, и алебарды, и пики, и шестоперы, и конская сбруя, и всевозможнейшие щиты, и копыя, и замысловатые, старинные

**РЕСТАВРАЦИЯ ТРАКАЙ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ.**

пистолеты, и карликовые, какие-то пигмейские пушконки... Где уж тут семилетнему мальчишке помнить кобуру отцовского парабеллума и офицерский ремень...

Когда, наконец, уж слишком отяжелело в моих руках древнее оружие, когда я побыл и уланом, браво гарцевавшим на могучем коне по тракайским дворикам, и кирасиром, и даже Робин Гудом, хотя его главное оружие—лук, а не меч, вот тогда я вспомнил, что все равно надо будет идти домой. И, значит, забрать с собой лишь то, что принес. Хватить за кобуру и ремень—да не тут-то было. Молодая, светловолосая женщина, директор музея, уж кончала привязывать к моим «драгоценностям» продолговатые картонные бирочки. Все. Это уже музейные экспонаты.

Уже потом, гораздо позже, я понял, что все случилось именно так, как должно было случиться. Что самая

К свободе рвущееся сердце

Н. Г. Чернышевскому

Алишеру Навои

О время,

ты всевластно и всевластно,
Седые скалы ты сотрешь в песок.
Но только здесь стараясь напрасно,
Не заглушишь звучанье дивных строк!

Родился он на наших древних землях,
Родился,

чтоб прославить их навек.
Народу своему душою внемля,
Тебя воспел он, гордый человек.

Будил в сердцах он равенство и братство,
Клеймил огнем предательство и смрад.
В век нищеты,

разбоя и богатства
Народу своему служить был рад.

И в дни, когда страшней, чем племя ада,
Гремели битвы,

враг шакалом выл,
Воспел он вдохновенного Фархада,
Что ради жизни горы прорубил.

Воспел он чистую любовь и радость
И заклеил всех тех, кто был готов
Отдать Отчизну недругу за сладость
И уничтожить друга,

как Хиссров.

Мы вновь и вновь его читаем строки,
Мы снова жадно припадаем к ним.
Здесь наши корни,

здесь стихов истоки,
Что нашей жизни воспевают гимн.

1938 год

Тюрьма темна, как полночь над Россией,
Но в той тюрьме горит источник света.
Не задавить его надменной силой,
Не запугать бунтарский дух поэта.
Нева течет задумчиво и тихо,
Из берегов своих выходит всюду,
Вся переполнена народным лихом,
Слезами обездоленного люда.
И узник слышит стон над всей Россией
Тот стон ему знаком с босого детства,
Его он слышал и на Волге синей,
На Енисее. Всюду. Он в наследство
Народу дан царями и богами.
И потому, страдая в злой темнице,
Могучий узник сердцем только с вами,
Сыны завода, фабрики, станицы...
Все помыслы его лишь о свободе,
Не для себя. Для Родины. Народа.

Когда была в бесправии Россия,
Ты за ее права пошел на бой,
Искал свободу ты, такой красивый,
А из тюрьмы пришел совсем седой.
Острог и ссылка стали тем уделом,
Который избран был тобой в борьбе.
И, стоя перед палачами смело,
Ты думал о стране, не о себе.
В седую древность гордый Прометей
Пошел на муки ради нас, людей.
Не утрашась богов, развеял тьму,
Добыл огонь народу своему.
Не утрашась оков, он дал нам свет,
На тысячу веков, миллионы лет.
Ты, Прометей народа своего,
В любой из дней своих ты за него
Шел в бой, в тюрьму, на каторгу, в острог,
Чтоб стать счастливым он когда-то смог...
Прошли за днями дни, за годом год,
Но вечно помнит о тебе народ.

1939 год

Рисунки Олега ВУКОЛОВА

Сражайся!

Я каждый миг с тобою, мой родной,
С тобою я в любое время года.
Иди смелее за Отчизну в бой,
Иди в сражение за честь народа.
Сражайся, не давай вздохнуть врагу,
Сражайся за свое и наше счастье.
Всем существом своим я помогу
Тебе, любимый мой, сразить ненастью.
Сражайся, нареченный мой,

и твердо знай,

Что слезы матерей и вдов, как реки
В дни половодья льются через край,
И в них утонут недруги навеки.

Сражайся; друг мой, будь моей звездой,
В глухую полночь освещай дорогу.
Пусть справедливость царствует с тобой,
Свобода пусть спешит тебе в подмогу.
А коль не сможешь одолеть в бою
Врага коварного легко и быстро,
Дай знать, и буду я в твоём строю,
Примчусь к тебе в подмогу,

словно выстрел.

1941 год

древняя история соединяется с историей недавнего прошлого, переплавляется во время настоящее — время, которое творим мы сами...

С тех пор всегда, когда судьба приводит меня в замковый музей, я в первую очередь иду к стенду, где на сукне покоятся спутники моих детских лет. Кобура и ремень. С надписью: «Личные вещи бывшего секретаря Тракайского уездного комитета партии Ш. Шадявичуса». А в комнате рядом — огромный двуручный меч, который, впрочем, уже совсем не кажется мне таким огромным, как некогда.

Иногда встречаю и беловолосую директоршу музея. Мне уже не семь лет, а тридцать. Поэтому в лицо она меня не узнает. И я не знаю, помнит ли она того мальчишку, которому долго и вдумчиво, как взрослому, объясняла, что такое музейный экспонат.

Вот с тех детских, чистых и светлых дней Тракай для меня не просто город, а вроде бы добрый, старый друг. Друг, на встречу с которым каждый раз идешь, ожидая ощутить все новое тепло и вспомнить что-то очень свое и знакомое, получить все новый заряд любви к жизни, порцию оптимизма...

В том сороковом году отцу — секретарю укома партии вручили пистолет. С кобурой. Вручили оружие.

Но отец презрел его. Как презирал он стреляющее, режущее, колющее оружие все двадцать лет подпольной комсомольской и партийной работы, девять лет тюрьмы в застенках буржуазной литовской республики. Просто от рождения он был очень штатский человек. И потом он считал, что строить во сто крат важнее и нужнее... Но все это было только до утра 22 июня 1941 года, когда фашистские бомбы вспенили Тракай-

ские озера. Подполсавшись офицерским ремнем, расстегнув кобуру, отец снаряжал колонны Тракайского укома партии на восток. Он был на самой последней машине с расстегнутой кобурой — той самой, музейной.

С запада приближалась канонада. И отец, совсем еще молодой, внимательно оглядывался вокруг — не раздадутся ли неподалеку выстрелы предателей-белоповязочников, не выкатится ли из леса волна гитлеровских десантников? Чтобы не потерять мгновение и ответить пулей на пулю.

А совсем недалеко от границы теперешнего Тракайского района — могилы моего деда и братьев моего отца. Белоповязочники их расстреляли в тени немецких танков в первые же дни оккупации за то, что они «выкормили красного».

Вот такие нити связывают мою собственную судьбу и Тракай. Вот о чем я не могу заставить себя не думать, когда слышу название этого города.

Любопытно, что история города, такого, как Тракай, «растет» в оба конца, и первые столетия его существования, чем дальше, тем больше, гуще обрастают всевозможными новостями.

Вот, скажем, А. Гвалнини, публицист и историк, живший в XVI веке, упоминает, что тракайские постройки были известны уже в 1305 году. В XVIII веке монах Л. Фиалковский утверждал, что еще до 1304 года город и крепость стали столицей Великого княжества Литовского. Известный же историк В. Пашуто склоняется к тому мнению, что они были известны и в XIII веке. А некоторые современные ученые говорят, что дата рождения города не позднее чем 1185—1186 годы.

Начался старый город, так, во всяком случае, считается сегодня, с замка, ко-

торый занимал четырехугольный участок шириной в 130 метров, а длиной в 150. Крепость была окружена рвом. Глубина канавы — 4—6 метров. Ширина — 35—40. Понятны планы стратегов тех дней: добиться того, чтобы неприятель неизбежно сосредоточился на совсем невыгодном для него плацдарме — в широком рву под стенами замка, у самого фундамента. И вот тут-то каждое бревно, каждый камень, каждая посудина с кипящей смолой найдет не одну, а несколько жизней...

Во времена великого князя Гедиминаса, в XIV веке, замок был деревянным, а позже, как утверждают летописи и другие документы, здесь уже возвышались крепостные стены из камня.

Не раз они преграждали путь крестоносцам, которые, словно волчьи своры, рвались на восток. У реки Стрева, в Тракайской округе, в 1348 году черных рыцарей креста встретило войско под предводительством Альгирдаса и Кястутиса. Отбито очередное нашествие. Но христианской Европе крестоносцы нужны были не только и не столько как носители христианской веры. Крестовые походы в первую очередь использовались как возможность «сплавить» задиристых, кичливых, властолюбивых и жестоких рыцарей подальше от родовых поместий, подальше от корон собственных сюзеренов, которые они то и дело пытались воздеть либо на собственную макушку, либо втоптать в прах. Как нельзя лучше этому служил орден крестоносцев, заработавший себе столь отвратительную славу.

Еще одна волна агрессии разбилась в 1377 году. И вновь враги не сумели взойти на стены Старотракайского замка.

Но слишком часто бывало в истории так, что стены крепостей, просто геро-

ически сопротивлявшихся превосходящим силам противника, беспримерно отражавших нашествия целых орд врагов внешних, синим пламенем сгорали в огне междоусобных войн. Не миновала сия горькая участь и Старый Тракай. В соперничестве кузенов — Витаутаса и Иогайлы — в конце XIV века этот замок сжигается и больше никогда уж не отстраивается вновь. С этого времени начинается история Нового Тракая, или просто Тракая.

В центре теперешнего города, где озеро Гальве вплотную подходит к озеру Лукос, и сегодня время бережно хранит развалины одного из самых больших и старых замков Литвы — замка на полуострове. В свое время эта крепость занимала площадь в четыре гектара. В самом начале строительства у нижнего замка был выкопан ров, отделяющий эту часть крепости от верхнего замка и от суши. Из камней и кирпичей были выложены стены. Их толщина от 2 до 3,2 метра, а на углах четырехугольные башни пятнадцатиметровой ширины и высотой в четыре-пять современных этажей.

И эта крепость была постоянным объектом нападений крестоносцев. Так уж сложилась история Прибалтики — как Русь несколько веков дралась с иноземными ордами, так и прусы, и литовцы, и белорусы в это же время отражали нашествия рыцарей белого плаща и черного креста. И от этого Тракайского замка крестоносцы откатывались обратно, устилая пуши и дороги трупами кнехтов и рыцарей. Да и потом, вплоть до наших столетий, дороги самых кровопролитных войн проходили по этим местам, по тракайской земле.

...Подписав в Астраве мир, Витаутас и Иогайла стали готовиться к великой победе под Грюнвальдом. А еще немно-

Бутон

Изящный
шелковый платок
На фронт прислала ты.
И вышит был на нем цветок
Завидной красоты.

Едва раскрывшийся бутон
Был на краю платка.
Похож на наше счастье он
Расцветкой лепестка.

Ты написала пару строк
О счастье,
о любви,
И раньше срока тот цветок
Просила:
не сорви.

Садовник ты,
а я цветок,
Писала
ты в письме.
Храни меня,
чтоб враг не смог
Спалить меня в огне.

Письмо твое
прочел сейчас,
Прошу тебя,
поверь,
Пусть буду ранен десять раз—
Не дрогну я теперь.

Пушкой идет
весь вражий полк
В атаку на меня.
Тобою посланный платок
У сердца,
как броня.

Тобою посланный бутон
Я сберегу сквозь дым.
Пока цветком не станет он
Под небом голубым.

Северо-Западный фронт,
ноябрь 1942 года

Медсестра

В атаку шел я сквозь свинцовый шквал,
В крови по пояс, сквозь огонь и дым.
Одну я истину в то время знал:
Врага коварного мы победим.

Рвались снаряды, с воем шла шрапнель,
И пулемет без устали стучал.
И друг мой рядом, близко, как шинель,
Со мною шел на тот крошечный вал.

Вдруг я упал куда-то в темноту,
Не стало ни огня, ни вражьи лиц.
Очнулся, вижу юную сестру,
Склонившую надо мною ниц.

Я ей сказал: «Спасибо, что спасла
Меня от смерти ты на этот раз.
Но как же там в бою? Чья там взяла?
И на каком мы рубеже сейчас?»

Она ответила: «Разгромлен враг,
Бежит, не зная отдыха и сна...»
И стало мне светло... Ответить так
Имела право лишь она одна.

1943 год

Весна жизни

У жизни осень есть, зима и лето,
Есть и весна, и я ее достиг.
Пусть говорят, что ненадолго это
И что она всего лишь краткий миг.

Она не миг, она теперь надолго,
Весна, что к нам пришла через бои.
Ведь за нее легли, подумать только,
Миллионами товарищи мои.

Весне цвести на наших землях долго,
Пурге наперекор, ветрам назло.
Пусть снег идет, и пусть замерзла Волга,
Но в душах наших гордость и тепло.

У жизни осень есть, зима и лето,
Но есть у жизни и весны родник.
Пусть говорят: весна—поэтам.
Весна навек тем, кто ее достиг!

1946 год

Перевел с узбекского
Мурат ХАМПАЕВ.

го позже, в 1430 году, после того, как умер Витаутас, те, кто считал себя вправе унаследовать корону, опять перегрызлись как собаки на псарне. И опять кровь оросила дворы и горницы отстроенного, похорошевшего замка. А одряхлел он потом, как-то сам по себе, когда пути-дороги больших войн чуть-чуть свернули в сторону от стен этой крепости. Наконец, в 1655 году во время очередной войны крепость была основательно разрушена, и больше ее никто уже не восстанавливал...

Проходишь сегодня вдоль останков огромного замка на полуострове. Прислонись плечом к прохладному даже в самый жаркий день камню. Так тихо вокруг. Лишь листья шелестят. Лишь светлые, чистые облака смотрят в Тракайские озера. И кажется, что не воспоминания того, что читал, что слышал, всплывают перед внутренним взором, кажется, что тебе вещают люди, которых великое множество перевидали эти стены. И может быть, вот так же каких-нибудь пятьсот лет тому назад человек прижимался к этим камням. О чем он думал? Что вспоминал? К чему стремился? И что было в те часы за стенами замка? Слышалась ли гортанная, отрывистая речь осаждающих? Иль текла спокойная, размеренная мирная работа?..

Теперь о здании, которое практически «дожило» до сегодняшних дней и стало символом теперешнего Тракая да частью символизировало и всю Литву: о замке на острове. Слишком уж неблагодарное дело подробно описывать то, что видно на снимках, что, приехав в Тракай, можно пощупать собственными руками и увидеть собственными глазами.

Возведенный во второй половине

XIV—начале XV века, этот замок по тем временам был, пожалуй, одним из самых мощных в Европе. Практически непробиваемыми во времена Грюнвальдской битвы считались крепости, со стен которых стреляли по десять пушек. А в Тракае их было 15, да еще говорят, что ядра для самых больших из них были величиной с голову. Вспомним и то, что замок на острове опоясан ровом и высоченной стеной... До самого начала XVI века, когда Тракай уже не сумел противиться «конкуренции» все крепнее и растущего Вильнюса, замок на острове оставался великокняжеской резиденцией, а потому все время его холили и украшали. А потом Тракайский замок становится местом ссылки для знати. Наконец в 1655 году, после очередной военной кампании, замок опустел и в таком состоянии долгие века дождался реставраторов наших времен.

Собственно говоря, описывать историю Тракая—это рассказывать об истории всей Литвы. Но есть в Тракайской летописи и нечто совершенно необычное, удивляющее даже сегодня. Легенды гласят, что в конце XIV века князь Витаутас привез в Тракай для своей личной гвардии из Крыма несколько сот караимских воинов вместе с семьями. Что же, еще Дюма-отец описывал, как французские вельможи, не полагаясь на своих солдат, в личную охрану нанимали ландскнехтов из Швейцарии, Германии. Так, не доверяя своим, русские цари нанимали чужеземных генералов и советчиков, недоброй славы Биронов и иже с ними... Но вот караимы в Тракае прижились, освоились и вместе с тем не потеряли национальных черт, сохранили собственную культуру, о чем красноречиво рассказывает музейная экспозиция. Дуновением средневековых ветров

из крымских степей занесло в Прибалтику горячих южных всадников. А сегодня они неотъемлемая часть «этнографических особенностей» озерного края. Специалисты говорят, что сейчас более половины караимского населения планеты живет и трудится в Тракае.

Лично для меня Тракайский край со своими почти тремястами озерами стал такой местностью, в которой как в капле воды можно увидеть затейливые переплетения истории с днем нынешним. И каждый новый день все более утверждает меня в этом мнении.

...Например, к стыду своему, я совсем недавно узнал, что именно в Вевисе—это в 19 километрах от Тракая—в 1619 году было напечатано чуть ли не первое издание «Грамматики» Смолтицкого. Да, да, того самого, которого так искренне любил и почитал великий русский ученый и поэт Михайло Васильевич Ломоносов.

...Вновь и вновь перечитываю Адама Мицкевича. Его стихи приводят в особый, светлый и немного грустный мир. Именем этого поэта назван в Аукштайварисе—это в 29 километрах от Тракая—дуб обхватом почти в четыре с половиной метра, в тени которого, как рассказывают, любил отдыхать великий Адам. А мы, студенты-журналисты, отдыхали во дворике Вильнюсского университета, который так и называется—дворик Мицкевича. И вот вам еще одна нить, на которую нанизаны Тракай, Вильнюс, судьбы человеческие... Нить, в тысячный раз доказывающая истину о неразрывной связи времен...

Конечно, каждому человеку дороже, понятнее и ближе всего то время, в котором он живет,—его собственное время. Люди Тракая, наши современники, возвращенные на тех хлебах, о кото-

рых нами немало уж говорено, участвуют сегодня в таких деяниях, которые и присниться не могли нашим предкам.

Вот, скажем, Электреная—городок на самой окраине Тракайского района. Каких-нибудь двадцать лет тому назад здесь начали строить по тогдашнему времени самую большую электростанцию Советской Литвы—позже ее назвали Литовской ГРЭС имени Ленина. Тогда же, когда началось строительство, не было ни Электреная—одного из трех новых городов послевоенной Литвы, ни красивого водохранилища. А были архаичные деревни Пяркунки-емис, Каклинишкес, другие. А теперь здесь ГРЭС, производящая в год примерно 10 миллиардов киловатт-часов электроэнергии. ГРЭС, в постройке которой принимали участие минимум 300 заводов—непосредственных поставщиков. Конечно же, мы все прекрасно знаем, что такое ГРЭС и для чего она нужна. И понимаем, как должны были работать ее люди—жители Тракайского района, чтобы получить в награду орден Трудового Красного Знамени.

Сейчас примерно в двухстах километрах от Тракая строится крупнейшая атомная электростанция—Игналинская АЭС. Многие выросшие в Электренея специалисты уже сейчас трудятся в коллективе ИГАЭС, многим в будущем придется переезжать в Снечкус—новый город энергетиков. Ну, а что такое атомная станция и какой квалификацией обязаны обладать ее работники, понятно. Вот вам и еще одна нить, так изумительно точно подводящая исторические тракайские традиции и уклад к самой горячей современности. Уж что может быть горячее и современнее, чем участие в строительстве (это сегодня) и участие в обслуживании (это завтра) атомного энергетического гиганта?!

...И у вас тоже найдутся основания вспомнить о Тракайском районе, если в вашей комнате послан или подвешен ковер. Не поленились проверить — может, он произведен в Лянтварисе? Лянтварисская ковровая фабрика (она в 10 километрах от Тракая) — единственная в своем роде в Прибалтике, за год она производит более трех миллионов квадратных метров ковров, которые с успехом экспонировались на ярмарках в Лейпциге, Нью-Йорке, Париже, Варшаве, Рио-де-Жанейро.

...А однажды пути-дорожки привели меня на лянтварисскую «Кайтру». Тогда «Кайтра» выполняла заказ БАМа. Как всегда, срочный, как всегда, требующий особой надежности и качества продукции. Но как вы думаете, какую продукцию тут производят? Может быть, столбы электропередачи? Или шпалы? Ни то, ни другое. А производят вещи, без которых великолепно проложили Транссибирскую магистраль, отлично наладили движение поездов по желез-

ной дороге Москва — Петербург... А вот Байкало-Амурской магистрали да городов близлежащих к ней без продукции «Кайтры» уж никак не построят. Можем быть в этом уверены. Тут изготавливают красивые, набело эмалированные... ванны. Кроме них, отопительные котлы для жилых домов, другую продукцию. Чтобы иметь представление о масштабах, надо добавить, что ванн здесь изготавливается 200 тысяч в год. Завод тоже единственный в Прибалтике, один из немногих в Союзе да и в мире. Трудно поверить, но это факт. Этот удивительно ровный белый цвет на поверхность ванны наносят руками — только так можно равномерно и в меру густо покрыть пудрой докрасна раскаленную, мгновение назад вытасченную из отливочной печи ванну. У аппаратов пока ничего подобного не получается.

О делах, с которыми связаны сегодняшние тракайцы, можно говорить долго. Но очень уж щекотливо с высот атомной энергетики и бамовских заказов подойти к... обыкновенным куриным яйцам. Ситуацию, пожалуй, облегчает то, что, если верить историкам строительства, яйца были совсем неплохим

связующим материалом тогда, когда еще не было ни извести, ни тем более цемента. Так вот я и думаю: не помогли ли в некоторой мере истории Тракая и яйца? А сегодня важно то, что в Вевисе работает крупнейшая в Литве птицефабрика, ежегодно продающая людям более 130 миллионов яиц...

...А в Григишкессе — это на востоке Тракайского района — один из старейших и самых больших в Литве бумажных комбинатов.

И все это Тракайский район, зона отдыха и истории, известная всем в основном как древняя литовская столица, как прекрасное место, где человеку дано отдохнуть от самого себя, где с берега озера он вдруг видит гонки белопарусных яхт или международную гребную регату, которые часты в тракайских озерах. А может быть, бродя по городу, он ненароком попадет на традиционный, веселый конкурс сельских капелл на приз Тракайского замка...

Тракай, Тракай... Говорят старые люди, что хорошо там, где нас нет. Может, это и правда, ведь на самом деле трудно

оценить достоинства тех мест, где нет нас самих. Но важно к этому каламбуру добавить и следующее. Хорошо и там, в тех местах, где человек долго, целые столетия и десятилетия любил и как умел украшал и берег свой край трудолюбивыми и добрыми руками. Любил как единственную свою родину. Такое вот место есть и город Тракай и Тракайский район...

Какой дорогой бы ни увезжал из Тракая — вевисской, аукштадварисской, старой лянтварисской или самой удобной и короткой — вильнюсской, — всегда будет мгновение, когда покажется, что где-то на горизонте в воздухе легко и грациозно, словно игрушечный, парит Тракайский замок между облаками и озером. Этой минуты я стараюсь никогда не пропустить.

**УВЛЕЧЕНИЕ СТОЛЯРА
МАРЬЯНА МИСЕВИЧА
ДЕРЕВЯННАЯ
СКУЛЬПТУРА.**

**ПОДЪЕМНЫЙ МОСТ
НЫНЕ
ВСЕГДА ОПУЩЕН.**

**О МНОГОМ МОГЛИ БЫ
РАССКАЗАТЬ
ЭТИ СТАРИННЫЕ СВОДЫ.**

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬ

ЮНОСТЬ КУРЧАТОВА

Трудная жизнь в опаленном гражданской войной Крыму отразилась и на Таврическом университете. В сентябре 1920 года на первый курс физико-математического факультета поступило семьдесят студентов, а на второй семестр осталось менее десяти. Среди тех, кто выдержал удары невзгод, были И. Курчатова, Б. Ляховицкий, В. Луценко, И. Поройков, Н. Правдюк и К. Синельников. Кирилл Синельников был среди них самым «молодым» — он появился в университете зимой, в декабре, когда уже шли занятия. Первым, кто пришел на помощь новичку, был Гарик. Курчатова узнал горестную судьбу Кирилла — отец его, земский врач из Павлодара, умер в 1919 году от сыпного тифа, мать тяжело заболела острой формой туберкулеза, и, по уверениям врачей, ее мог спасти только солнечный, теплый Крым. Но чуда не произошло — Кирилл и его сестра Марина остались сиротами в чужом, незнакомом городе. К счастью, в Симферополе нашли добрые люди, которые не дали погибнуть сиротам. Брат с сестрой поселились в комнатухе с холодным и сырым земляным полом, своими руками сколотили стол и табуретки, побелили стены и занавесили окно самодельной занавеской. Серьезная Марина, принявшая на себя роль хозяйки, вставала чуть свет, готовила скудный завтрак и шла на работу в Потребительском обществе, а позже в отделе трудгужповинности Наркомата труда Крымской республики. Девушка оказалась деловитой, исполнительницей и очень аккуратной.

— Ты только хорошо учишься, — сказала Марина брату. — А все заботы по дому я беру на себя.

С Кириллом Игорь встречался в университете, в лаборатории, библиотеке. И вот случилось так, что аккуратный Кирилл не вернул вовремя Курчатова его конспект и, смутившись, приносит тысячу извинений, попросил его взять по пути у Марины. Гарик постучал в дощатую дверь хижинки под соломенной крышей. На пороге появилась милостивая девушка с лучистыми глазами и твердой морщинкой у губ. Марина видела однажды Гарика с братом и, сразу узнав Курчатова, пригласила его в дом. Игорь неожиданно смутился, стал отказываться, потом решился и боком вошел в комнату.

— Ты, то есть вы... — Марина засмутилась, — простите моего Кира, он был очень занят... Впрочем, что я говорю? Вы оба заняты... Я хочу вас поблагодарить за помощь моему брату... Он много говорит о вас... Я так рада, что у него такой хороший друг...

Игорь почувствовал, как кровь хлынула к лицу. Выйдя на улицу, остановился. «Что случилось?» — спросил себя. При виде милой, скромной и умной девушки он, Игорь, смутился, и, наверное, сейчас она потешается над ним.

Но Игорь ошибался. Рассказывая брату о его приходе, Марина не скрыла, что Курчатова ей понравился.

— Нехорошо, братец, что ты не приглашаешь Игоря. Кирилл горько усмехнулся и выразительно повел глазами по убогой обстановке и земляному полу.

— Как тебе не стыдно, Кир! — возмутилась Марина. — Можно подумать, что Игорь из лордов. Сейчас всем трудно живется, а сам Игорь бог знает как одет.

Через день Марина вновь завела разговор с братом об Игоря.

— Братец, дорогой, скоро мой день рождения, пригласи своего нового друга. Сделай мне такой подарок.

— Обязательно! Обязательно! — обрадовался Кирилл.

В назначенный вечер три коптилки осветили побеленную комнатуху. Марина хлопотала у стола, нетерпеливо поглядывая на дверь. Все уже собралось, а Игоря не было.

Получив приглашение на день рождения Марины, Игорь, помучившись в одиночестве, решил поделиться с матерью. Он рассказал ей о первой встрече с

Мариной. Теперь... теперь сама Марина пригласила его на домашний праздник... Как ему быть? Что делать?

Мария Васильевна все поняла и порекомендовала сыну обязательно принять приглашение.

— Поднеси Марине подарок...

— Подарок? Какой? Где я его возьму?

— У тебя, Гарик, есть хорошая картина, которую ты сделал лобзиком. Помнишь?

Завернув в газету свой подарок, Игорь вышел из дома стремительно. Прижимая к себе картину, шагал быстро и уверенно. Но по мере приближения к дому Синельниковых шаг его становился медленнее.

Мучительно раздумывая, что и как ему делать, Игорь доплелся до хижинки под соломенной крышей. За окнами в тусклом свете коптилок мелькали тени, слышались голоса. Потом все заглохло, и в это время открылась дверь, на пороге показалась Марина. Она поежилась и выжидательно посмотрела в сгущавшуюся темноту. Игорь попятился, укрывшись за забором. Он корил себя за нерешительность, презирал свою растерянность и малодушие, но ничего не мог поделать с собой — застыл, окаменел, не мог двинуться с места.

Тем временем Марина вновь показалась в дверях, нервно повела головой, пожала плечами и ушла.

На следующий день Кирилл допытывался:

— Что случилось? Почему ты не пришел?

— Постеснялся, — признался Игорь.

— Постеснялся? — Кирилл не мог поверить, что энергичный, деятельный Курчатова, признанный бригадир, вдруг постеснялся прийти к нему в гости.

О своей неожиданной слабости Игорь признался матери. Мария Васильевна рассказала о случившемся мужу, и оба вспомнили Сим, и как молодой Курчатова на всем скаку пролетал на своем жеребчике перед школой, и как он, увешанный охотничьими трофеями, вышагивал перед молодой учительницей.

— Познакомлюсь я с Мариной, — отогласил воспоминания, сказала Мария Васильевна.

Повод избрала самый простой — возвращаясь домой с базара, она остановилась около хижинки Синельниковых, постучала в дверь. Открыла Марина.

— Здравствуй, Марина. Кир дома? — Мария Васильевна заговорила с Мариной так, словно была с ней давно знакома. — Нет?.. Какая жалость. А я хотела оставить у вас корзинку, в гору мне тяжело, да устала, неважно себя чувствую. Думала, Игорь по пути зайдет и возьмет корзинку. Раз Кира нет, поплетусь.

— Ни в коем случае! — запротестовала Марина. — Очень вас прошу — оставьте корзинку, я ее передам Игорю. Проходите, пожалуйста, отдохните. — Мария Васильевна вошла, осмотрела комнатку, похвалила Марину за чистоту и порядок в помещении, сказала, что ей понравилась занавеска.

С того дня Мария Васильевна не раз оставляла у Синельниковых корзину, каждый раз приговаривая:

— Гарик зайдет, заберет, а то мне в гору тяжело.

И Гарик приходил за покупками. Он уже не робел, как прежде, а оживленно рассказывал Марине о студенческой жизни, говорил о Семене Николаевиче Усатом, о его лаборатории и научном семинаре по физике, восторгался Кириллом. Марина рассказывала о своей работе, о прочитанных книгах. Мария Васильевна сделала так, что Марина стала заходить к Курчатовым, — она просила у Марии Васильевны совета, а то и помощи, училась у нее кройке и шитью. Василий Алексеевич, тепло относившийся к Кириллу, с отцовской заботливостью встречал и его сестру.

— У нас дочка появилась... — говорил Василий Алексеевич, встречая в дверях Марину. — Наш дом — твой дом, Марина.

Игорь чувствовал себя счастливым, когда видел Марину с Марией Васильевной. И доверительно высказал Марине сокровенные планы на будущее: он досрочно окончит университет, уедет в Питер, поступит в Политехнический институт, станет кораблестроителем и вернется в Крым, в Севастополь.

— Досрочно? Уедешь?

Игорь вспыхнул. Он не подумал, что рассказ вызо-

вет такую бурную реакцию. Глаза Марины потемнели, наполнились слезами.

— Марина!.. Что с тобой, Марина?..

— Как же вы можете, Игорь, уехать? Уехать? И ушла.

Встревоженный Игорь кинулся к матери.

— Ты любишь Марину? Или это интрижка? Мгновенное увлечение? — допытывалась мать.

— Сам не знаю... — вздохнул Игорь и опустил голову. — Мне кажется, что я не могу жить без Марины, а увижу ее — смущаюсь. Любовь — слово святое, это, я понимаю, но я не любил и не знаю. Марина — замечательная, умная, добрая и чуткая. Она понимает меня, я так думал, а оказалось, она не понимает меня в самом главном — в определении будущего...

— Тебе надо разобраться в своих чувствах... — мягко посоветовала сыну Мария Васильевна. — Нельзя ставить девушку в неопределенное, я бы сказала, даже неловкое положение... Ее видят с тобой, вы гуляете вдвоем до ночи, а то и до утренних петухов... У соседей, вообще у окружающих, складывается определенное впечатление: ты — жених Марины.

— Мы большие друзья, мама... — запротестовал Игорь. — Нам хорошо и интересно быть вместе... Почему нужно оглядываться на соседей и думать, кто и как подумает о нас...

— Не горячись. Ты живешь не в безвоздушном пространстве и нельзя не считаться с общественным мнением. И запомни навсегда: мужчина отвечает не столько за себя, сколько за женщину, тем более за девушку, с которой он дружит. Ты отвечаешь, сын, за честь, достоинство и доброе имя Марины.

— Я хочу быть для Марины самым верным другом, — едва слышно произнес Игорь.

Мать ласково провела рукой по темным, подстриженным «ежику» волосам сына.

— Марина мне очень нравится. Скажу откровенно, лучшей жены тебе я не вижу. И вряд ли ты потом такую встретишь...

— Почему сразу говорить о женитьбе? Не понимаю. Теперь новая жизнь, новые отношения, и мужчина и женщина могут быть друзьями. — Игорь вскинул голову. — Мне нужно учиться, окончательно определить цель в жизни, найти работу, а потом уже думать о семье. Кто я сейчас? Студент. Если мне сейчас заводиться семью, то смогу ли я содержать ее? Смогу ли создать для жены человеческие условия, или она и дальше будет жить в хатенке с земляным полом? Да нет же, конечно! Как тогда быть? Сесть вам на шею? Я и так мало помогаю по дому и всем обязан тебе и отцу.

В это время на дворе заржали кони, послышались голоса, и Мария Васильевна бросилась встречать мужа.

Игорь и Борис стянули с отца сапоги, приготовили в умывальнике воду, и, когда, сменив белье, вальжанный, довольный встречей, Василий Алексеевич сел за стол, семья с жадностью стала слушать его рассказы о странствованиях по жарким степям Крыма.

Мария Васильевна улучила минутку и сообщила мужу о своей исповедальной беседе с сыном. Василий Алексеевич, подхватив сына под руку, увел его в уголок.

— Послушай меня, дорогой сын... Большое и редкое это счастье, когда к человеку приходит любовь. И тут очень важно не упустить ее. В молодости так бывает — успею, найду, думаю, а потом всю жизнь каются, проклинают себя.

У нас в роду есть закон: Курчатовы выбирают раз в жизни, и навсегда. Мой отец, твой дед, говорил: «Если брат, то, как бить в глаз белки, — без промаха». Я живу по курчатовскому закону и счастлив. С Мариной будь открыт и честен: любишь, дай знать — навек с ней; только дружишь — пусть знает, что ты не жених, не муж, а добрый приятель, и не терзай девичью душу.

— Но почему, отец, надо решать: или — или? — возмутился Игорь. — Разве не может быть между мужчиной и женщиной добрых, товарищеских отношений, основанных на взаимопонимании и уважении интересов друг друга?

отдавать свои силы стране, норовит легко прожить в роли вечного студента. Игорь обиделся, взорвался и резко сказал:

— Стране нужен мощный морской и океанский флот. Так вот я хочу его строить. Это очень важно для обороны страны. У нас в Крыму нет кораблестроительного факультета, он есть в Питере, поэтому я и прошу вас направить меня туда. И вообще у меня желание заниматься новой техникой, быть полезным там, где создаются новые машины и оборудование.

— Так... так... Строить корабли? Заниматься новой техникой?...—начальник канцелярии окинул взором худого, вытянувшегося Курчатова с торчащими «ежиком» волосами, пылающими умными глазами и сжатыми в кулаки руками. «Этот не из «вечных студентов»,—подумал про себя начальник канцелярии,—не из белоручек и лентяев». Перелистывая страницы «Дела И. В. Курчатова», он отметил про себя: знает слесарное дело... работал на автобазе... бригадир грузчиков на железной дороге... сторож... препаратор в физической лаборатории Таврического университета... Отличные оценки...—Значит, хотим строить корабли?—Начальник канцелярии в упор посмотрел в лицо Курчатова.—А вы знаете, что существует запрещение Наркомпроса? Знаете?... Так, так... Хотите строить новые корабли?... Что ж, поверю вам. Пойду на нарушения. Очень уж солидные и авторитетные рекомендации у вас, молодой человек. Да, кажется, о вас я и сам многое слышал. Так что, как говорят, с богом, но имейте в виду: на бога надейся, а сам не плошай.

В конце концов Игорь Курчатов получил желанное направление в Петроградский политехнический институт, правда, на металлургический факультет, поскольку не было вакансий на кораблестроительный. Ну, это пустяки, решил Гарик. Там, в Питере, разберемся.

Разработанная Игорем Курчатовым смелая программа досрочного окончания Крымского университета и поступления на кораблестроительный факультет приблизилась к своему победному завершению. Нужно было собираться в дорогу.

Послесловие

Прошла трудная и сложная юность Игоря Курчатова. Она даровала пареньку такие силы, такую прочность нравственных позиций, пламенную гражданственность и волю к победе, что их хватило ему на всю жизнь.

О будущей жизни Игорь думал с юных лет. Думал не только о своей судьбе, но и о судьбе разоренной, голодавшей, истерзанной войнами родной страны. Жизнь у моря, вид разбитого флота в Севастополе, память об ужасах гражданской войны породили пыльную, романтическую цель юности: строить новые, совершенные боевые корабли. Потребовался настоящий взрыв молодых сил, воли, трудолюбия, чтобы штурмом взять избранную вершину. Досрочно окончив Крымский университет, оставив до времени любимую девушку, Игорь уехал в Питер—учиться строить корабли.

На этом периоде жизни будущего гениального ученого и завершается публикация глав документальной повести «Юность Курчатова». Но нельзя не заглянуть в ближайшее будущее неистового студента.

Предвидение новых, более сложных и важных для страны научных целей побудило Игоря Курчатова уйти из кораблестроения. Ему сулили быструю карьеру, успех, благополучие в жизни, но со всем пылом юности Игорь ринулся к иной—грандиозной цели, к открытиям, сулившим человечеству власть над природой. Опять бессонные ночи, самозабвенное увлечение новым—тайнами неба и моря. В гидрометеорологии Курчатова быстро проявил талант ученого, большие способности организатора и экспериментатора. На него обратили внимание, ему вновь предсказывали блестящую научную карьеру...

Но не о карьере, не о легкой славе, не о бытовом комфорте думал тогда Игорь. Душа подвижника и революционера в науке требовала иных высот, настоящих битв, открытий и свершений, достойных великого века. И вот новая цель—загадочное по тем временам сегнетоэлектричество. И опять труд самозабвенный, рискованные эксперименты. Сделаны первые открытия. И вновь шумное признание, присуждение ученой степени доктора наук, издание монографии, столпотворения на лекциях Курчатова в студенческих аудиториях. Ну, казалось друзьям, теперь все окончательно встало на свое место. Но тут, ко всеобщему изумлению, Курчатова оставляет все свои работы по сегнетоэлектричеству. Интуиция гения подсказала ему:

— Атом! Вот цель.

И ценой нечеловеческого напряжения сил, ценой самопожертвования, постоянного риска, вместе с такими же, как он, одержимыми подвижниками новой науки, Игорь Васильевич Курчатова подчиняет человеку неисчерпаемую энергию атома. Энергию, ставшую нашей стране надежным щитом, позволяющую решать самые величественные задачи коммунистического строительства.

Но это тема другой повести.

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ

Михаил АНДРОНОВ

Солдаты и журавли

Был поднят взвод на бой по знаку,
На юг летели журавли.
Весь взвод погиб, идя в атаку,
И птицы в небе смерть нашли:
В тумане с «хейнкелем» столкнулись,
Бойцы под танками легли...
Домой гвардейцы не вернулись,
К родным гнездовьям— журавли.

Перед атакой

Фронт за бугром.
В сплошном огне пшеница,
И черный дым клубится
в вышине.

Орудья бьют,
Шарахаются птицы,
Разрывы мин за садом,
в стороне.

А мы в лесу
В окопах, на полянке.
Здесь тишина,

но только знаем мы,

Когда пойдут
В атаку наши танки,
То содрогнутся реки
и холмы.

Наплыл туман
На облако седое.
Фронт за бугром,
Орудье начеку.
И мы опять
За полчаса до боя
Сердца готовим

к дерзкому броску.

Пограничная быль

Кровавился в лесу собачий след.
Ползла, скуля, овчарка от заставы,
Ползла туда, где бой шел у реки,
Где пулемет строчил у переправы.

И вот конец нелегкого пути...
У берега, где выросли ромашки,
Лежал смертельно раненный боец
В зеленой запылившейся фуражке.

Лежал боец на насыпи ничком.
В багровом небе
месяц плыл двурогий.
За пулеметом умер проводник—
Ее хозяин и наставник строгий.

Она к бойцу поближе подползла,
Убитого лизнула нежно в шею
И положила морду на плечо,
Едва не рухнув в пыльную траншею.

Когда ж под Брестом кончились бои,
Два тела обнаружили ребята.
Мохнатая собачья голова,
Застыв, лежала на плече солдата.

Их схоронили рядом, под сосной,
На берегу встревоженного Буга,
И кто-то надпись вывел на доске:
«Фуражку сбрось—
здесь спят два верных друга».

Лежали мы, лицом к земле припав,
В часы бомбежек возле переправ.
Нас тиф сыпной
в болотах топких тряс,
И голод брал порой за горло нас.
Попав в кольцо в лесу у Поньрей,
Прорвались мы под залпы батарей
И снова в бой без отдыха и сна...
На прочность проверяла нас война!

От первой пули до последней пули
Я отшагал солдатом на войне.
В окопах спал,
Мерз ночью в карауле,
Полз по болотам в орудийном гуле,
Тонул и на Днепре и на Двине.
Я голодал,
Меня метели гнули,
Был в медсанбатах
И сгорал в огне...
От первой пули до последней пули
Я отшагал солдатом на войне.

На фронте железные ритмы
Все чаще меняет война.
Все больше воронок и рытвин
В полях оставляет она.
Снаряды свистящей лавиной
Готовы весь мир сокрушить...
Но в рощах напев соловьиный
Не может война заглушить!

Пейзаж войны

Заре улыбнулся ромашковый луг,
На листьях рябины
роса серебрится.

Все ожило,
все пробудилось вокруг,
И в рощах запели беспечные птицы.
Как был бы красив
этот мирный пейзаж,

Несущий туманы
к заречным полянам,—
Когда б не заброшенный
старый блиндаж

Да пыльный окоп,
сплошь заросший бурьяном.
Березка ветвями кивает кустам,
Прохладу рассвета вдыхает осока,
И девочка машет плывущим плотам
С холма, где церквушка стоит одиноко.
Здесь лег бы на сердце
житейский покой,

У многих влюбленных
рассеяв тревоги,
Когда б не израненный
дуб над рекой

Да эта траншея у самой дороги.
Разбитый колодезь
застыл в тишине,
Петух на плетне взял высокую ноту,
И коршун спокойно

парит в вышине—
На фронт провожает
он нашу пехоту.
Гармонь здесь прошла бы

по центру села,
И нас угощали бы здесь пирогами—
Когда б не руины, и эта зола,
Да гарь от построек,
сожженных врагами.

Леонид МЛЕЧИН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

«ВАЛЬХАЛЛА»

Объявление гласило: «Ностальгический Восточный экспресс» — это один из поездов компании «Интрафлюг лимитед». Сегодня по расписанию рейс Цюрих — Стамбул. Цена билета — 1400 долларов, сюда включены стоимость питания, экскурсии и чаевые. Запланированы экскурсии из Цюриха, среди них однедневная поездка в Милан, стоимость приблизительно 175 долларов. Обращаться по адресу: Швейцария, 8127, Интрафлюг лимитед, или США, Пенсильвания, 17253, «Экспресс интернэшнл инкорпорейтед».

Поезд стоял на пути № 13. Джексон направился к первому спальному вагону. Пока проводник втаскивал его багаж, Джексон окинул взглядом поезд. Первое впечатление было действительно ошеломляющим. Пульмановские вагоны и паровоз словно появились из фильма 20-х годов. Это была старина, но старина чистенькая, свежая, отлакированная. Джексон мысленно поблагодарил сотрудников посольства, посоветовавших «Ностальгический Восточный экспресс» для путешествия в Турцию. Вначале мысль потерять три дня в поезде показалась Джексону абсурдной. Особенно если учесть, что самолетом до Стамбула два с половиной часа.

Теперь, усевшись в мягкое кресло своего купе, он в полной мере мог оценить прелесть путешествия в этом экзотическом поезде.

По коридору прохаживался некто в цилиндре и фраке, с нафабранными усами и безукоризненными манерами. У него не было никакого видимого занятия, кроме учтивых бесед, которые он вел решительно со всеми, у кого на лице можно было прочитать хоть малейшее выражение скуки или неудовольствия.

Старый «Восточный экспресс», предназначенный для комфортабельнейшего путешествия из Европы в Азию, стал уже легендой, историей. Появление в 30-х годах воздушного сообщения означало конец «Восточного экспресса»: он не мог конкурировать с самолетами, доставлявшими пассажиров из одной части света в другую за считанные часы.

Но в эпоху моды ретро, тяги к пышности и роскоши прошлого предприимчивая железнодорожная компания вспомнила о былой славе «Восточного экспресса». Спальные вагоны, построенные в 1926 году, были найдены и отреставрированы.

Джексон небрежно перелистал рекламный проспект, где расписывались достопримечательности, которые будут показаны пассажирам «Ностальгического Восточного экспресса». Экскурсии, музеи, исторические памятники мало интересовали Джексона. Он прибыл в Европу с деловыми целями, отвлекаться от дела ради собственного удовольствия он не привык. В Инсбруке и в Вене у него назначены важные встречи. Даже это трехдневное путешествие он использует с толком.

В дверь купе аккуратно постучали. Оглядев себя в зеркало, Джексон произнес:

— Пожалуйста.

В купе, широко улыбаясь, вошел человек, по внешности которого можно было безошибочно определить, что он родился за Пиренеями. Черная как смоль красивая шевелюра, смуглая кожа, пронзительный взгляд больших глаз-маслин, аристократическая осанка.

— Рад вас видеть, господин Гонсалвиш. — Джексон был подчеркнуто доброжелателен: пожалуй, на сегодняшний момент он больше нуждался в Гонсалвише, чем Гонсалвиш в нем.

Художественные произведения, исследующие политические события современности, все больше привлекают внимание читателей. В постановлении ЦК КПСС «О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического литературства» отмечается: «Большой успех политического романа, публицистического фильма, драмы и поэзии показывает, что это направление в художественном творчестве отвечает духу времени».

Сегодня «Смена» — журнал, который неизменно уделяет внимание этому виду литературы, начинает печатать политический детектив молодого прозаика Леонида Млечина. Он журналист-международник, работает в политическом еженедельнике «Новое время». Первая его повесть, «Хризантема» пока не расцвела, была опубликована в журнале «Знамя» два года назад, затем появилась отдельной книгой в издательстве «Советская Россия» в серии «По ту сторону», пользующейся широким читательским вниманием. Вторая его повесть, «Картины города при вечернем освещении», печаталась в трех номерах журнала «Звезда Востока».

В обеих повестях действие происходит в Японии (автор — японист по

образованию). В первой рассказывается о подготовке военного переворота, во второй — о секретной лаборатории, которая сегодня продолжает преступную деятельность отряда № 731 Квантунской армии, создававшего бактериологическое оружие.

«Проект «Вальхалла» шире и географически и тематически. Автор показывает организаторов международного терроризма, тех, кто ныне поддерживает и поощряет нацистских преступников, избежавших в свое время справедливого возмездия, и их последней — неонацистской.

Повесть основана на фактах сегодняшней политической действительности. А то, что рождено художественным вымыслом и кажется нереальным, завтра может обернуться трагической действительностью, если народы мира не будут бдительны.

Генрих БОРОВИК,
лауреат Государственной премии СССР,
секретарь правления Союза писателей СССР

— Я уже обследовал этот замечательный поезд, больше предназначенный для наслаждения, чем для передвижения, — сказал Гонсалвиш. — Здесь три вагона-ресторана. Но если вы еще не слишком голодны, я предложил бы отправиться в бар рядом с нашим вагоном.

Вагон-бар был почти пуст, пассажиры «Ностальгического Восточного экспресса» еще только вживались в атмосферу путешествия. Они уселись в кресла, обитые красным бархатом. Поперек вагона стояло пианино.

Джексон заказал два джина с тоником.

— Вы едете до конца? — поинтересовался Гонсалвиш.

— Да, у меня дела в Стамбуле.

— А я только до Вены.

«Все ясно, — подумал Джексон, — дальше на границах начнутся строгости, а с документами у него неважно. Интересно, чей у него паспорт?»

— Я рад буду повидать своих австрийских друзей, — продолжал Гонсалвиш. — Я их давно не видел.

— Это очень интересно, — заметил Джексон. — Я был бы рад, если бы вы потом написали мне о настроениях ваших венских друзей.

Гонсалвиш внимательно посмотрел на Джексона.

— Какой именно аспект наших бесед может вас заинтересовать?

Джексон ответил не сразу. Он заказал еще раз джин с тоником, отметив не без удовольствия, что выпивка дешева.

— Скажу вам прямо. Нам очень не нравится усиление негативных по отношению к нашей стране настроений, охвативших значительные слои жителей Старого Света. Все эти антиамериканские демонстрации в западноевропейских столицах, марши мира, сборы подписей под антивоенными воззваниями мы рассматриваем как непредвиденное и весьма серьезное препятствие нашим внешнеполитическим планам. Отзвук уличных манифестаций мы ощущаем и на более высоком уровне, там, где принимаются решения. Это весьма прискорбно. Думаю, что и вашим друзьям эта чрезмерная уличная деятельность не по вкусу. Я был бы весьма вам признателен, если бы вы, скажем, сообщили мне, что ваши друзья предпринимали какие-то меры для свертывания этой деятельности и стабилизации положения.

Гонсалвиш слегка наклонил голову, показывая, что он хорошо понял собеседника.

— А что касается нашей договоренности о самолетах, — добавил Джексон равнодушным тоном, — то она, насколько мне известно, выполняется вполне успешно.

— Да, да, — поспешил подтвердить Гонсалвиш. — Мы чрезвычайно благодарны за содействие. Оно поистине неоценимо.

Джексон снисходительно улыбнулся уголками рта.

— Я рад, что наши деловые отношения взаимно полезны. Теперь, если не возражаете, господин Гонсалвиш, мне бы хотелось мысленно перенестись в Испанию. В письме вы кое-что уже сообщили, но за это время, наверно, произошли какие-то события?

— Основную схему я вам действительно изложил в письме. Мы предполагаем, что все начнется...

Норберт Хартунг с неудовольствием посмотрел на себя в зеркало: опять порезался. Все-таки нельзя делать сразу несколько дел: и бриться, и думать о лабораторных расчетах, и слушать новости. Норберт насухо вытер лицо полотенцем. Он еще в детстве привык к утренней сводке последних известий. Так было заведено у них в доме с военных лет. Теперь вместо радио Хартунг включал телевизор, стоявший

на полу в маленькой гостиной, и, пока брился, рассеянно слушал новости по первой телепрограмме. Надевая рубашку, Норберт вышел из ванной и направился к телевизору: пора его выключать. И остановился.

«...связь с кораблем так и не возобновилась. Первоначально предполагалось, что причина — в неисправности радиоаппаратуры. Но невозможность связаться с судном в течение всего дня сочли плохим признаком. Когда «Генерал Шерман» опаздывал уже на четыре часа и по-прежнему не подавал о себе никаких вестей, в воздух были подняты самолеты морской авиации. Однако судно обнаружить не удалось. Поиски продолжаются. Сложность состоит в том, что связь с «Генералом Шерманом» отсутствовала практически целые сутки, и теперь трудно точно установить координаты того места, где, как считают, судно потерпело аварию. Специалисты отвергают версию о столкновении с другим кораблем, поскольку не поступало сведений об исчезновении еще какого-либо судна».

Норберт слушал диктора с побелевшим лицом. На «Генерале Шермане», совершавшем рейс Гибралтар — Буэнос-Айрес, находилась его жена Маргарет.

В то утро, когда родственники трехсот пассажиров «Генерала Шермана», руководство пароходной компании и спасательные службы строили предположения о судьбе судна, к тому же квадрату Атлантического океана, где шли поиски корабля, были прикованы мысли еще нескольких человек. Они уединились в одной из комнат вместительного здания, которое входило в пышный архитектурный ансамбль Лэнгли. Здесь размещилось Центральное разведывательное управление США.

Среди собравшихся только трое были сотрудниками управления, их легко можно было спознать именно потому, что они меньше всего отвечали традиционным представлениям о работниках ЦРУ и ходили на университетских профессорах. А вот их собеседники, которых скорее можно было заподозрить в принадлежности к спецслужбам, — они как раз и были профессорами. Точнее, учеными-ядерщиками из Лос-Аламоса и Массачусетского технологического института.

Вопрос, поставленный перед учеными, требовал пусть пока и предварительного, с известной долей неточности, но немедленного ответа.

Вечером предыдущего дня оптические датчики американского разведывательного спутника «Орион», называемые «бангометрами», зафиксировали вспышку — это было похоже на ядерный взрыв. Ни одна из стран, принадлежащих к атомному клубу, испытаний в этом районе ранее не проводила. Снимки, переданные со спутника, заставляли предположить, что ядерным оружием овладела еще одна страна. «В таком случае, — сказал директору ЦРУ президент США, когда ему доложили о снимках с «Ориона», — я требую ответа только на один вопрос: кто?» Но прежде всего специалистам следовало установить, что же в действительности зафиксировали датчики спутника.

Разведывательные спутники давно стали рутинной в управлении. Ежегодно с базы ВВС в Калифорнии запускались две-три 11-тонные машины, начиненные дорогостоящей аппаратурой. Обладая скоростью 18 тысяч миль в час, спутники огибали земной шар за полтора часа, во время каждого витка фотографируя интересные объекты управления. Срочные фотографии передавались на Землю немедленно, подобно тому как осуществляется трансляция телепередач; остальные кадры в особом контейнере сбрасывались на Землю. При вхождении в атмосферу раскрывался парашют, замедлявший

падение. Контейнер перехватывали прямо в воздухе (это было поручено особой авиачастью, расквартированной на Гавайях) либо вылавливали из воды.

Самое интересное состояло в том, что спутник «Орион», зарегистрировавший вспышку огромной силы, в ту ночь находился не там, где ему полагалось быть. Его вывели на орбиту более десяти лет назад, со временем навигационная аппаратура испортилась, и он двигался по непредсказуемой траектории. В принципе квадрат, который в ту ночь по собственной инициативе изучал «Орион», не интересовал ЦРУ и обычно не фотографировался. Таким образом, вспышку обнаружили совершенно случайно.

Все это сжато сообщил ученым пригласивший их сюда Уолтер Смит, над которым немного подтрунивали в управлении: он был тезкой одного из первых директоров ЦРУ — Уолтера Беделла Смита по прозвищу «Жук» и даже немного походил на него внешне.

— Нам не удалось обнаружить никакого выпадения радиоактивных осадков в результате взрыва, — добавил Гаррисон, другой сотрудник ЦРУ, из управления научно-технической разведки.

— Ну, это могла быть нейтронная бомба. Тогда объяснимо их отсутствие, а также малая мощность взрыва — всего две килотонны, — заметил один из физиков.

— А если это просто вспышка лазерного луча?

— Исключается, — отрезал Смит, — мы просмотрели множество снимков, регистрирующих лазерные вспышки: ничего похожего.

— Специалисты из нашего технического управления сообщили, что одна из лабораторий зафиксировала мелкую пульсацию в ионосфере через несколько часов после предполагаемого взрыва. Они просили сообщить это вам. — Гаррисон наморщил лоб. — Честно говоря, мы засомневались: при чем тут пульсация? Но там убеждены, что это было бы весьма странным совпадением.

Его слова прервали треск и грохот. Все обернулись. Молчаливый бородатый физик, который все время раскачивался на крутящемся кресле, все-таки умудрился рухнуть вместе с ним на пол. Смит помог ему подняться. Тот сдержанно поблагодарил и как ни в чем не бывало заметил:

— Не вижу ничего удивительного в совпадении. Я уж не говорю о том, сколько причин могли вызвать ионизацию. Но ведь лаборатория-то находится в нескольких тысячах километров от места, где, как вы считаете, произошел взрыв. А почему, собственно, мы тут все говорим о взрыве? Ваш спутник мог что угодно принять за взрыв: молнию, метеорит, который начал гореть в атмосфере. В конце концов отражение солнечного луча с другого спутника.

— Я не хочу навязывать никому своего мнения, но в качестве гипотезы ядерный взрыв вполне допустим. — Немолодой уже профессор из Лос-Аламоса говорил чуть картавя. Когда-то он еще совсем молодым участвовал в подготовке проекта «Манхэттен» — создании первого атомного взрывного устройства. — Вот что дает мне основания так считать: как нам сообщили, два датчика на спутнике, а не один зарегистрировали двойную вспышку, что характерно для ядерного взрыва...

— На «Орионе» установлены два бангометра, — подтвердил Уолтер Смит, — высокой и низкой чувствительности — для подстраховки.

Физик кивком поблагодарил Смита за разъяснение.

— Двойную вспышку мы считаем бесспорным признаком атомного взрыва. Сначала возникает шаровидное образование, затем оно на секунду исчезает под воздействием ударной волны. Когда ударная волна рассеивается, шар появляется вновь, и его свечение становится почти в сто раз интенсивнее. Так и произошло в нашем случае. А пульсация, — закончил он, — также вполне объяснима: ударная волна прошла через тот участок ионосферы, который наблюдался в радиотелескоп. Вот и все.

Но это было далеко не все. Обсуждение продолжалось еще несколько часов. К нему подключились специалисты из комиссии по атомной энергии. ЦРУ не очень хотело допускать их, но председатель комиссии ультимативно потребовал этого на заседании разведывательного совета США. «В конце концов, — без ехидства заметил он, — наши сотрудники все-таки не менее других разбираются в атомных делах». У Смита скоро разболелась голова от бесконечных споров, ученые же углубились в такие научные дебри, что ни он, ни Гаррисон ничего не понимали. Им оставалось лишь терпеливо ждать, пока «высококолыбе» (как их именовали в управлении) придут к единому мнению.

Лишь около полуночи окончательно уставшие ученые согласились принять гипотезу о ядерном взрыве малой мощности как заслуживающую доверия. Уолтер Смит пошел их проводить, а Гаррисон, сняв телефонную трубку, попросил соединить его с директором.

Через две минуты в трубке раздался резкий голос:

— Слушай.

Директор ЦРУ уже собирался ложиться спать в своем загородном доме, но медлил, ожидая этого звонка. Директор не был профессиональным разведчиком, остро чувствовал свою некомпетентность и отсутствие опыта старался компенсировать усидчивостью, вниманием к деталям, повышенной работоспособностью. Сейчас, слушая Гаррисона, он, несмотря на позднее время, заставил себя сосредоточиться.

Еще утром ему позвонил помощник президента по национальной безопасности Уайт, до этого один из самых молодых профессоров Принстонского университета, автор десятка книг по ключевым вопросам международных отношений. Директор был почти вдвое старше Уайта, но, разговаривая с ним, ощущал явное превосходство собеседника.

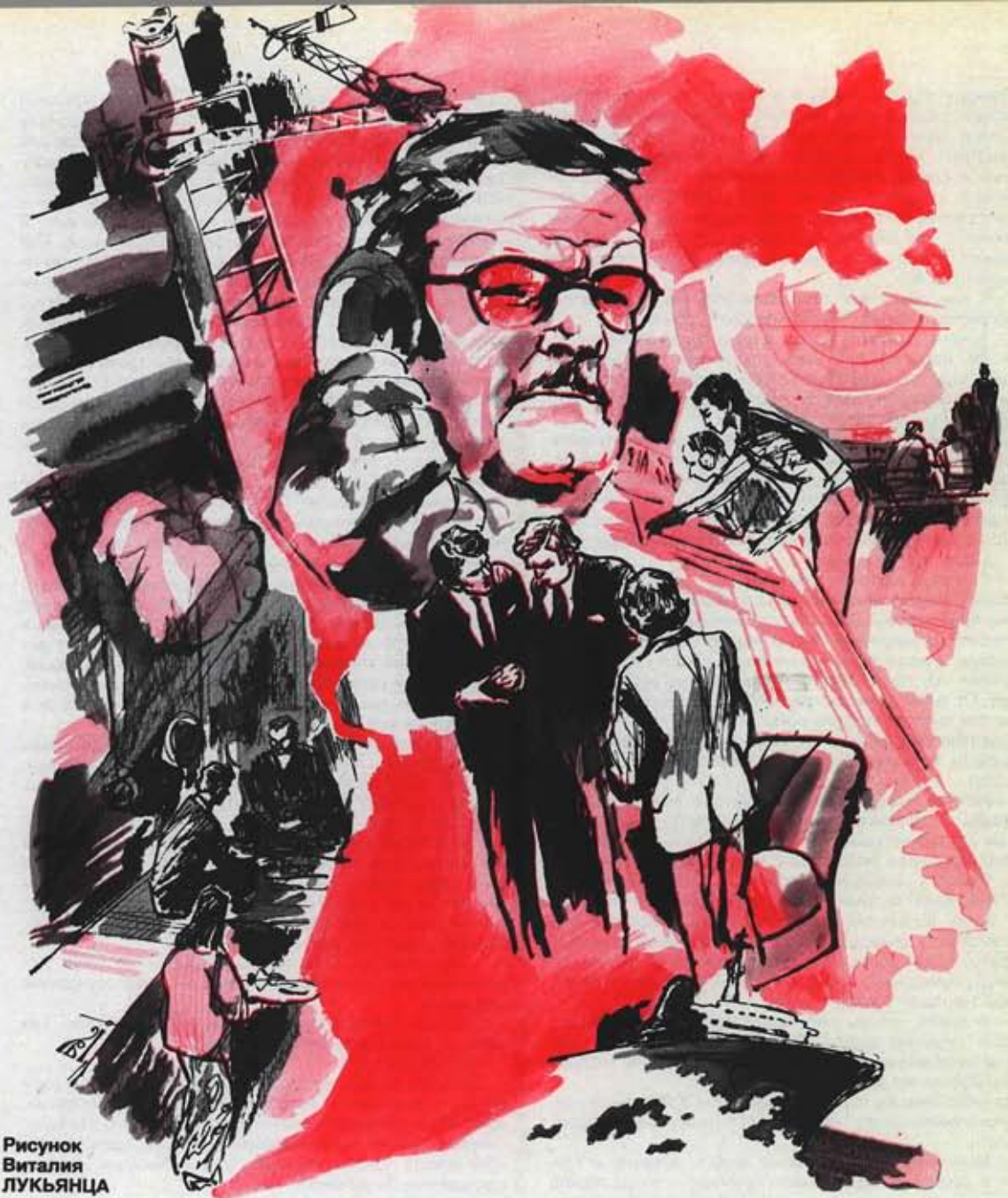

Рисунок
Виталия
ЛУКЬЯНЦА

— Ядерный взрыв у побережья Латинской Америки, — сказал Уайт, — может иметь самые серьезные последствия для Соединенных Штатов. Насколько нам известно, ни одна из стран, обладающих ядерным оружием, не проводит испытаний в этом районе. Да и мощность взорванного ядерного устройства слишком мала, чтобы предположить рутинное испытание. Остается думать, что еще одно государство овладело технологией изготовления атомной бомбы. И я моллю бога, чтобы оружие не оказалось в руках коммунистов. Латинская Америка — сфера наших жизненных интересов, и наш с вами долг — позаботиться о спокойствии на континенте. Завтра заседание Совета национальной безопасности. Ваш доклад вы начнете со взрыва. Но для начала посоветуйтесь с учеными, только аккуратно, не то пронюхает пресса.

Только когда Уайт, попрощавшись, повесил трубку, директор понял, что слушал его, как студент профессора, даже не помышляя о возражениях. Эта мысль была неприятной. Уайт и в самом деле имел профессорское звание, но директор ЦРУ перестал быть студентом сорок лет назад и отвык выслушивать назидательные речи.

То, что сообщил теперь Гаррисон, не оставляло сомнения в том, что у берегов Латинской Америки произошел ядерный взрыв.

На заседании Совета национальной безопасности президент был в дурном расположении духа, подавал резкие реплики во время доклада директора ЦРУ, а потом заметил, что не понимает, чем занимаются парни из управления, которые стоят стране так дорого, если под самым боком у Соединенных Штатов кто-то соорудит атомную бомбу, а в Лангли ничего не знают.

Директор ЦРУ, как новичок в административном аппарате, в отличие от других чиновников всегда болезненно воспринимал замечания президента. Друзья отговаривали его от этого поста, предсказывали крупные неприятности, но их не послушал, но понимал, что любая неудача управления может положить конец его карьере.

Вернувшись из Белого дома, он вызвал к себе Аллена Фергюсона, который уже пять лет занимал ключевой пост заместителя директора ЦРУ по разведке, и предложил ему лично заняться «этим чертовым взрывом в океане».

Граф Гонсалвиш остановился в венском отеле «Зауэр». Превосходно проспав ночь, он не спешил спускаться вниз, где его ждал заказанный завтрак. Включив радио, он в некотором волнении рассказывал по номеру. И только услышав об

исчезновении американского пассажирского судна «Генерал Шерман», Гонсалвиш успокоился. Он внимательно выслушал сообщение до конца и после этого отправился завтракать. У него появился аппетит.

Кристиан Редлих выскользнул из потока пассажиров в токийском аэропорту Нарита, поставил чемодан на асфальт и растерянно огляделся. Вот он и в Японии. Он долго не верил в возможность этой поездки. Трехмесячная стипендия и оплаченный билет до Токио — слишком большая роскошь, чтобы Мюнхенский университет, где Редлих преподавал историю международных отношений, мог себе ее позволить. И сколько бы декан факультета ни ходатайствовал перед ученым советом, напирая на важность темы Редлиха, стипендии Кристиан никогда бы не получил, если бы ему не случилось перевести самого ректора в беседе с делегацией японских профессоров из Киото. Ректору понравился переводчик, и через месяц Кристиан составлял план стажировки в Токийском университете, ломая голову над тем, как бы успеть побольше узнать за эти три месяца, о которых еще недавно мечтал как о манне небесной и которые теперь казались ему столь короткими.

Какой-то японец нечаянно толкнул его, извиняясь, пробормотал: «Сицурэй симас» («Простите») — и побежал дальше. Кристиан взял чемодан и направился к такси. Он в Японии! Впереди три чудесных месяца. Работа в архивах, беседы со специалистами, неожиданные открытия.

На следующее утро, представившись в Токийском университете, Кристиан тут же помчался в библиотеку. По выбранной им теме было столько литературы, что с избытком хватило бы на десять диссертаций. Приятно было и то, что ему как стажеру разрешалось свободно разгуливать по нескончаемым проходам между стеллажами и самому выбирать на полках нужные книги.

Иностранцев стажеров объединили в несколько семинаров. Кристиан начал заниматься в группе, изучающей новейшую историю Японии у профессора Симидзу.

На второй день после приезда Кристиана Симидзу пригласил его к себе домой. С сожалением оторвавшийся от книг Кристиан утешал себя тем, что сможет познакомиться с бытом японской семьи. Но Симидзу жил в обычной, обставленной европейской мебелью квартире. Заглянув в первые две комнаты, Кристиан почувствовал разочарование. Но в этот момент профессор Симидзу распахнул дверь в гостиную, обставленную в японском стиле: без стульев и стола, пол сплошь устлан татами — соломенными циновками.

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ

Итоги первого задания — «У глобуса»

Читатели «Смены», увлекающиеся составлением и разгадыванием кроссвордов, не раз в своих письмах высказывали предложение — провести на страницах журнала конкурс кроссвордистов. Такой конкурс «Смена» объявила в третьем номере, опубликовав рисунок и условия первого задания — «У глобуса».

«С огромным удовольствием восприняли новый конкурс...» — так начинаются десятки писем участников первого задания. А всего их редакция получила больше тысячи. Предваряя свой кроссворд, читатель Р. Асанов из Симферополя написал: «В подобных конкурсах участвую впервые. Замечательное дело. Очень хочется побыстрее узнать темы остальных заданий». А вот выдержка из письма А. Заикина (г. Ковров Владимирской области): «Участвую в первом задании конкурса с тем большим интересом, что предложенная сетка подкупает, если можно так выразиться, своим изяществом. Задание «У глобуса» предлагает довольно широкие возможности для реализации собственных представлений о составлении кроссвордов, которые, кстати, почти полностью совпадают с вашими». Двадцатилетний библиотечник из села Товра Архангельской области С. Танашева пишет: «И раньше для себя составляла кроссворды. Люблю также решать их в журналах. Тем это интереснее, чем кроссворд труднее. Составить конкурсный кроссворд оказалось непросто. Пришлось пересмотреть немало литературы. Но зато получила большое удовольствие. Спасибо за идею».

Жюри внимательно изучило все конкурсные работы. К сожалению, надо признать, что далеко не все читатели постарались вникнуть в условия первого задания и всего конкурса. Поэтому некоторые из них составили кроссворды практически из одних названий рек и городов, что делает их абсолютно неинтересными. Очень многие участники конкурса не выдержали соотношение между нарицательными словами и именами собственными. Далеко не все указали источники толкования слов, что значительно затруднило проверку работ.

Самым содержательным жюри единогласно признало кроссворд, составленный М. Кобзиной со станции Клязьма Московской области. Он не только в точности отвечает условиям конкурса, но и подкупает широтой использованных понятий и терминов, а также культурой толкования слов. Публикуем его. Читатели, которые в письмах высказали мнение, что по предложенной сетке невозможно составить кроссворд на географическую тему, используя не больше трех понятий одного рода, могут убедиться, что М. Кобзина исчерпала этот лимит только в названиях рек.

Называем других призеров конкурса по итогам I тура.

Почетных дипломов удостоены Н. Васильев из г. Новочебоксарска Чувашской АССР, В. Гребешкова из пос. Середка Псковской области, Б. Казанский из Владивостока, З. Пархоменко из Свердловска и М. Лобанов из Ферганы.

Редакция сердечно поздравляет победителей и благодарит всех читателей, сделавших попытку выполнить домашнее задание. У кого не получилось на «отлично» — не беда. Ведь в № 6 было дано второе задание, сегодня — третье. Будем рады убедиться, как возросло ваше мастерство. Ждем писем!

КРОССВОРД «У ГЛОБУСА»
Составила М. Кобзина,
ст. Клязьма
Московской области

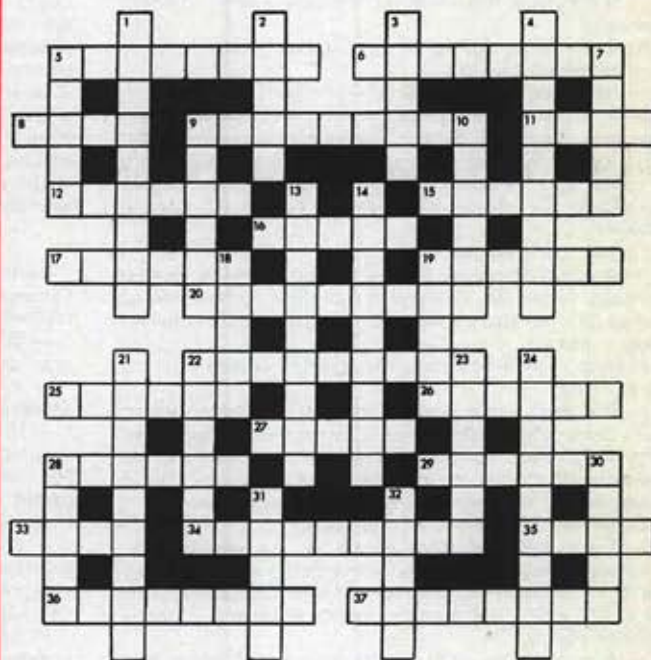
По вертикали:

1. Древнегреческое название Днепра.
2. Насыщенная минералами вода некоторых озер, лиманов.
3. Разменная монета Индии и Пакистана.
4. Карликовое государство в Европе.
5. Река в ГДР.
6. Северная растительная зона.
7. Советский писатель-фантаст, автор произведений о Северном Ледовитом океане.
8. Группа геологов-исследователей.
9. Один из холмов, на которых расположен Рим.
10. Житель областного центра РСФСР.
11. Служащий в судовой команде.
12. Денежная единица Малайзии.
13. Французский геолог, член-корреспондент Петербургской Академии наук.
14. Высочайшая горная система на земном шаре.
15. Бухта у юго-западного берега моря Лаптевых.
16. Геодезический знак на местности.
17. Материковая отмель.
18. Населенный областной центр Украины.
19. Благородный металл.
20. Река системы Журуа (Бразилия).
21. Узкая полоса суши, соединяющая полуостров с материком.
22. Тип болота.
23. Длинный уступ на обрывистом склоне горы.
24. Морской навигационный прибор.
25. Геодезический знак в виде двойной пирамиды.
26. Горный хребет в КНДР.
27. Город в Китае (провинция Шаньдун).
28. Один из вилайетов Турции.

По горизонтали:

1. Песчаный холм в пустыне.
2. Сторона света.
3. Ткань, которую первоначально применяли только в мореходном деле.
4. Тип почвы.
5. Название вертолета, основного транспорта геологов, геодезистов.
6. Трещина в толще горного массива.
7. Широко распространенная горная порода.
8. Металлический барометр.
9. Приток Роны.
10. Видимое пространство над земной поверхностью.
11. Геодезический инструмент.
12. Купец, основавший первые русские поселения в Русской Америке.
13. Представитель народа, живущего на севере СССР.
14. Географическая координата.
15. Русское название чукотской или эскимосской лодки.
16. Стальной брус, элемент железнодорожного пути.
17. Рыба северных морей.
18. Минерал, драгоценный камень.
19. Остров у берегов Югославии.
20. Узкая песчаная отмель.
21. Охотничья птица в Евразии и Африке.
22. Древнее название Испании.
23. Вихревая морская буря.
24. Залив на западе японского острова Кюсю.
25. Горы в Европе.
26. Процесс горообразования.
27. Название мелких заливов на Аральском и Каспийском морях, на Байкале.
28. Горнодобывающее предприятие.

Задание третье: «Физкультура и спорт»

Предлагаем вам, дорогие читатели, рисунок, который вы должны заполнить словами, отсылающими к жизнедеятельности, интересам человека в сфере физкультуры и спорта. В кроссворд можно включать также названия и термины, связанные с туризмом, спортивной охотой и рыболовством, понятия, относящиеся к произведениям литературы и искусства на спортивную тему.

При составлении кроссворда надо руководствоваться правилами, изложенными в напечатанной в третьем номере «Смены» статье «Гимнастика ума». Например, нельзя брать больше трех однородных понятий (названий видов спорта, спортивных снарядов и т. д.), загадывать больше одной трети от всех слов имен собственных. Направляя задание в редакцию, помните: к каждому загаданному слову обязательна ссылка на источник толкования.

Лучшую конкурсную работу журнал опубликует. Еще пять наиболее интересных работ будут отмечены почетными дипломами «Смены».

Жюри конкурса убедительно просит читателей писать только на одной стороне листа и с промежутком между строками. А также писать четким, понятным почерком и каждую позицию начинать с новой строки.

Последний срок отсылки конкурсных кроссвордов — 1 июня. Дату отправки жюри определит по почтовому штемпелю.

На конверте пометьте: «Конкурс кроссвордистов: «Физкультура и спорт». Конкурсные работы редакция не рецензирует и не возвращает.

Участвовать в третьем задании могут все читатели «Смены». Увлекательное вам поиска, дорогие друзья! Ждем ваших писем.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ в № 8

По горизонтали:

1. Бумеранг.
2. Курчатов.
3. Ротатор.
4. Иркутск.
5. Доде.
6. Таратайка.
7. Уран.
8. Нартов.
9. Радис.
10. Сливки.
11. Комбинаторика.
12. Стеклопластик.
13. «Жизель».
14. Шоссе.
15. Фигаро.
16. Кекс.
17. Харитонов.
18. Утес.
19. Нильгау.
20. Буруние.
21. Амазонка.
22. Карбонат.

По вертикали:

1. «Бородино».
2. Матадор.
3. Рота.
4. Нарзан.
5. Улитка.
6. Чека.
7. Татаров.
8. Вакансия.
9. Палеонтология.
10. Радиотелескоп.
11. Коростель.
12. Глоксия.
13. Абака.
14. Юрист.
15. «Джоконда».
16. Конспект.
17. Закалка.
18. Алтунян.
19. Запуск.
20. Домбра.
21. Агно.
22. Бонат.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18.03.83. Подписано к печати 07.04.83. А 02665. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1071. Заказ № 461. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

УМЕРЕНКО, РАДОНОВИЧ.

Второй раз по желанию.

ВСТРЕЧА

Слова Роберта РОЖДЕСТВЕННОГО

Музыка Евгения МАРТЫНОВА

ДРУЗЕЙ

Песня пусть начинается,
До небес поднимается,
Светом пусть наполняется,
Как заря.
Посидим по-хорошему,
Пусть виски запылены,
На земле жили-прожили
Мы не зря.

2 раза

Над рекой вспыхнет зорюшка,
Высоко встанет солнышко,
Упадет в землю зернышко
В нужный срок.

Только бы в поле, во поле
Дождичек сыпал вовремя,
А потом, чтобы вовремя
Лег снежок.

2 раза

Спелый хлеб закачается,
Жизнь, она не кончается,
Жизнь, она продолжается
Каждый раз.
Будет плыть в небе радуги,
Будет мир, будут праздники,
И шагнут внуки-правнуки
Дальше нас.

2 раза

ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ ШАШКИ ШАХМАТЫ

25^я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

Освобождающая жертва

Нередко возникают позиции, в которых собственная фигура или пешка служит помехой к осуществлению тактической операции, ведущей к выигрышу или ничьей (в худшем положении). Тогда нужно искать возможность с темпом пожертвовать эту фигуру (пешку) с целью немедленного освобождения поля или вскрытия линии.

Рассмотрим пример.

Белые начинают и дают мат в 6 ходов.

Легко заметить, что, будь поле f5 свободно, сразу же решало задачу 1. Кf5 с последующим Kg3x. Отступить слоном с поля f5 нельзя, так как черные успевают разрушить свой матовый «домик». Слона нужно увести с темпом, но пока что ему мешает белый ферзь. Поэтому сначала 1. Фh3+ Кре2. Фf1+! Кр:f1 — диагональ с8—h3 свободна! 3. Ch3+ Кре2 4. Cf1+! Кр:f1 — поле f5 свободно! Теперь белые могут осуществить свой главный план. 5. Кf5 Кре2 6. Kg3x.

Понятно, жертва фигуры с освобождением поля (линии) может применяться не только для ведения атаки, но и для защиты.

А теперь тематические задания

очередного тура нашей шахматной олимпиады.

Девятый тур I

Белые: Крc1, Фg8, Лd1, Лd6, Ce3, Ke8, Kh6, п. g7 (8).
Черные: Кре7, Фb5, Лa8, Лg3, Ca5, Cf5, Kd8, Kc6, пп. b4, c4, e4, h3 (12).

Белые начинают и дают мат в 3 хода (3 балла).

II

Белые: Крд7, Фа8, Ке6, пп. a7, d4, f5, g4 (7).

Черные: Крf7, Лh8 (2).
Белые начинают и дают мат в 4 хода (3 балла).

III

Белые: Крс6, Лh8, Cb2, пп. b3, h7 (5).

Черные: Кра5, Kc7, пп. a6, b4, c5, d5 (6).

Белые начинают и дают мат в 4 хода (4 балла).

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «25-я шахматная олимпиада. 9 тур». Последний срок присылки ответов — 15 июля (по почтовому штемпелю).

1^я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией мастера Виктора КРАМАРЕНКО

В редакцию приходит много писем с просьбой рассказать о международных шашках до начала седьмого тура, чтобы участники смогли лучше подготовиться.

От русских шашек международные отличаются тремя правилами, касающимися взятия.

1. **Правило большинства:** при нескольких возможностях взятия (боя) обязательно бить так, чтобы с доски снималось наибольшее количество шашек (дамок).

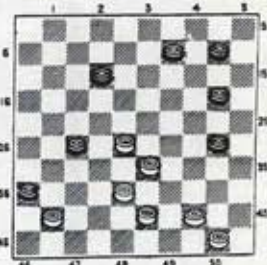
2. Если шашка в процессе взятия достигает дамочного поля и дальше ей бить как простой нечего, то она останавливается. Бить дальше как дамка она имеет право только после ответного хода противника.

3. Если шашка в процессе боя достигает дамочного поля и имеет возможность продолжать бой по правилам простой шашки, то она обязана это сделать и остается простой.

Кроме того, отличается и «материальная часть». Доска состоит из 100 клеток — потому и называют

их еще столеточными шашками. Соперники имеют по 20 шашек. В основу нотации положена цифровая система. Счет полям (только игровым) начинается со стороны черных и идет слева направо. Ходы записываются следующим образом: сначала пишут номер поля, на котором шашка стояла, потом через тире номер поля, на которое она пошла. При взятии ставится двоеточие.

Рассмотрим композицию председателя тренерского совета Федерации шашек СССР, международного мастера Бориса Шкиткина, которая служит хорошей иллюстрацией всех трех правил.

Белые: 28,33,38,41,43,44,50
Черные: 9,10,12,20,27,30,36

Черные пошли на поле 36, намереваясь прорваться в дамки. Белые ответили 1.38—32—необходимо бить большинство 1...27:40 (первое правило). И хотя черная шашка прошла через дамочное поле 49, она осталась простой (третье правило).

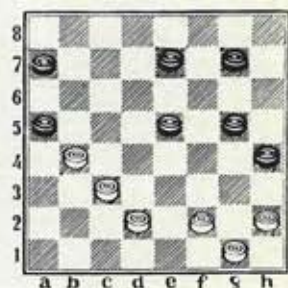
2.28—23! Черным обязательно бить 2...36:47, но согласно второму правилу она приобретает права дамки только после ответного хода белых. Чем они и воспользовались 3.50—44! Именно на поле 44, а не на 45, так как черным снова необходимо бить большинство 3...47:18. И следует завершающий финальный удар 4.44—22x.

Тур пятый

В заданиях этого тура вы встретитесь с положением «опозиция», то есть с таким противостоянием равного количества шашек в конце партии, когда при своей оче-

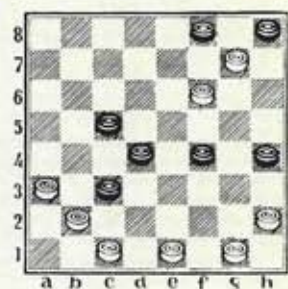
ди хода они оказываются под ударом.

1. И. Кобцев (Днепропетровск). Публикуется впервые

Белые: b4, c3, d2, f2, g1, h2 (6)
Черные: a5, a7, e5, e7, g5, g7, h4 (7)
Белые начинают и выигрывают (4 балла).

2. А. Шелухов (Калининград Московской области). Публикуется впервые

Белые: a3, b2, c1, e1, f6, g1, g7, h2 (8)
Черные: c3, c5, d4, f4, f8, h4, h8 (7)
Белые начинают и выигрывают, в главном варианте запирают дамку и две простые (4 балла).

3. Когда состоялся 1-й чемпионат СССР по русским шашкам и кто стал чемпионом? (2 балла).

Ответы на задания пятого тура присылайте с пометкой: «1-я шашечная олимпиада. 5-й тур». Последний срок присылки ответов — 15 июля (по почтовому штемпелю).

У ТИХОЙ ДЕРЕВУШКИ, ЗА ДАЛЬНИМ КОСОГОРОМ

Бумажный змей устремился в высь поднебесную, в пронзительную синеву. По раздольной деревенской улице прямо к горизонту бежал мальчишка. В ту же сторону плыли белесые стружки облаков, и казалось, что гряда облаков и улица смыкаются где-то там, за горизонтом. Взлохмаченные шалки вековых деревьев на переднем плане заняли собой полнеба, и, вероятно, по этой причине солнце на холсте не уместилось, но золотистый отраженный свет нашел свое место и на головах скворечен, и на выгоревших крышах домов, и просто на пригорках. Мальчишка бежал, а змей парил над ним в манящей синеве...

Именно таким движением, пронзительной чистотой красок, игрой тонов и полутонов,—и все это нераздельно, в извечном круговороте природы и бы-

Две эти работы различны по своему замыслу, различны они и по композиционному построению, но их объединяет тревожная наполненность красок, свинцовый колорит...

Сейчас Валентин Попков живет в городе Саранске, но тема деревни, современной деревни—главная в его творчестве.

— Жителям больших городов порбю сельская жизнь представляется более упрощенной, что ли,—говорит Попков,—а на самом деле она сложнее, гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд.

И художник собирается в дорогу, берет кисти, краски и карандаши и едет куда-нибудь в Дьяково, что в Горьковской области, а путь

УЛИЦА МОЕГО ДЕТСТВА.

ВОЕННЫЕ ГОДЫ.

тия,—пронизана работа заслуженного художника РСФСР Валентина Попкова «Улица моего детства».

Родился Валентин Попков в селе Новая Корьга Мордовской АССР. Детство художника пришлось на суровые военные и послевоенные годы, и поэтому не случайно рядом с «Улицей моего детства» встает целая серия работ «Военные годы». Вот две из них.

Первая — «Тревожное утро».

Перед нами невеликие домишки, невесть зачем скрепленные какой-то причудливой балкой-аркой. В окне одного дома слабо светится лампа, дверь в дом полураскрыта, из трубы тянется легкий дымок, окно же другого дома зияет своей пустотой. И над всем этим опустевшим миром возвышается словно онемевший от горя репродуктор, из которого как будто и рассеивается этот тревожный свет, заполнивший весь горизонт...

— Я был совсем маленьким,—говорит Попков,—шла война, и мне представлялось, что война начинается там, где кончается горизонт...

Вторая работа так и называется — «Военные годы».

Мы видим мужиков и молодых парней, уходящих на фронт, на Великую Отечественную, а за их спинами—баб и пацанов, в наследство которым остались тяжелые машины тракторов. И мы видим все тот же репродуктор и все тот же мрачно озаренный горизонт, а на самом горизонте—дерево, а над ним—растревоженную тучу птиц.

СЕЛЬСКАЯ СВАДЬБА.

ДЬЯКОВО. ЛЕЩИ.

туда не близкий: сначала поездом до Горького, а от Горького автобусом до Вачи, а от Вачи через Алтунино шесть километров пешком... И придет, бывало, среди ночи, но и это не беда: можно постучаться в любую дверь—его здесь все знают, он здесь свой житель. К каждому зайдет, с каждым переговорит, с кем чай попьет, с кем о житье-бытье потолкует, а то и свадьбу заглянет, а то и сено пойдет косить...

А потом, глядишь, появилась на холсте «Пора сенокосная»—радостно-приподнятый день, звенящие косы в руках и стога, стога—золотисто-рыжие тона перемешались с палевыми...

А «Сельская свадьба» написана еще раньше: торжественно одетые по такому случаю жених и невеста только еще идут в дом, а на улицах уже лихо отплясывают под гармошку—свадьба для всей деревни праздник...

А вот работа—«Праздник. Агитпоезд в мордовской деревне». Здесь и концерт художественной самодеятельности, и торговля книжками новинками, и игры—все смешалось в веселой круговерти. Веселятся и стар и млад—поистине праздник, народный праздник.

Художник Валентин Попков не ставит своей целью удивить нас необычностью формы или смысловыми эффектами; работает он в традиционной манере—манере, которая как бы напоминает неторопливый доверительный разговор, где обстоятельность описания распространяется и на детали. Причем многие «неживые» детали точно оживают под рукой художника: достаточно вспомнить и репродуктор времен войны, и доживающие свой век колодцы, и полураскрытые двери, и взбудораженные деревья, и грачьи гнезда...

Иногда художник заставляет нас, как в «Весне Ивана Герасимовича», посмотреть на свою деревню как бы с высоты огромного дерева. И от этого деревня, и земля, и человек на ней—ну не удивительная ли закономерность!—становятся еще лучше видны...

И еще: во многих работах художника Валентина Попкова присутствуют дороги, которые, как «обнаженные нервы земли», расплзаются куда-то к горизонту. Если долго будешь вглядываться, то наверняка покажется, что все эти дороги где-то пересекутся. Возможно, у тихой деревушки, за дальним косогором...

Александр ШЕЯНОВ